

ПИОНЕР

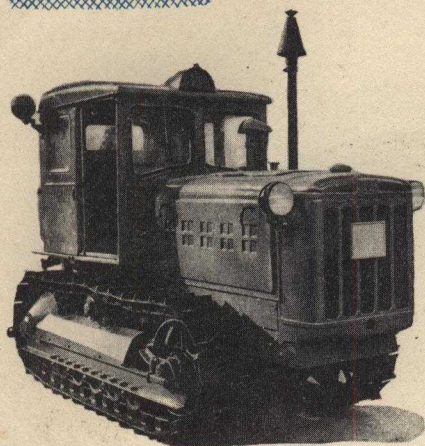

ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1956 год.

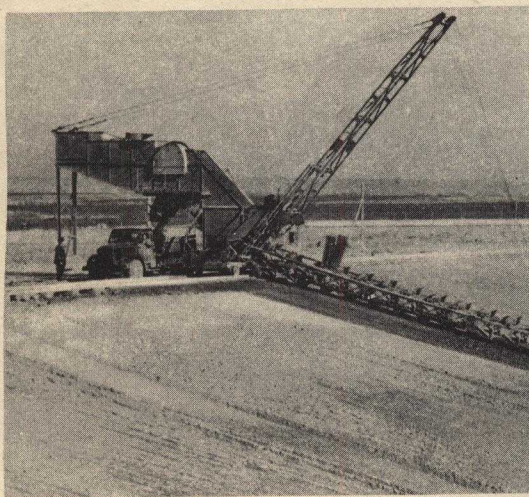
6

Сегодня
и Завтра

Вот новый гусеничный трактор «ХТЗ-20». Это очень мощная и экономная машина. А главное, работать на ней удобно. В кабине тракториста зимой всегда тепло, а летом прохладно. Тракторист может, не сходя со своего места, сам, без помощника, управлять многими прицепными и навесными орудиями.

Инженеры постарались создать такую машину, которая особенно нужна на целинных землях.

Чтобы построить один пятиэтажный дом, каменщикам нужно примерно 800 тысяч штук кирпича. Представляете, сколько кирпича требуется нашей стране, когда буквально в каждом посёлке, в каждом городе строятся новые дома!

Пролетарский кирпичный завод в Ленинградской области выпускает в год 21 миллион 600 тысяч штук кирпича. Ясно, что такое

Обычно, когда говорят о водолазах, то представляют себе, что работа их заключается в том, чтобы поднимать затонувшие, покрывшиеся ракушками и водорослями корабли.

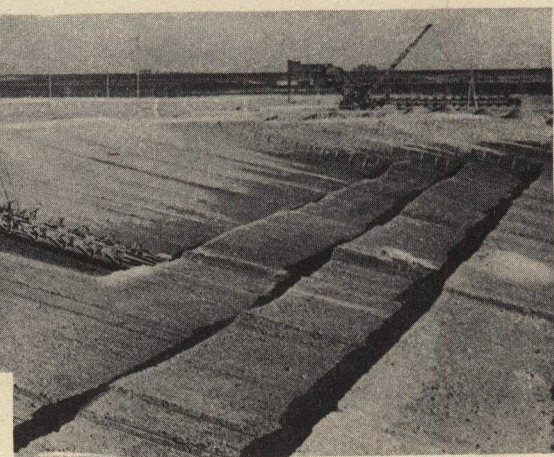
Это не совсем правильно, потому что, кроме этого, водолазы выполняют и многое другое.

Ну, если, скажем, нужно проложить по дну моря или реки кабель или трубопровод! Здесь никак не обойтись без водолазных работ.

Вот почему на большое строительство газопровода в Татарской АССР пригласили водолазов. Ведь 870 метров трубопровода должны пройти по дну Волги.

Старший водолаз А. Самсонов готовится спуститься под воду. Это очень опытный водолаз: он пробыл под водой 2 200 часов, то есть целых три месяца! Ему приходилось работать в любых очень сложных условиях.

Снимок этот сделан зимой — река скована льдом. Водолаз спускается в прорубь.

огромное количество можно выпустить только тогда, когда человеку помогают мощные механизмы.

На этом снимке видно, как добывается глина из карьера с помощью многоковшового экскаватора.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 6
ИЮНЬ
1956

В этом номере:

Берберийский лев.— Рассказ А. Мошковского. Рисунки Б. Винокурова	2
Благородная привычка.— Беседа Г. И. Петровского с пионерами	6
Прага в декабре. В Лидице.— Стихи З. Александровой. Рисунки П. Кирпичева	9
Рыбы поют в Укаяли (Из записок путешественников).— А. Фидлер. Перевели с польского И. Горбачёва, Я. Немчинский. Рисунки В. Константинова	10
Белая собака.— Р. Рома. Рисунки В. Цельмера	20
Добрые соседи (Из английского юмора).— А. Шмульян. Рисунок Ю. Кискачи	22
Пионеры Венгрии.— Рассказывают Дьердь Секе, Марика Эрдеши, Анни Дьенеш, Эдит Бергер	23
Тайное звено.— Ю. Савицкая	29
Тибетские сказки: Забытая песня. Как птицы короля выбирали.— Собрал и обработал Мариан Белицкий. Перевёл с польского Я. Немчинский. Рисунки А. Брея	30
Дерево. Топор соседа. Моё желание.— Стихи Л. Квитко. Перевод с еврейского. Рисунки Ф. Лемкуля	33
Пчелиный «компас».— Очерк Г. Голубева. Фотографии А. Стефанова	35
Сказка о малярной кисти.— В. Виткович, Г. Ягдфельд. Окончание. Рисунки Е. Щеглова	40
Атомовоз, атомоход, атомолёт.— Ю. Моралевич. Рисунки А. Катковского	49
Наша почта	53
Когда приходят волшебники.— Очерк Ю. Новиковой. Рисунки Б. Винокурова	58
На шестом материке	64
Почему и отчего	66
Звери, птицы, человечки.— В. Воронов	69
Спорт. Стройка в лагере.— В. Поликарпов, заслуженный мастер спорта	70
В мире книг	73
В часы досуга	80

На обложке:

Рисунок Н. Кольчицкого «Атомный ледокол».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Берберийский ЛЕВ

Рассказ А. Мошковского

Рисунки Б. Винокурова.

В конце июля в город впервые после войны приехал цирк. На столбах, заборах и стенах домов появились пёстрые афиши, и возле афиши, где фокусник тянул из рта бесконечно длинную ленту, толпились ребята и взрослые.

Всякий раз, проходя мимо цирка, Женья Зайцев подолгу останавливался и с завистью глядел на счастливых, покупающих билеты. А когда на стенах появилась новая афиша, ещё мокрая от клея, Женья просто потерял покой.

Могучий жёлтый лев с густой гривой, широко открыв зубастую пасть, готов был броситься на всякого, кто останавливался у афиши. А рядом с ним спокойно стояла высокая тонкая женщина в чёрном платье и бесстрашно смотрела на хищника. Сжимая в правой руке хлыст, левой она добродушно трепала его гриву. «Укротительница львов Ирина Забережная» — было написано внизу.

Правда, Женья уже был один раз в цирке, но с сегодняшнего дня цирк выступал с новой программой, а мать денег на билет больше не давала. В учебное время можно сэкономить на завтраках, но сейчас были каникулы.

Женья постоял, повздыхал и уже собрался было уходить, как вдруг кто-то тронул его за плечо. Перед ним стоял Савва Глухарёв.

— Здорово! — лениво сказал он.

— Здорово! — ответил Женья.

— Сила! — Савва кивнул на льва.

— А почему раньше его не показывали? — спросил Женья.

— В дороге простудился, занемог. А теперь выздоровел. Лев берберийский, на весь мир знаменитый! Не слыхал?

— Нет. А как ты проходишь: прорываешься или через запасной вход?

— Что я, гаврик какой-нибудь? Слава богу, вышел из того возраста.

— Значит, по контрамарке?

Савва только присвистнул.

— Не ерунди!

С минуту они постояли молча.

Женья пощупал в кармане гривенник — всё, что у него было, — и вдруг сказал:

— Жарища какая! Водички не хочешь?

— Это можно, — позёвывая, ответил Савва, и мальчики пошли к перекрёстку, где под полотняным навесом стояла тележка с водой.

— Два стакана чистой. — Женья положил монету в лужицу воды на тележке.

Савва ухмыльнулся краешками губ.

— Прошу с сиропом, — сказал он, — с удвоенной порцией. — Он протянул продав-

щице новенькую, хрустящую трёхрублёвку. — Убери свою мелочь!

Женя опустил в карман мокрый гривенник и, чтобы скрыть неловкость, отошёл в сторонку.

— Так как же ты проходишь? — спросил Женя, когда они выпили шипучей воды и отошли.

— Как, как! Что ты пристал ко мне?! Подхожу к кассе, беру билет, подаю контролёру... Вот так и прохожу.

Женя ничего не ответил. Он только пощупал в кармане гривенник и посмотрел куда-то мимо Саввы: что ты поделаешь, везёт человеку!

— Если хочешь, могу и тебя провести, — сказал Савва.

— Ты всерьёз?

— Глухарёв не любит трепаться, запомни!

— А когда? — не особенно веря, спросил Женя. — Сегодня?

— Завтра.

— А где встретимся? Возле цирка?

Савва ничего не сказал, взял Женю под руку, привёл в небольшой скверик и усадил на скамейку.

— Завтра в пять утра придёшь на Двину. Будешь ждать в кустах возле домика бакенщика. Ясно?

— Ага! — ничего не понял Женя.

— Там всё объясню. И чтоб не трепаться никому! Ясно? Могила. А вечером в цирк ходим. Ну, я пошёл. Гуд бай! — Савва встал, стряхнул пылинку с чёрных, хорошо выглаженных брюк, кивнул ему и зашагал через скверик на центральную улицу, а Женя остался сидеть.

В этот день Женя ничего не мог делать. Рассеянность его даже мать заметила: во время ужина он стал вилкой размешивать кусочки сахара в стакане.

Укладываясь в постель, Женя очень боялся проспать. Уйти решил тайком. После как-нибудь оправдается, скажет, на рыбалку с дядей Васей ходил.

Женя укрылся одеялом, зажмурил глаза, и сразу же из темноты выплыла арена цирка. Весёлые лошадки, всхрапывая, звенели колокольчиками на сбруе, клоун, как угорелый, убегал от них, фокусник, сверкая разноцветными камнями на чёрном костюме, размахивал палочкой. Потом свет погас, и в темноте один за другим взлетали горящие факелы — выступал жонглёр...

После каждого номера Женя вскакивал с постели и бесшумно подходил к будильни-

ку, который стоял на широком, как слонья спина, буфете...

Словом, спать в эту ночь не пришлось...

Осторожно прикрыв дверь, Женя зашагал по спящему городу к реке. Солнце взошло недавно и не успело нагреть воздух.

На улицах ни души. Только дворники поливают тротуары, и длинные чёрные шланги, как индийские удавы, шевелятся на асфальте. Возчики в высоких фургонах развозят по булочным хлеб утренней выпечки, и в воздухе вкусно пахнет поджаренной корочкой.

Женя сглотнул слюну и прибавил шаг.

Возле Двины стало ещё свежее. С реки дул влажный, колючий ветерок, по воде пробегала мелкая рябь, похожая на гусиную кожу.

По крутой тропке Женя спустился к домику бакенщика. Сандалии мягко вязли в сыром от росы песке. В густом ивняке его уже дожидался Савва. Обхватив руками колени, он сидел с папиросой в зубах на небольшом валуне и глядел на Двину. Тонкими голубыми ниточками дым отвязывался от папиросы, расходился и таял в воздухе.

Женя поздоровался и присел на корточки рядом. Савва короткими затяжками докурив папиросу до золотых букв на мундштуке, бросил окурочек на землю и каблучком

— Если хочешь, могу и тебя провести, — сказал Савва.

вдавил в песок. Потом сплюнул сквозь зубы, плевков пролетел метра три.

— Пришёл точно, — сказал Савва, глянув на ручные часики «Победа».

Женя тоже глянул: часы были с золоты-

— Рыба! — Женя потянул к себе снасть.

ми стрелками и показывали ровно пять часов и пять минут.

— Значит, вот, — продолжал Савва. — Дело проще пареной репы. Вчера вечером я поставил на плотках несколько перемётов. Крупная рыба идёт только ночью. Ставил, сам понимаешь, тайком, чтоб никто не заметил. А то немало есть ворюг: увидят — и прощай перемёт! А он-то денежки стоит! Одного шнура метров двадцать. А поводки с крючками? Совести нет у людей!

Женя слушал, не моргая.

— Один я, сам понимаешь, не успеваю просматривать все три перемёта. Часов в семь приезжают возчики за дровами; приходится торопиться, чтоб не увидали. Так вот, ты мне поможешь. Твой перемёт стоит вот там. Видишь? — Савва показал рукой.

— Вижу, — ответил Женя.

Савва добавил, что действовать надо быстро. Сняв рыбу, перемёт нужно снова опустить в воду; поздно вечером Савва сам наденет на крючки червей.

— Рыбу наденешь на это, — закончил Савва и дал Жене две палочки с накрученной на них верёвочкой. — Ступай!

Савва пошёл по берегу к дальнему плоту.

Вначале Женя забрался на ближний плот. Концы брёвен были накрепко прикру-

чены ивовыми и берёзовыми прутьями к длинным жёрдям. С этого плота Женя перешёл на второй, с шалашом.

Добравшись до края, оглянулся и присел на корточки. Чтоб не замочить рукава кур-

точки, он отстегнул пуговицы на манжетах и до самых плеч закатал рукава. Потом прилёг, опустил руки в воду и стал шарить по срезу толстых скользких брёвен.

— Есть! — И его пальцы коснулись туго натянутой верёвки.

Женя стал торопливо выбирать её и скоро увидел тёмнобурых кирпич. От верёвки отходил витой плотный шнур перемёта. Опустив груз на плот, Женя потянул за шнур. Тот резко дёрнулся, и по телу мальчика пробежала дрожь, словно сквозь шнур был пропущен ток.

— Рыба! — Женя уверенней потянул к себе снасть. Чем ближе подтягивал он перемёт, тем сильнее сопротивлялась рыба. Женя не замечал, как прохладные капли по рукам катились под рубаху, как с плеча съехал закатанный рукав и намок в воде. Чтобы перемёт не запутался, он, выбирая, аккуратно раскладывал его на краю плота.

На одних поводках висели пустые крючки, на других черви были оборваны до самого жала, а на третьих...

Вот в глубине жарко блеснуло что-то, и Женя рывком выбросил рыбу на плот. Крупный красноперый язь яростно работал хвостом, то открывая, то закрывая маленький, косо поставленный рот.

Женя придавил язя коленом к бревну и стал торопливо выбирать оставшийся шнур.

Минут через пять он опустил снасть в воду и побежал к берегу. На его снижке болтались два больших язя и три крупных полосатых окуня.

Савва тоже пришёл с богатым уловом. Прикинув на вес женину снижку, он прикусил верхнюю губу и сказал:

— С килограммчика два будет. Ну, теперь можешь идти досыпать.

Савва заправил рубаху под флотский ремень, потом вынул из кармана папиросу,

отвернулся от ветра, разжёл в ладонях спичку и глубоко затянулся.

— И чтобы никому! Ясно? Видал, какие рыбные места! Молчи, а то другие повадятся.

— Хорошо, а когда...

— Ровно в семь тридцать у кассы,— перебил Савва, и вдруг он дёрнул Женю за руку и упал: — Ложись!

Сутулый старик в тёмном овчинном полушубке с удочками и сачком в руках медленно спускался к реке.

— Ползи за мной! — прошипел Савва.

Старик взобрался на плот и неуверенно пошёл по неустойчивым брёвнам.

— Ползи, кому говорю! — громче зашептал Савва и пнул приятеля ногой. — Хочешь на льва пойти?

Но Женя не трогался с места и ждал, что будет делать старик.

Старик подошёл к тому месту, где только что был Женя, положил на брёвна сачок, удочки и ведёрко. Потом снял полушубок, засучил рукава рубахи, опустил в воду руку и стал за верёвку вытаскивать кирпич.

Женя смотрел на старика.

Вот он выбрал пустую снасть, утёр усы, вынул из сумки от противогаса консервную банку и принялся надевать на крючки червей. Погрузив кирпич на дно, он вымыл руки, вытер их о полушубок и уселся на жердь. Потом достал кисет. Но цыгарку почему-то не крутил, а неподвижно сидел на краю плота и задумчиво смотрел на реку.

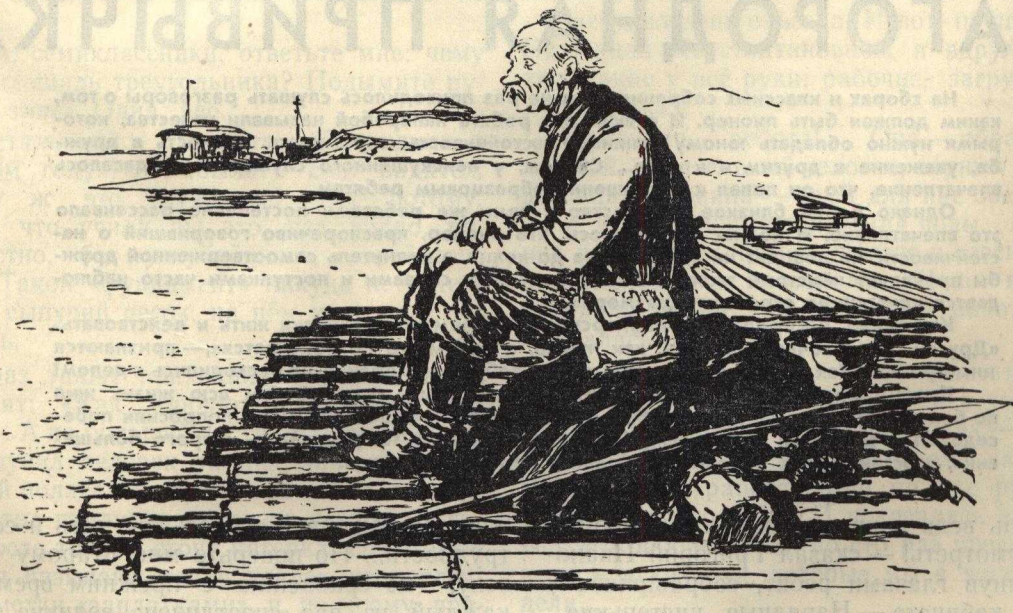
Солнце уже поднялось довольно высоко. За Двиной протяжно, на разные голоса закричали заводы, напоминая людям, что рабочий день наступил. На пристани раздался женский смех.

А старик всё сидел в той же позе и неподвижно смотрел на холодную воду.

Женя обернулся к Савве.

— Ну, чего, как рак, глаза выпучил? — недобро спросил Савва. — Струсил?

Женя ничего не ответил. Он поднялся и побежал прочь. Он бежал по узкой, мокрой от росы тропинке, по ногам хлестали тяжёлые ветки кустарников, а спину жёл печальный стариковский взгляд. Ему уже было всё равно, что он не попадёт в цирк, о котором мечтал, и не увидит знаменитого берберийского льва.

Он неподвижно сидел на краю плота и задумчиво смотрел на реку.

Директор Музея Революции Г. И. Петровский разговаривает с пионерами в одном из залов музея.

БЛАГОРОДНАЯ ПРИВЫЧКА

На сборах и классных собраниях нам не раз приходилось слушать разговоры о том, каким должен быть пионер. И всякий раз ребята наперебой называли качества, которыми нужно обладать юному ленинцу: настойчивость, скромность, верность в дружбе, уважение к другим и к себе... Словом, у неискущённого слушателя создавалось впечатление, что он попал к совершенно образцовым ребятам.

Однако более близкое знакомство с теми же ребятами постепенно рассеивало это впечатление. И подчас оказывалось, что пионер, красноречиво говоривший о настойчивости, не доводит ни одного дела до конца, а ревнитель самоотверженной дружбы проявляет чёрствый эгоизм. В общем, между словами и поступками часто наблюдается «дистанция огромного размера».

Как видно, рассуждать по-пионерски легче, чем по-пионерски жить и действовать. «Другой раз и хочешь сделать, как нужно, а почему-то не получается», — признаются иные ребята. Как же добиться, чтобы слово, доброе намерение не расходились с делом?

Лучшим советчиком в этом вопросе может быть тот, кто сам всю жизнь жил по-большевистски, в действии, в борьбе за лучшее будущее. Вот мы и попросили побеседовать с ребятами на эту тему Григория Ивановича Петровского — старого большевика, участника двух революций, боевого соратника Ленина.

— Ишь ведь какие вы щёголи! Любо-дорого посмотреть! — сказал Григорий Иванович, окинув глазами ребят, собравшихся у него в кабинете. — Нарядные, чистенькие... Невольно вспомнишь своё детство — застиранная рубашонка, босые ноги... А вы вон какие франты!.. Конечно, не всем из вас ещё

живётся так, как хотелось бы, есть и сейчас трудности... Но поверьте мне, старому человеку, — по сравнению с прежним временем каждый из вас счастливее: великие сдвиги произошли за эти годы.

Побеседовать с вами, ребята, всегда приятно, но иной раз после встречи с пионера-

ми возникает у меня некоторое беспокойство... Впрочем, мы поговорим об этом позднее, это тесно связано с темой нашей беседы.

Вы спрашиваете: как стать хорошим пионером, настоящим юным ленинцем, у которого слово не расходится с делом? Что ж, путь к этому, по-моему, есть, и путь верный. Называется он труд.

Возможно, многие из вас сейчас подумали: «Ну, мы это уже слышали! Это слово твердят нам все!». Но в том-то и дело, ребята, что труд не слово, а действие, и смысл его познаётся только на практике. Попробуйте потрудиться по-настоящему, и вы согласитесь со мной.

Каким трудом надо заниматься пионеру? Конечно, прежде всего надо учиться. «Учиться, учиться и учиться», — завещал нам Ленин. Вам, будущим строителям коммунизма, надо овладеть всеми сокровищами человеческой культуры, приобрести самые глубокие, самые обширные знания. Сейчас вы закладываете фундамент для этих знаний. Такой фундамент должен быть прочным. Но всегда ли вы стремитесь к этому, а, юные ленинцы?

Многие из вас гордятся хорошими отметками. Спору нет, пятёрка — вещь отличная, но ведь пятёрка пятёрке рознь. Случается и так: получит школьник пятёрку по арифметике, через месяц спросят его те же самые правила, а он их совершенно не помнит...

Ну-ка, семиклассники, ответьте мне: чему равна площадь треугольника? Подымите руки, кто знает. Одна, две...

А остальные?.. Говорите: «Проходили в прошлом году»?.. Забыли?.. Вот видите... Почему ж это случилось? Да потому, ребята, что учили вы это, как видно, поверхностно, без углублённого, серьёзного труда. Такой «фундамент» никуда не годится, это сыпучий песок, на нём ничего не построишь.

Не раз также приходилось мне слышать от ребят: «Как хорошо: я исправил отметку!». А по большей части это означает вот что: выучил человек за два дня материал, который полагалось пройти за месяц, случайно ответил прилично, и теперь у него в журнале после тройки стоит пятёрка. Некоторые учителя называют такие наспех исправленные отметки «заплатками», и, по-моему, правильно называют. И вот ведь какое дело, ребята: таких заплаток никто из вас не стыдится, а заплатки на локтях или штопки на

чулках некоторые — что уж тут скрывать! — считают позором.

Вот я и перехожу к вопросу, который меня беспокоит. Что вы такие нарядные и руки у вас беленькие, это хорошо; беда в том, что кое-кто из вас и впрямь растёт белоручкой. Учитесь такой пионер неплохо, но чтобы дома помочь, — этого у него и в мыслях нет: ему, видите ли, некогда! А иной или иная прямо считают домашние дела унижительными для своего достоинства. «С какой стати стану я посуду мыть или, того хуже, полы?! Вот ещё! От этого руки портятся»... Так иногда вырастают лодыри.

И вспоминается мне в связи с этим один эпизод из далёкого прошлого... В 1912 году царское правительство вынуждено было под давлением масс допустить в Государственную думу пять рабочих депутатов-большевиков. В числе пяти большевиков был избран в депутаты и я. Наша большевистская фракция стремилась использовать думскую трибуну для агитации и пропаганды, разоблачая политику самодержавия. Указания нам давал Центральный Комитет во главе с Лениным, жившим тогда за границей.

В начале 1913 года мы — депутаты-большевики — приехали в Краков на совещание. Решено было, что для экономии времени мы будем обедать у Владимира Ильича, и помню, с какой теплотой принимали нас, с каким вниманием Ильич следил, чтобы мы не были голодными...

Наступил день отъезда. И вот, прощаясь с Надеждой Константиновной, я вдруг заметил, какие у неё руки: рабочие, загрубелые, в трещинках...

Понимаете, ребята!.. Она — образованнейший, обаятельный человек, верный друг и помощник Ленина — сама для нас обеды варила, чистила кастрюли, мыла полы... А ведь она принимала прямое участие в совещании, выступала, вела протоколы... И вот всё же находила время для домашней работы, не гнушалась ею.

Никогда не забуду этого впечатления. Стоим мы — рабочие депутаты — в хороших костюмах, в крахмальных манишках — в Думе надо фасон держать! А рядом она с натруженными, работавшими на нас руками. Стыдно нам до слёз... И показали нам тогда эти рабочие руки во сто раз прекраснее всех женских рук, которые мы в жизни видели...

Думается мне, ребята, что трудом и отношением к труду определяется ценность человека. Этим летом, отдыхая в колхозе, я по-

знакомился с одной девочкой-шестиклассницей, вот такой же, как вы, в красном галстуке... С какой хорошей гордостью рассказывала она мне, что пасёт колхозное стадо! Знаете, глядя на неё, я подумал: вот таким и должен быть пионер — скромным и в то же время уверенным в себе... Тот, кто по-настоящему трудится, уважает чужой труд и себя самого.

Вот вы жалуетесь на то, что не всегда доводите свои добрые намерения до конца; дескать, «хочется, а не выходит». Это значит, ребята, что воля у вас слабовата. А что лучше всего воспитывает волю? Труд, всё тот же труд... Мне рассказывали, что некоторые ребята пытаются закалить свою волю довольно странными способами: жгут руку спичкой или же прищемляют дверью палец: «Не закричу, вытерплю, — стало быть, есть у меня воля!». Таким образом только покалечишь себя и ничего не добьёшься... Сделать простое, но нужное дело: комнату прибрать или даже в магазин, когда не хочется, сходить — много полезнее для воспитания воли, чем эти глупые, смешные опыты...

Вы говорите: «Времени нет, уроков много»... Да точно ли причина в этом?.. Дело-то, по-моему, прежде всего в том, что многие пионеры времени своего не умеют беречь. А время — драгоценная вещь.

Мне вспоминается случай, который произошёл в те же годы, когда мы, депутаты, ездили к Ленину.

Шло совещание в Поронине, галицийской деревне. Как-то мы сидели на веранде дома, где жил Ленин, а Владимир Ильич, пользуясь перерывом в совещании, чинил за верандой велосипед. Вдруг он поднялся, схватился за перила веранды и, подтянувшись на руках, лёгким броском перепрыгнул на веранду.

Мы улыбнулись: ведь можно было обойти вокруг веранды и подняться по ступенькам. Но Ленин объяснил, что торопится отправить на велосипеде резолюции совещания. Товарищи в Швейцарии, в Берлине, в Лондоне ждут наших решений, а почта на селе работает только один час в сутки. Если опоздаем на почту, придётся посылать материалы завтра, а это задержка в двадцать

четыре часа! В России идёт подъём революционного движения, разве можно опаздывать?!

Так вот, оказывается, о чём думал Владимир Ильич, спеша с починкой велосипеда! Вот как ценил он своё время, целиком отдавая его революции!

И вы, ребята, тоже должны научиться беречь дорогое время.

Распределите правильно своё время, — да не на бумажке, а на деле, на деле! — и вы всё успеете: и позаниматься, и поработать, и повеселиться.

Повеселиться тоже непременно нужно, без этого какая же работа?! Мы в своё время, несмотря на тяжёлый труд на заводе, всё же успевали и веселиться — попеть, поплясать... И всё это делалось по-хорошему — без вина, даже без курева... И с девушками мы дружили очень хорошо.

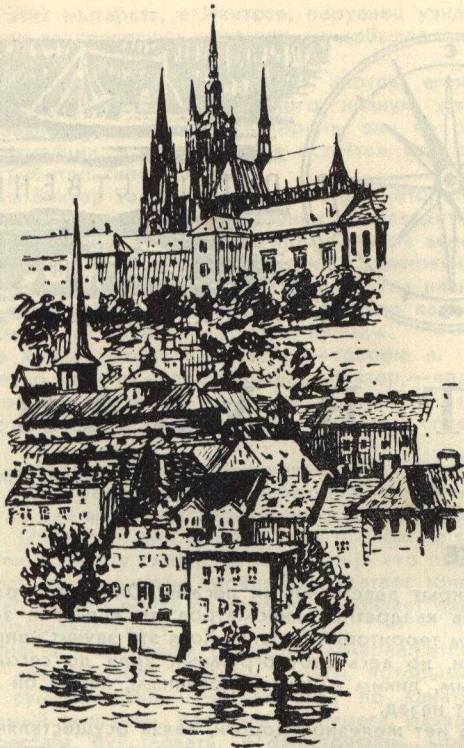
Пионер должен воспитывать в себе благородные, человеческие чувства. Здесь лучшие наши помощники — хорошие книги. Помню, как в 1897 году, когда я был совсем молодым токарем, у нас на заводе появился чудеснейший человек — Иван Васильевич Бабушкин. Ленин его очень уважал и писал впоследствии о нём... Он, Бабушкин, и завербовал меня в партию.

Беседуя со мной, он спросил, что я читаю, а узнав, рассмеялся и познакомил меня с такими книгами, как «Спартак» и «Овод», со стихами Некрасова, с сатирическими сказками Салтыкова-Щедрина. Вы все, должно быть, читали эти книги. Если же нет, — прочитайте непременно. Это прекрасные произведения, они будят лучшие чувства, распрямляют человека. Только, ребята, читая, не «глотаите» страницы наспех, вдумывайтесь в каждую строку. Чтение книг — это ведь тоже труд, чудесный, радостный, плодотворный!

На этом, думаю, мы и закончим нашу беседу, — сказал Григорий Иванович, прощаясь с ребятами. — Учитесь, трудитесь, читайте книги, а когда подрастёте, читайте Ленина. От души желаю вам успеха и весёлого отдыха! И думаю, что постепенно у каждого из вас вырабатывается то прекрасное свойство, которое поэт Некрасов назвал «благородной привычкой к труду».

ПРАГА В ДЕКАБРЕ

Прага, ты и вправду золотая,
Люди так тебя зовут не зря...
Здесь ещё каштаны облетают
На ветру сырого декабря.

Здесь, ещё не зная ледостава,
Посинев от холода слегка,
Катится задумчивая Влтава,
Гордая и вольная река.

Разглядеть всё хочется получше,
Каждый уголок тут сердцу мил:
Улица, где жил весёлый Фучик,
Дом, в котором Ленин говорил...

Башни остроглавые, и спуски,
И неповторимый Пражский град,
Где ребята чешские по-русски
Всё, что сами знают, объяснят.

В солнечный денёк или в ненастный
Прага нас волнует красотой.
Так же, как Москва зовётся Красной
Прагу называют Золотой.

Ясная, сердечная, простая,
Где живут хорошие друзья,
Прага, ты и вправду золотая!
Увидав, тебя забыть нельзя.

В ЛИДИЦЕ*

На снимке одном невесёлом,
Не зная, что пробил их час,
Ребята из Лидицкой школы
Доверчиво смотрят на вас.

Те младше, а эти постарше,
И каждый немножко похож
На худеньких школьников наших,
На русских Наташ и Серёж.

Тут где-нибудь Янек и Стасик,
Гляди на них лучше, гляди...
Уроки окончены в классе,
Каникулы ждут впереди,

Ждёт лето любимого края,
Местечки мальчишеских встреч...
А где-то бензин отмеряют,
Чтоб Лидице ночью поджечь.

Простые шахтёрские дети...
В чём каждый из них виноват?
А их увезут на рассвете,
В нацистских приютах сгноят.

Забудешь ли эту разлуку!
Сожжённый, ограбленный дом...
Как веточка, тонкую руку,
Что мокрым взмахнула платком...

Всех маленьких с их узелками
Втолкнули в машину одну,
Везли их лесами, полями,
На запад, в чужую страну...

Отстроена Лидице снова.
Вот школа и домиков ряд,
Живут здесь шахтёрские вдовы,
Здесь матери ждут и грустят.

А ветер в орешнике рыщет
И плачет в печали своей,
Как мать, что без устали ищет
Пропавших своих сыновей...

Чтоб высохли горькие слёзы
И в дружбе забылась беда,
Душистые яркие розы
Народ посылает сюда —

Из Бирмы, России, Китая,
От всей необъятной родни...
На пепле они расцветают,
За мир голосуют они.

И сердце уверенней бьётся.
Мы вместе — и, значит, сильны.
Бороться!

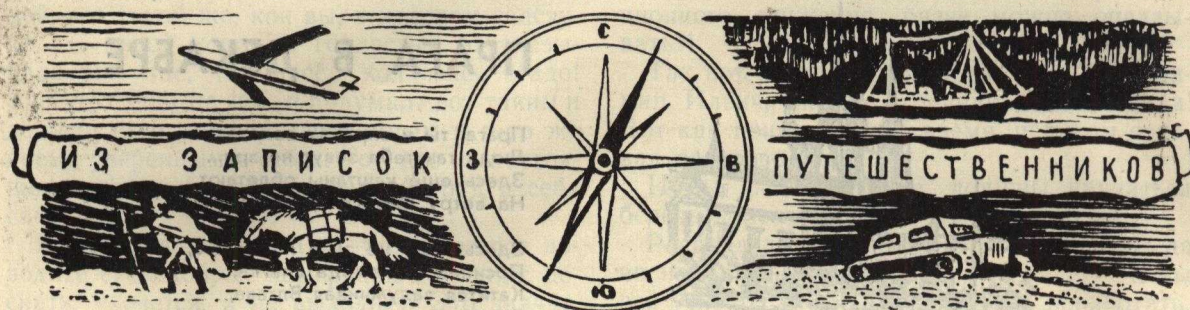
Бороться!

Бороться!

Чтоб не было больше войны!

* Лидице — чешская деревня, стёртая с лица земли гитлеровскими карательными отрядами.

РЫБЫ ПОЮТ В УКАЯЛИ

Аркадий Фидлер

Рисунки В. Константинова.

ДЖУНГЛИ НА АМАЗОНКЕ

Колибри

Весь бассейн Амазонки покрыт девственными лесами. Они простираются на территории около семи миллионов квадратных километров, то есть они занимают площадь, равную почти двум третям территории Европы. Хотя это звучит неправдоподобно в нашу эпоху радио и авиации, но весь этот огромный край до сегодняшнего дня остаётся таким же таинственным, диким и неисследованным, каким он был сто, полтора или даже четыреста лет назад.

На всём этом пространстве нет железной дороги, связь осуществляют только десятки два пароходиков, курсирующих по Амазонке и некоторым её притокам...

От самого Атлантического океана мы видим только лес: пальмы, лианы, бамбуки, эпифиты, деревья прямые и изогнутые, деревья, растущие почти горизонтально, деревья и кусты самой разнообразной формы и расцветки, с листьями белыми, как снег, и красными, как кровь. Вот уже три недели мимо нас непрерывно, днём и ночью, проплывают бесконечные амазонские джунгли, самые большие и самые буйные на земле...

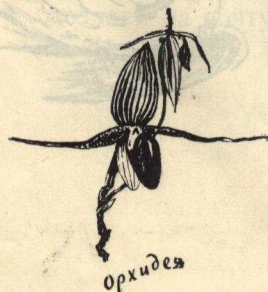
Амазонские джунгли! Кто-то сказал, что для человека, вступающего в джунгли, бывает только два приятных дня. Первый день, когда, ослеплённый чарующим великолепием и могуществом джунглей, он думает, что входит в рай, и последний день, когда, близкий к сумасшествию, он бежит из этого зелёного ада обратно к цивилизации. Я не раз вспоминал эти слова во время своих путешествий, в которых я исследовал таинственные притоки Амазонки.

Невыносимая жара и сырость, царящие здесь круглый год; разливы рек, затопляющие эти огромные пространства в течение девяти месяцев в году; тысячи неизвестных болезней, подстерегающих человека среди болот; муравьи и термиты, пожирающие всё, что им попадается на пути; тучи moskitov, заражающих кровь смертельными болезнями; ядовитые змеи, ядовитые пауки; одурманивающие деревья — всё это делает амазонские джунгли проклятым местом для человека.

Но эти же джунгли — мечта для естествоиспытателя, который открывает там подлинные чудеса природы: цветы удивительных расцветок; таинственные орхидеи с опьяняющим ароматом; бабочек, более ярких, чем любые цветы; крошечных колибри, ещё более красивых, чем бабочки; птиц причудливой формы; животных, которые сохранились здесь с древнейших эпох; муравейники с таким совершенным порядком, что мы, люди, смотрим и поражаемся.

Многое уже открыли люди на свете, но в амазонских джунглях таится никому ещё неведомый мир...

ДРАМА В ИКИТОСЕ

орхидея

Фирма «Астория» занимается вывозом красного дерева — махагони. Фирме принадлежит большая лесопилка в Нанае, недалеко от Икитоса, куда несколько раз в год приходят суда из Соединённых Штатов. Они увозят древесину в Нью-Йорк. «Астория» покупает махагони только в Икитосе, куда его сплавляют по реке, и это даёт возможность фирме диктовать цены и позволять себе скандальные злоупотребления.

Добыча махагони — занятие крайне трудное, и тот, кто берётся за него, должен иметь сильные нервы, крепкие мускулы, железное здоровье и смелость. На берегах главных рек леса уже опустошены, поэтому за махагони надо идти дальше, вглубь джунглей, и быть готовым ко всевозможным опасностям.

Никто не покупает махагони в лесу. Перуанцы, дождавшись разлива, сплавляют плоты в Икитос, иногда за тысячу, а то и за две тысячи километров. По дороге их подстерегают капризы дикой реки: водовороты, неожиданные заторы. И только в самом

конце всех этих мытарств, в Икитосе, перуанец узнаёт, получит ли он что-нибудь за древесину, которую он добывал тяжёлым трудом иногда в течение целого года.

Когда в Икитос прибывает много плотов, агенты «Астории» предлагают сплавщикам до смешного низкую цену. Перуанцы полностью зависят от милости «Астории», они не объединены ни в какие организации, и им ничего не остаётся, как, скрипя зубами, принимать грабительские условия.

Однажды Виктор Тадеуш, переселенец, у которого я остановился, сказал мне, что на берегу Амазонки происходит крупный скандал. Около Малекона, чуть пониже порта, вчера вечером причалил большой плот, сплавленный по Укаяли. Столкновение произошло из-за бессовестно низкой цены, которую агенты назначили за превосходную древесину, заявив, что она плохого качества. Доведённый до отчаяния сплавщик не уступил купцам.

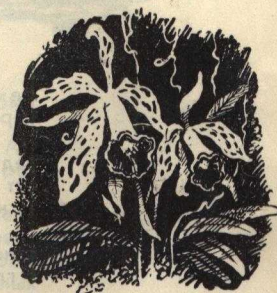
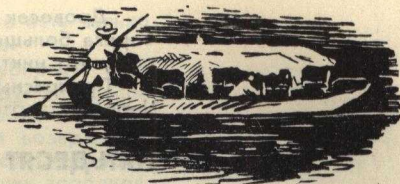
— Но в конце концов он сдаётся,— говорю я.

— Конечно, сдаётся,— подтверждает Виктор,— ведь другого выхода нет. До Манауса, где тоже можно продать махагони, отсюда две с половиной тысячи километров, к тому же это уже за границей, туда не станешь сплавлять... Однако пока что он держится...

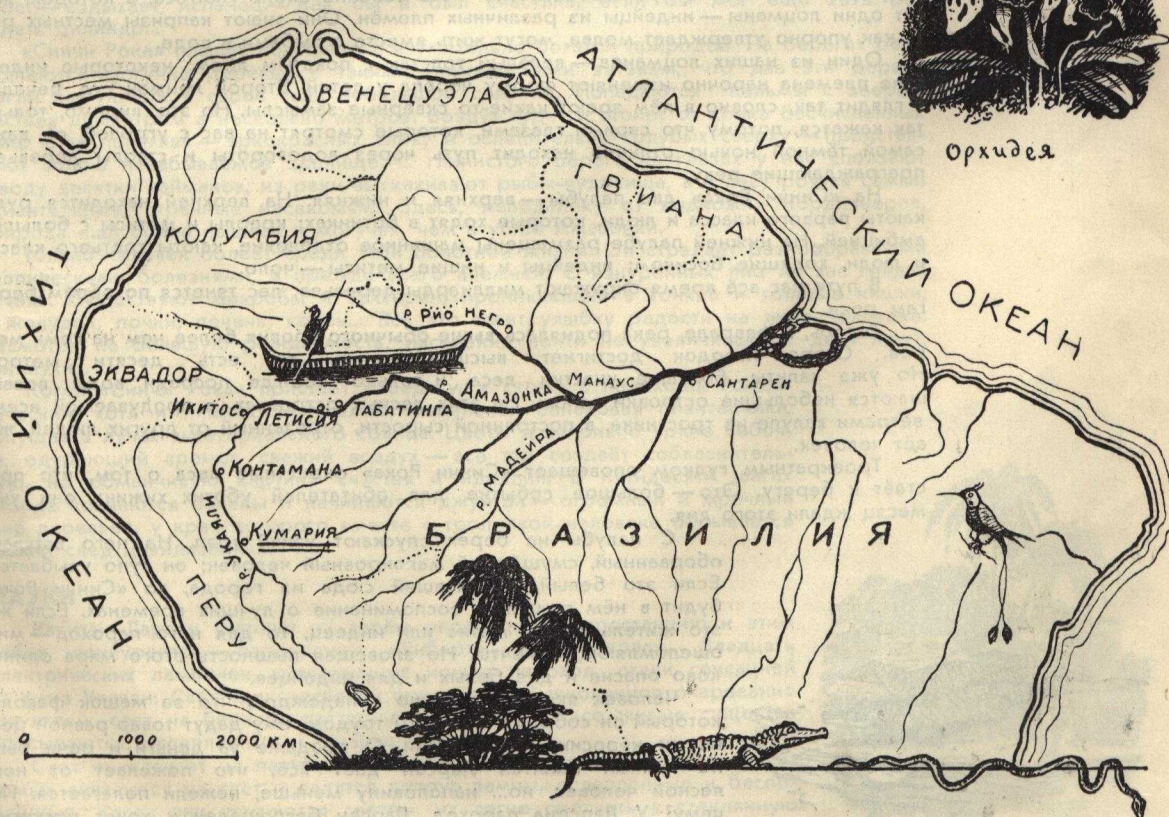
Меня заинтересовало это столкновение, и я отправился на пристань. Уже издалека была видна толпа зевак, которые наблюдали за скандалом. Я подошёл к берегу в тот момент, когда два агента «Астории», презрительно пожимая плечами, соскочили с плот на берег. Очевидно, они сказали своё последнее слово.

Дровосек с минуту следит за ними, лицо его побаргровело от возбуждения. Потом он вскакивает, со страшным проклятием хватается топор и в несколько прыжков догоняет агентов. Ударом буха по голове он убивает одного из них, другому, промахнувшись, разворачивает скулу.

Молниеносным прыжком сплавщик возвращается на плот, и в порыве неуправляемой ярости рубит топором канаты, которыми плот привязан к берегу. Потом, как сумасшедший, начинает бить по канатам, связывающим стволы. Плот, уносимый течением, удаляясь от берега, разваливается на части. А безумец не перестаёт буйствовать. В ожесточении, молча, он перепрыгивает со ствола на ствол и рубит топором. Бешенство придаёт ему нечеловеческую силу. В поразительно короткое время он разрушает огромный плот. Стволы деревьев уплывают вдалёку...

Орхидея

Дровосек что-то громко кричит, грозит топором берегу и кидается в воду. До берега больше ста метров, и он почти мгновенно тонет. Всё это происходит так быстро, что никто из стоящих на берегу не успевает броситься ему на помощь.

Прекрасные стволы деревьев — целое богатство — медленно плывут по течению. Через четверть часа они проплывут мимо лесопилки «Астории» в Нанае...

ПЯТЬДЕСЯТ ШАГОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«Синчи Рока» — это пароход водоизмещением в сорок восемь тонн. Каждые полтора месяца он отправляется из Икитоса вверх по течению, входит в реку Укаяли, добирается почти до самых её истоков и возвращается тем же путём. Скорлупка небольшая, но вместительная. Вместе с двумя другими пароходиками он доставляет жителям укаяльских районов одежду, соль, нефть и орудия труда, а также перевозит пассажиров.

Капитан и владелец парохода Ларсен — норвежец из Осло — уже тридцать лет плавает по здешним рекам. Он потерял в водоворотах Укаяли все свои корабли, кро-

ме «Синчи Рока». Каждые полтора месяца Ларсен посещает все большие селения на берегах Укаяли, диктует цены, продаёт, покупает, обдирает людей.

Ланчо — так называют небольшие суда, плавающие по Амазонке и её притокам, — ведут два лодмана из Пунчаны. Пунчана — это селение около Икитоса, в котором живут одни лодманы — индейцы из различных племён. Они знают капризы местных рек и, как упорно утверждает молва, могут жить вместе с рыбами в воде.

Один из наших лодманов — весёлый толстяк с покатым лбом: некоторые индейские племена нарочно изменяют форму черепа у детей. Второй лодман худ, печален и глядит так, словно в нём зреют какие-то скверные замыслы. Но это, видимо, только так кажется, потому что своими глазами, которые смотрят на вас с угрозой, он даже самой тёмной ночью отлично находит путь через водовороты и стволы деревьев, преграждающие реку.

На «Синчи Рока» две палубы — верхняя и нижняя. На верхней находится руль, каюты первого класса и люди, которые ходят в ботинках: креолы и метисы с большой амбицией. На нижней палубе размещены машинное отделение, каюты третьего класса и люди, ходящие босиком: индейцы и нищие метисы — чоло.

В пути нас всё время окружают миллиарды деревьев, лес тянется по обоим берегам реки.

Теперь, в феврале, река поднялась выше обычного уровня более чем на семь метров. Скоро паводок достигнет высшей точки, то есть десяти метров. Но уж залиты большие участки леса, и только кое-где посреди воды возвышаются небольшие островки земли. На этих лесных островках, в продуваемой всеми ветрами халупе из тростника, в постоянной сырости, отрезанный от других людей, живёт человек.

Троекратным гудком оповещает «Синчи Рока» окрестные леса о том, что пристаёт к берегу. Это — большое событие для обитателей убогих хижин; они уже месяц ждали этого дня.

С палубы на берег спускают узкий трап. На него вступает оборванный, смущённый малокровный человек; он тупо улыбается. Если это белый, приехавший сюда из города, то «Синчи Рока» будит в нём туманное воспоминание о лучших временах. Если же это житель лесов, метис или индеец, то для него пароход — мир ошеломляющей мечты. Но зловещая пышность этого мира одинаково опасна и для белых и для индейцев.

Человек входит на ланчо с надеждой, что за мешок фасоли, который он собрал с большим трудом, ему дадут товар равной ценности: керосин, мыло, ткани. О продаже за деньги и речи быть не может. Капитан Ларсен даёт всё, что пожелает от него лесной человек, но... наполовину меньше, нежели полагается. Почему? У Ларсена пароход. Ларсен беспощаден и хочет поскорее

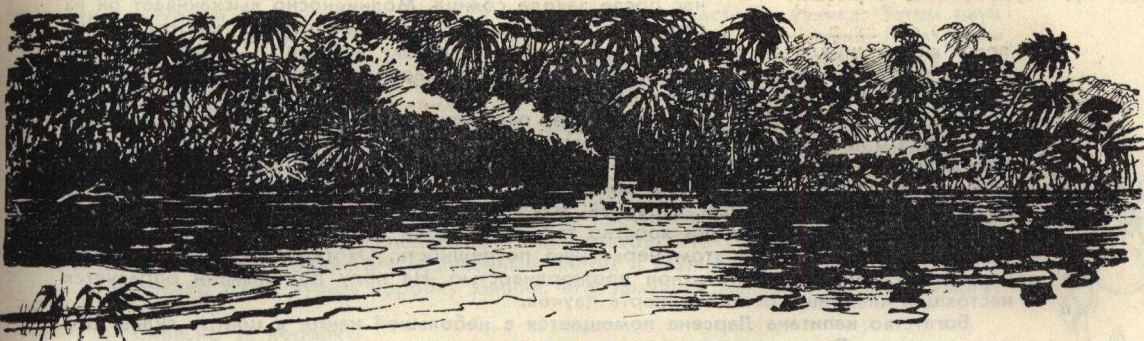

разбогатеть, а лесной житель беден, болен, и у него нет парохода. У него есть только маленькая лодка-каное, а до Икитоса пятьсот, а то и тысяча километров.

После ограбления крестьянина «Синчи Рока» даёт два гудка, убирает трап и отплывает. Несколько минут назад прибрежный житель был втянут в круг интересов большого мира и подвергнулся действию его законов. Теперь, когда трап снят, связь оборвалась. Человек снова принадлежит джунглям. Тяжёлой походкой возвращается он в свою хижину, к обычной своей жизни, нищей, безнадёжной, бессмысленной...

На берегах Укаяли влачат жалкое существование несколько небольших городков: Рекена, Орельяна, Контамана, Масисеа. Для всех этих городов «Синчи Рока» везёт всего четырнадцать писем и три газеты: одну в Контаману, вторую в Масисеа и третью для доктора Шимонского, в польскую колонию в Кумари. Остальные жители этого края, видимо, ничего не читают и ничего не хотят знать о внешнем мире.

Однако не все. На одной из остановок на пароход приходит человек, одетый в тщательно починенную блузу и чистые штаны. По тёмному, загорелому лицу трудно определить, кто он: здешнее солнце и климат одинаково истощают всех, делая лесных людей похожими друг на друга.

Оказывается, это испанец, живущий на Укаяли уже сорок лет. Узнав, что я прибыл из Европы, он подходит ко мне и после долгих извинений спрашивает:

— Скажите, в Европе ещё носят цилиндры? При каких обстоятельствах? Ах, диос! — вздыхает испанец. — Как бы я был счастлив, если бы мог ещё хоть раз надеть цилиндр...

«Синчи Рока» плывёт по стране с изумительно богатой природой. На берегах реки виднеются могучие деревья с такими раскидистыми ветвями, что два эти дерева могли бы укрыть в своей тени небольшое селение. Попадаются пальмы с веером листьев диаметром в несколько метров. Воздух гудит и стонет от крика бесчисленных птиц. Стаи попугаев — яркокрасных снизу и ослепительно голубых сверху — представляют собою незабываемое зрелище. С глинистого берега на глазах у нас сползают в воду десятки кайманов, из реки выскакивают рыбы-чудовища, а в лесу роятся самые удивительные, странные насекомые. Здесь, неподалёку от подножия Кордильеров, природа ещё более пышная и могучая, чем в устье Амазонки.

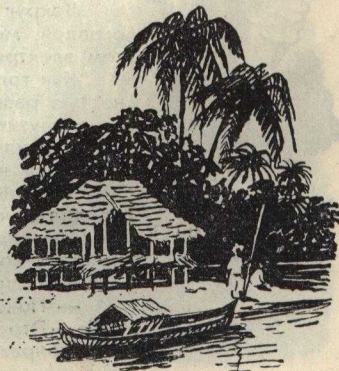
Только человек болеет среди этой болотной жизни. Он страдает разнообразными тропическими болезнями, и прежде всего анемией. С изнурённых лиц на вас глядит печаль. Существуют микробы и бактерии, проникающие в тонкие и толстые кишки, в желудок, почки, печень, кровь... Всё это гасит улыбку радости на лице человека. Несмотря на большую рождаемость, население почти не увеличивается: дети мрут, как мухи...

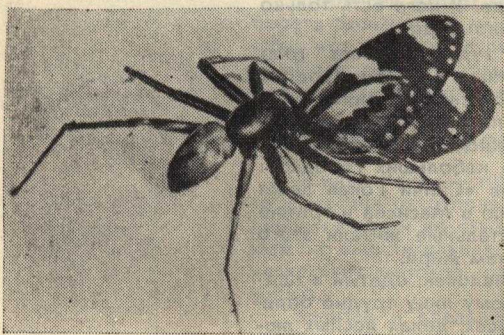
Когда «Синчи Рока» пристаёт к берегу, я схожу с парохода. Романтический, хотя и нищенский, шалаш, маленькая банановая плантация, тонущая в лучах экваториального солнца. Цветы и капризно яркие бабочки, одуряющий аромат, свежий воздух — всё это создаёт соблазнительную, но обманчивую картину счастья и идиллии. В пятидесяти шагах отсюда кончаются бананы и начинаются джунгли — огромный и мрачный мир деревьев, у края которого вместе с тропинкой человека обрывается всякий след цивилизации...

ПАУКИ

Капитан Ларсен устроил на своём пароходе электростанцию и этим побил конкурентов — пароходики «Либерт» и «Либерал». Двадцать электрических лампочек, освещающих ночью пароход, стали сенсацией на реке Укаяли. Свет электросвечей придаёт необыкновенное очарование джунглям, сеет на берегах растерянность и испуг: все живые существа просыпаются, ослеплённые и ошарашенные.

Свет привлекает на палубу обитателей леса. Бесчисленные рои насекомых слетаются на свет и садятся вокруг лампы, ослеплённые и беспомощные. Когда они упиваются светом, их легко смахнуть в стеклянную банку.

Схватив бабочку, паук яростно тормозит её.

Мои коллекции растут. Но у меня есть сильные конкуренты — пауки, профессиональные охотники, неутомимые разбойники. Над столом, за которым мы едим, висит самая яркая на «Синчи Рока» лампа, и к ней больше всего слетается насекомых.

Вдруг, как камень из пращи, из щели в потолке выскакивает косматый паук-гигант (*Mygale*) и чуть ли не из моих рук вырывает редкую бабочку-шелкопряда. Такой паук не очень приятный сосед, поэтому капитан Ларсен организует на него облаву. К сожалению, «Синчи Рока» — старая посуда с сотнями глубоких щелей, и поймать паука не удаётся. В конце концов приходится признать существование паука фактом, не подлежащим изменению.

Паук оказывается тактичным и сдержанным грабителем: он появляется только раз в сутки, примерно через час после захода солнца. Молниеносно выскакивает он из своей норы, хватая самую аппетитную жертву — чаще

всего какую-нибудь толстую бабочку — и вместе с ней исчезает в своём укрытии. После этого он больше не появляется, и тогда наступает мой черёд. Только через два дня удаётся нам поймать одного паука.

Все другие лампочки на «Синчи Рока» осажены пауками из семейства *Lycosidae*, волчков. Это маленькие, но весьма прожорливые бестии, подвижные и наглые, настоящие волки в семействе пауков. Два — три паука сидят, примостившись в каком-нибудь укрытии. Нападают они главным образом на мух, но отнюдь не брезгают и более крупной дичью — бабочками, саранчой, жуками.

Схватив насекомое, пауки яростно тормозят его и высасывают соки из ещё живого тела, проявляя при этом нервную поспешность. Охотятся они всю ночь без перерыва, движимые ненасытной прожорливостью. На полу под лампой образуется настоящее кладбище останков жертв пауков.

Богатство капитана Ларсена помещается в небольшой каюте в центре судна. Это склад товаров. Все четыре стены каюты заняты полками, на которых разложены предметы, привезённые из цивилизованного мира и необходимые для жизни в джунглях. Здесь есть всё — от иглы до ружей и консервов. Четыре стосвечовые лампы заливают склад ослепительным светом и превращают каюту с товарами в мир мечтаний, страстных желаний и всемогущих искушений. Нет человека на берегах Укаяли, который устоял бы перед соблазнами этой каюты.

В каюте за столом сидит капитан Ларсен. У Ларсена голубые, холодные глаза. У людей с берегов Укаяли глаза чёрные и горячие. Как замороженные, они не могут оторваться от сокровищ Ларсена.

Индеец из племени кампа принёс четыре шкуры дикой свиньи-пекари и хочет за них большой нож-мачете. Шкуры очень хорошие, старательно высушены; они стоят не одного, а двух мачете.

— Ты не получишь мачете! — спокойно заявляет Ларсен. — Он стоит шесть шкур, а у тебя только четыре шкуры. За четыре шкуры ты можешь получить материю на платье для твоей жены и на брюки для тебя.

— Мне не нужна материя, — объясняет обеспокоенный индеец, — мне нужен мачете.

— Мачете я не могу дать! — звучит решительный ответ Ларсена.

Блеск четырёх лампочек отражается в стальном острие мачете.

Ларсен приказывает дать сигнал к отплытию. У Ларсена нет жалости, его не трогает опечаленный вид кампа. Индеец поспешно убегает и приносит ещё две шкуры, — может быть, своё последнее богатство — и получает нож, за который он переплатил вдвое.

* * *

Индеец
из племени
кампа

Вокруг палубы сделана ограда, предохраняющая людей от падения за борт. Над оградой, между нею и краем крыши, пролетают все насекомые, привлечённые светом электрических ламп.

Как только наступают сумерки, множество хитрых пауков с лихорадочной поспешностью развешивают под крышей свои ловушки, всевозможные предательские паутины и паутинки. Пауки всю ночь творят свои чёрные дела. У них богатый улов. Только когда прилетают большие жуки или бабочки, в этих ловушках образуются дыры; но и то лишь на минуту. Пауки быстро исправляют повреждения.

Каждый день поутру корабельный мальчик метлой сгребает паутину и уничтожает орудия ночной ловли. И каждый день вечером пауки начинают свою работу снова. Однажды вечером, во время ужина, когда за столом сидели все двенадцать пассажиров во главе с Ларсеном, кто-то из присутствующих заметил:

— Отвратительное зрелище — эти пауки!

— Почему отвратительное? — удивился Ларсен и добавил с язвительной усмешкой: — Это такие же пассажиры, как и все другие, как каждый из вас, мои дорогие! — Ему понравилось это сравнение, и он продолжал: — Но это пассажиры более приятные, чем многие люди: у них, по крайней мере, есть характер!

Один из пассажиров воскликнул:

— Какой там характер! Ведь это настоящие бандиты.

С лица Ларсена исчезла улыбка, он окинул собеседников сердитым, почти враждебным взглядом и возразил:

— Это властные насекомые, это сверхнасекомые!

В течение нескольких дней я выслеживаю паука из семейства *Gasteracantha*. Это превосходный экземпляр лазурного цвета с яркокрасными крапинками. Из брюшка у него растут жёлтые дугообразные колючки, в несколько раз длиннее самого паука, напоминающие какой-то необыкновенный хвост. В противоположность ликсидам лазурный паук двигается медленно, степенно, как бы сознавая, что среди своих серых собратьев он выглядит настоящим павлином.

Паучий красавец раньше всех после захода солнца начинает плести свою паутину. Потом он прячется где-нибудь поблизости и подстерегает жертву. Нити его сети очень прочные, их не порвут даже большие бабочки и саранча. У паука много терпения: он выходит из засады только тогда, когда в паутине запутается несколько насекомых. Он подходит к каждому из них по очереди и прикладывает к мечущейся жертве, как бы целуя её. Это смертельный поцелуй. Он длится всего несколько секунд, и за это время лазурный паук успевает высосать все соки из несчастного узника. Затем паук выбрасывает жертву из паутины и после тщательного осмотра сети важно и неторопливо возвращается на своё место и терпеливо дожидается прилёта новых жертв.

В один из солнечных дней я прервал его разбойничью жизнь. Отличный экземпляр лазурного паука пополнил мою коллекцию.

Однажды капитан Ларсен сообщил мне, что вскоре я увижу одного поселенца, удивительного чудака, авантюриста и свихнувшегося человека. Несколько лет назад он прибыл из Европы и поселился на Укаяли. Потеряв всё имущество, он не может выбраться из долгов и влачит жалкое существование. Из рассказа Ларсена было очевидно, что капитан неприязненно относится к несчастному.

Следующей ночью поселенец пришёл на пароход. Это был страшно худой, возбуждающий жалость бедняга с измученным лицом и ввалившимися глазами.

Поселенец хотел купить коробку хинина: его замучила малярия. Спасти его могут только уколы.

— Сколько за коробку?

— Четыре сольдо! — отвечает Ларсен.

— У меня только три, — печально говорит больной.

— Значит, я не продам тебе хинина... — Ларсен насмешливо улыбается. — Устрой сбор среди чоло и индейцев в третьем классе...

Издевательство приводит поселенца в бешенство. Чудовищные проклятия и ругательства сыплются по адресу Ларсена, сохраняющего полное спокойствие. Капитан приказывает матросам выбросить поселенца за борт.

— Я заплачу за него! — говорю я Ларсену.

Капитан бросает на меня враждебный взгляд.

— Смотри за своим носом, сеньор! — шипит Ларсен. — Не вмешивайся!..

Разъярённый поселенец, стоя на берегу, не перестает сыпать проклятия. Пароход отходит от берега, в густом мраке не видно человека, и кажется, это джунгли посылают проклятия капитану и его пароходу.

Ларсен с нескрываемым удовольствием слушает эти проклятия. Потом раздражается издевательским смехом.

Я ухожу в каюту и по дороге вижу пауков, плетущих свои сети...

МЫ ОХОТИМСЯ НА РЕКЕ ИНУЕ

— На реке туман! — такими словами будит меня мой пре-паратор Педро Чухутаджи, метис, мать которого происходит из индийского племени кечуа.

Педро приехал вместе со мной из Икитоса. За несколько месяцев я полюбил этого умного, энергичного, хотя и немного замкнутого человека. Мы стали настоящими друзьями.

Река ночью поднялась ещё выше (когда же она наконец перестанет прибывать, ведь это настоящий потоп!) и затопила нашу лодку. Пока мы вытаскиваем каноэ из ила, начинает светать: уже половина шестого утра. Появляется заспанный Валентин, молодой метис из племени кампа, которого я взял для работы с коллекциями.

Мы трогаемся: я сию в центре каноэ с ружьём, они — на носу и на корме с вёслами. Туман скрывает не только противоположный берег, который находится в километре от нас, но и деревья по эту сторону реки...

Мы входим в речку Иную, приток Укаяли. Не слишком широкая, но глубокая река позволяет нам обстреливать из лодки оба берега. Вода в Укаяли прибывает, и Инуя течёт сейчас в обратном направлении — от устья к истокам.

Неожиданно в воздухе что-то произошло: серый низкий туман вдруг поднялся выше леса и засверкал ярким розовым бле-

Капибара

Вот такая огромная змея анаконда.

ском. Он сиял над нами, как купол из светящихся роз. Потом туман рассеялся, и первые лучи солнца упали на вершины деревьев. Только что было прохладно, как бывает июльским утром в Польше, а через несколько минут наступила тропическая жара. С нас градом льётся пот.

На болотистой кочке лежит двухметровый кайман — огромная колода, в которой кроется бездна коварства. Кайман не спит. Когда до него остаётся шагов двадцать, он приподнимает голову и лениво сползает в воду. Просто удивительно, что в такой маленькой речке живут такие огромные чудовища. Я не стреляю в каймана, потому что меня интересуют птицы...

Невдалеке от нас раздаётся «ток-ток», как будто кто-то бьёт молотком по дереву. Это жёлтый дятел, нужная мне птица, поэтому мы плывём в его сторону. Прицепившись к стволу дерева, он с ожесточением долбит кору, но прежде чем я успеваю вскинуть ружьё для выстрела, птица перелетает на другое дерево, вглубь леса. Мы спешим за ней. Каноз скользит под деревья, и мы вдруг оказываемся как бы совсем в ином мире.

Необыкновенное зрелище — наводнение в зелёном полумраке. Куда ни взглянешь, всюду из воды торчат деревья. Наверху ветви наполнены светом и птичьими голосами, а внизу мёртвая, неподвижная поверхность воды. Здесь деревья как будто не имеют никакого отношения к земле.

Кажется, что в этой вечной тишине таятся какие-то враждебные замыслы, веет ожиданием какого-то предательства, подстерегает угроза засады. Чьей засады, на кого? Конечно, это плод возбуждённого воображения. Однако через минуту оказывается, что эта тревога не лишена основания.

Лодка протискивается между сырыми стволами. Кустарниковый подлесок затрудняет погоню, но всё же мы продвигаемся вперёд. Наверно, мы могли бы плыть под деревьями в одном направлении много дней: лес затоплен на протяжении нескольких десятков километров, а может быть, и больше.

Дятел перелетает с дерева на дерево и уводит нас всё дальше, вглубь джунглей. Перед нами появляется какой-то маленький островок, дятел спрятался где-то там и снова стучит, но дальнейшая погоня невозможна. Педро берёт моё ружьё и соскакивает на берег. Через минуту раздаётся выстрел.

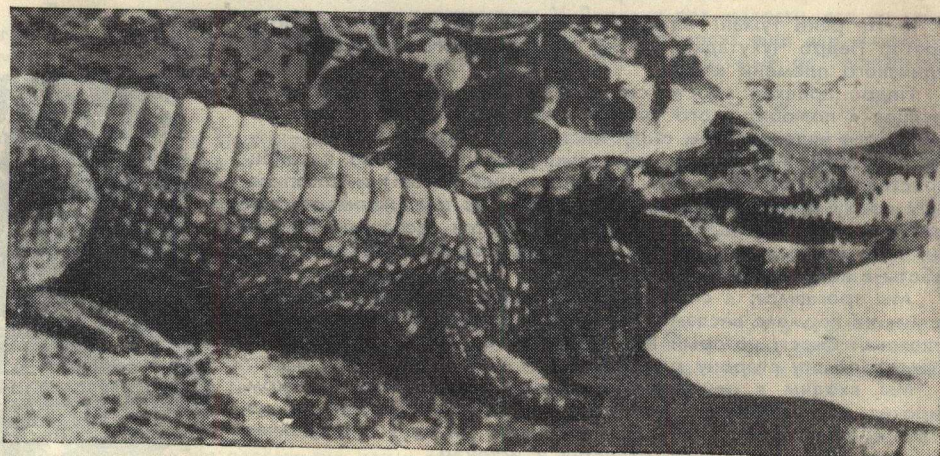
— Готов! — победоносно кричит Педро.

И вдруг он издаёт возглас ужаса. С позеленевшим от страха лицом Педро выскакивает из зарослей, кидается в лодку и поспешно отталкивает её от островка.

— Чушупи! Она гонится за мной.

На островке слышится громкий треск, и видно, как колышутся ветви у самой земли. Это змея. Она мелькает среди растений и продвигается длинными, пружинистыми скачками. Кажется, она в самом деле преследует Педро. Я узнаю её по светлоричневой окраске: действительно, это чушупи, гроза укаяльских лесов. Про чушупи говорят, что она страшно ядовита, что это единственная из змей, которая сама бросается на человека...

Чушупи?! Мне вспоминается происшествие, о котором несколько дней назад мне рассказывал здешний поселенец Барановский. Молодой метис проходил неподалёку от хижины Барановского, как вдруг из кустов выскользнула большая трёхметровая

Кайман медленно поднимает голову и лениво сползает в воду.

чушупи. Змея кинулась на парня. Он едва успел отскочить в сторону и, сделав несколько прыжков, скрылся в хижине Барановского. Чушупи за ним!.. В хижине никого не было; метис выскочил в другие двери и отчаянно закричал. Поблизости работали люди, у двоих из них были ружья, заряженные крупнорубленным свинцом. Взмешенная змея выползла из хижины вслед за парнем и кинулась к людям. К счастью, охотники не потеряли голову. Меткими выстрелами с расстояния в несколько десятков шагов они убили чушупи.

Я выхватываю из рук Педро ружьё. Неужели змея в самом деле хочет на нас напасть? Она уже совсем близко, продирается сквозь кусты, стоящие в воде. Я стреляю, не целясь. Неизвестно, попал я или промахнулся. Брызги летят во все стороны, несколько мгновений что-то отчаянно барахтается в кустах, затем наступает зловещая тишина. Только пузырьки на поверхности воды свидетельствуют о том, что здесь только что разыгралась борьба не на жизнь, а на смерть. Она нарушила на мгновение мрачное спокойствие джунглей.

Педро нервно гребёт, чтобы поскорее уйти из опасного места. Вдруг Валентин, неподвижно сидящий на корме, заливается каким-то всхлипывающим смехом. Педро кричит ему, чтобы он взялся за весло, но Валентин не слышит и продолжает хохотать. Я с беспокойством оглядываюсь. Мальчик как будто сошёл с ума. Он хохочет, а в глазах у него ужас.

— Замолчи же наконец! — кричу я изо всех сил.

Это помогает. Валентин умолкает и послушно хватается за весло. Только зубы у него стучат.

Мы уже приближаемся к опушке, и впереди между деревьями то там, то здесь проглядывает блестящая поверхность реки. Неожиданно Педро перестаёт грести и, сжавшись на носу лодки, замирает.

— Эй, Педро! — кричу я ему.

Никакого ответа, кроме глухого стога. Педро неподвижен, как будто его хватил удар.

— Педро, греби же!!

Он старается взглянуть на меня и не может, его трясёт, как в лихорадке. Валентин снова начинает всхлипывать и метаться. Я вырываю у него из рук весло и вдруг с изумлением чувствую, что мои руки тоже трясутся и немеют. Я не могу грести. Страх закрался и в моё сердце, он парализует меня.

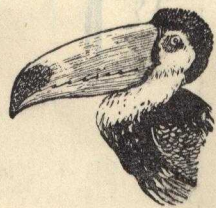
К счастью, я ещё способен рассуждать.

«Что это, истерия?» — спрашиваю я себя.

Я во-время опомнился. Как живительное дуновение ветра, рассудок прогоняет страх тропических дебрей, пока он ещё не успел наделать вреда. Возвращается равновесие, руки перестают дрожать, и я снова могу грести.

Через несколько минут я вывожу лодку из леса и причаливаю к ближайшему островку. Здесь можно передохнуть и размять отёкшие ноги. Яркое солнце и ветер оказались бодрящим лекарством для моих товарищей. Через четверть часа они полностью пришли в себя.

— Чушупи, — с волнением объясняет мне Педро, — чушупи — это страшная змея! Сеньор сам видел, её яд отравил нас даже на расстоянии!

Тукан

ЧЁРНЫЙ ПОТОК СМЕРТИ

Как-то раз, охотясь в джунглях недалеко от реки Кумарии, я вдруг заметил, что все живые существа, встретившиеся мне, как-то странно, неестественно возбуждены. Птицы, как будто они сошли с ума, с громким криком скачут с ветки на ветку; броненосец, видимо, только что разбуженный, со страшным треском продирается через кустарник. Множество жуков, кузнечиков и других насекомых летает, громко жужжа, некоторые, ослабев, садятся на листья, но отдыхают недолго и снова летят.

Всё живое мчится в одном направлении. И когда мимо меня пробегает перепуганный паук-птицеед, гигант величиной с человеческую ладонь, разбойник, который ничего не боится и перед которым все дрожат, я понимаю, что там, в дебрях, должно быть, произошла какая-то катастрофа и возникла опасность, наполнившая ужасом всех жителей леса.

Я крепче сжимаю ружьё и прячусь за деревом. Что же сейчас произойдёт? Паническое бегство птиц и насекомых действует и на мои нервы. Сердце начинает учащённо биться. Страшно неприятная вещь — ожидание опасности в джунглях. На всякий случай вынимаю из ружья заряды мелкой дроби и вкладываю в один ствол рубленый свинец, а в другой — пулю-жакан, на большого зверя.

Через некоторое время насекомых исчезают. До меня доносится глухой непрерывный шелест, как будто кто-то мнёт бумагу. Трудно определить, откуда доносятся эти странные звуки. Вокруг распространяется запах кислоты и гнилого мяса.

Наконец, на земле, в нескольких шагах от меня, появляется широкий чёрный поток. Это — шествие хищных муравьёв-эцитонов; оно несёт верную гибель всем, кто встретится им на пути. Перед эцитонами не устроит ни одно живое существо: ни человек, ни зверь, ни насекомое. Всякий, кто не успел спастись бегством, гибнет, растерзанный этими разбойниками.

Несколько жгучих укусов напоминают мне о том, что надо спастись. Более десятка муравьёв уже успело влезть на меня. Я отскакиваю в сторону, но убеждаюсь, что

Паук-птицеед

убежать не так-то легко. Кусты цепляются за одежду и мешают перескочить через плотный, почти метровой ширины, поток муравьёв. Они тотчас же впиваются в ноги. Бегу в противоположную сторону — то же самое! И там катится муравьиная лавина. К дереву, под которым я только что стоял, приближается третья мощная колонна эцитонов. Моё положение становится затруднительным: я окружён с трёх сторон.

Не теряя времени, выискиваю место, где муравьи движутся не такой плотной массой, и прорываюсь через их поток. Побег удаётся, но, пока я продираюсь сквозь кусты, меня атакуют ещё десятки муравьёв. Несколько эцитонов проникает под гетры и впивается челюстями в тело с таким ожесточением, что их невозможно оторвать. Даже разорванные пополам, они продолжают грызть мою ногу. Укушенные места болят и распухают. Но, стиснув зубы, я стараюсь сосредоточить всё своё внимание на интересном явлении.

Поток муравьёв достигает в длину около восьмидесяти метров и делится на несколько параллельных колонн. Это напоминает передвижение войск. Трудно определить, сколько здесь эцитонов. Может быть, миллионы, может, десятки миллионов. Колонны продвигаются со скоростью четырёх — пяти шагов в минуту. Муравьи движутся плотной массой, и это позволяет подойти к ним на близкое расстояние, не рискуя быть искусанным.

Свои хижины индейцы предусмотрительно строят на высоких сваях.

Вероятно, переселяется целый муравейник, так как я вижу муравьёв разных размеров: маленьких, средних и крупных. Самые большие, примерно длиною в полтора сантиметра, — это солдаты. Они держатся по бокам колонны и бегут всё время взад и вперёд, как боевое охранение, наблюдающее за порядком. Необыкновенно подвижные и быстрые создания, они обследуют местность. По дороге влезают на кусты и деревья, но не выше чем на два метра над землёй. Потом снова возвращаются в шеренгу.

В центре колонны, наиболее защищённом, множество муравьёв несёт своё потомство: белые личинки и куколки.

Эта голодная, страшная армия не щадит никого. Несколько зелёных гусениц, величиной с указательный палец, вели безмятежную жизнь на ветке куста. Но вот их обнаружил муравей-разведчик и сообщил своим собратьям. Целая сотня эцитонов кидается на лакомство. Они разрывают гусениц на куски и уносят их на землю. Уничтожение почтенных гусениц длится не более пятнадцати секунд.

Труднее поймать паука, который хотя и больше каждого из муравьёв раз в тридцать, однако трусливо убегает на самый конец ветки. Но его настигают и там. Паук хватается челюстями двух разбойников, третьего придавливает ногой. Но другие муравьи уже впивлись в него, уже отгрызают брюшко, разрывают на части туловище и голову и уносят вниз, не забыв даже ног несчастной жертвы.

Но есть насекомые, которые пользуются уважением и даже дружбой чёрных разбойников. С моего наблюдательного пункта, совсем близко от одной из боковых колонн, я хорошо вижу, что происходит в муравьиной колонне. Время от времени в самой середине потока показываются десятки маленьких красных жучков, принадлежащих к совсем иному семейству насекомых, чем муравьи, но, однако, резво шагающих вместе с ними. Жучки эти — муравьиные рабы, доставляющие своим хозяевам вкусное и душистое масло. Эцитоны ревностно охраняют их.

Ради интереса я подхватываю веточкой одного такого жучка и сажаю его на расстоянии метра от колонны. Это вызывает среди чёрного братства замешательство. Многочисленные патрули разбегаются во все стороны. Три муравья, разыскав беглеца, хватают его за ноги и тащат обратно в колонну, причём один из эцитонов в азарте отгрызает жучку ногу. Прежде чем у жучка могла появиться мысль о свободе (хотя я сомневаюсь, чтобы он был способен мыслить), его впихивают в ряды, и масса чёрных тел снова смыкается вокруг него.

Эцитоны всегда действуют легко, стремительно, без размышлений и колебаний. На ветках куста, над самой землёй, висит большое осиное гнездо размером с футбольный мяч. Несколько муравьёв из охраны легко обнаруживают гнездо и тотчас же кидаются на его серую оболочку. Для их мощных челюстей это пустяк: они разрывают оболочку, как бумагу. Но в воздухе уже носится рой ос. С гневным жужжанием кидаются они на агрессоров и в одно мгновение расправляются с ними. Осы поднимают эцитонов в воздух, и мне трудно определить, что они там с ними делают. Через несколько минут куст очищен от врага.

Но ненадолго. От недобитых патрулей колонна, видимо, узнала о существовании гнезда. Новые, наиболее отчаянные муравьи бегут вверх по кусту. Однако им не удаётся достигнуть гнезда, так как их атакуют осы. Завязывается ожесточённая борьба. Осы в несколько раз больше и сильнее эцитонов, к тому же осы подвижнее — у них есть крылья, — поэтому смерть косит муравьёв, их разорванные тела падают на землю. На место павших всё новые толпы их собратьев взбираются на куст, но и число остревеневших ос удвоилось или утроилось. Наконец в страшной неразберихе мне уже трудно уловить детали битвы. Пожалуй, несколько сот ос с бешеным жужжанием кружатся над потоком, но муравьёв тысячи.

Я осторожно отхожу на несколько шагов в сторону, чтобы случайно и мне не досталось от разозлённых насекомых. Что-то важное произошло в самом гнезде. Муравьи, должно быть, пробрались внутрь. Из разорванной внизу оболочки выпадают белые личинки. Это — потомство ос. Среди них я замечаю также падающую осу. Она вся облеплена муравьями и слабо защищается: видимо, ей пришёл конец.

Множество эцитонов, не участвовавших в драке, забрались высоко на все соседние кусты и оттуда, сверху, атакуют гнездо. Они падают на его серую оболочку, разрывают её, где могут, и пробираются внутрь. Осы защищаются изо всех сил, но их становится всё меньше.

В какой-то момент чаша весов решительно перетягивает в сторону муравьёв. Они уже проникли в гнездо и рвут его в клочья. Из гнезда, как град, сыплются белые личинки. Муравьи и осы, беспорядочно сцепившись, пожирают друг друга, раздирают на части. Когда эта ожесточённая подвижная масса падает на землю, муравьиная армия добивает последних ос, которые не успели спасти свою жизнь бегством. Шеренги эцитонов снова смыкаются и, унося добычу, движутся дальше. Осиное гнездо перестало существовать, оно не устояло перед численно превосходящим врагом.

В это время в нескольких шагах от меня передовой патруль соседней муравьиной колонны спугнул ящерицу метровой длины, которая, спасаясь, прячется в нору. Вслед за ней под землю заползают тысячи эцитонов. Невидимая мне борьба продолжается долго. Наконец ящерица появляется на поверхности, вся чёрная от облепивших её муравьёв. Глаза у неё выедены и кишат муравьями. Ящерица ползёт, совсем ослабевшая. Ей удаётся уйти от своей норы не дальше чем на несколько шагов. Она останавливается, широко раскрывает пасть, вооружённую частыми зубами, и скалит их на невидимого врага, а тем временем сотни муравьёв заползают ей в рот. Ящерица отчаянно мотает головой, но пасть не закрывается, как будто что-то её подпирает изнутри. Эцитоны поспешно отрывают куски её тела и уносят их в свои колонны. Я не выдерживаю и выстрелом из ружья прекращаю мучения ящерицы.

Когда через четверть часа мимо труп ящерицы проходят последние шеренги муравьёв, им уже нечем поживиться: от ящерицы осталась только бесформенная куча костей и немного кожи.

Муравьи удаляются. Исчезает чёрный кошмар джунглей, глохнет крик птиц-муравьёдов. Горячее солнце продолжает светить над лесом, кое-где его лучи проникают до самой земли.

Вдруг появляется весёлая бабочка-геликониус — необыкновенно красивый экземпляр с жёлтым пятном и красной лентой на чёрном фоне — и начинает старательно откладывать яички на листе куста, поблизости от останков ящерицы. Через два месяца из яичек выйдут зелёные гусеницы и будут вести безмятежную жизнь под тёплыми лучами солнца...

(Окончание в следующем номере.)

Перевели с польского И. Горбачёва, Я. Немчинский.

Ящерица легуана.

БЕЛАЯ СОБАКА

Р. Рома

Рисунки В. Цельмера.

В детстве я была вруней. Причём вра-
ла я не от страха перед наказанием за про-
ступки. Причина была не совсем обычная.

Моя мать умерла, когда мне было шесть
лет. Моя вторая мать, которую я не имею
права назвать мачехой, любила меня чрез-
вычайно деятельной и энергичной любовью.
Она хотела знать всё, что касалось меня,
вплоть до моих мыслей, желаний и мелких
детских событий, происходивших со мной
в течение дня. Она не оставляла мне да-
же самого маленького секрета, который
всегда так необходимо иметь каждому че-
ловеку, иметь что-то своё, что можно от-
крыть другому только в зависимости от же-
лания. Она была умная женщина и находи-
ла тысячи способов выведывать мои невин-
ные детские тайны. Я корчилась под её про-
ницательным настойчивым взглядом, пыта-
ясь что-нибудь оставить для себя, но она
расспрашивала моих подруг, учителей и в
результате всё равно знала каждый мой шаг.

И вот я вступила с ней в неравный по-
единок, похожий на игру. Я стала безбож-
но врать, выдумывая разнообразные исто-

рии; их невозможно было проверить, но они
были очень правдоподобны. Они происхо-
дили то на улице, то в саду, то в кино. Ге-
рои этих историй рассасывались в толпе,
соскакивали с трамваев, убегали в темно-
ту,— в общем, так или иначе исчезали из
моего поля зрения, и я всегда чего-то недо-
говаривала.

— Ну и что же было дальше? — спра-
шивала мама.

— Не знаю, — отвечала я, торжествуя.

Моя школа была расположена далеко от
дома, и я каждое утро шла с Мойки через
Марсово поле. Я наблюдала за выведенны-
ми на прогулку сытыми собаками, которые
лениво дрались друг с другом. Я долго сто-
яла, глядя на мрачный Михайловский за-
мок. Мне рассказывали, что там убили ца-
ря, и я представляла себе, как царь, похо-
жий на царя Додона из «Золотого петуш-
ка», в развевающейся горностаевой мантии,
накинутой на ночную сорочку, несётся по
узким коридорам замка, придерживая ру-
кой падающую корону. На него навалива-
ются громадные люди с шашками и начи-

нают «жать масло» из дрожащего, раздетого царя...

Испуганная собственным воображением, я срывалась с места и шла дальше, волоча тяжёлую сумку, набитую учебниками, полными моих рисунков, и тетрадями в клатках.

Поворачивая за угол на Моховую, где была моя школа, я вдруг обнаруживала зловещее безлюдье и опрометью неслась последние пятьдесят метров, тщетно пытаясь обогнать время. Каждый день я безнадежно опаздывала.

Я ничего не могла поделать со своим дурацким характером. Тот отрезок мира, который лежал между домом и школой, был для меня всегда неизменно интересен и разнообразен.

Однажды я возвращалась из школы, не глядя по сторонам. Я вообразила, что я кенгуру, и мчалась гигантскими прыжками, опираясь на хвост. Мимо меня прошёл слон, полный пассажиров, по небу с карканьем носились пёстрые попугаи, во дворе мне перебежал дорогу трёхцветный тигр, с мяуканьем скрывшийся в деревянном сарае...

Я влетела домой и, сбросив пальто, рванулась к толстой зелёной книге, раскрытой на сумчатых.

На десятом году жизни мне впервые открылся забываемый мир Брэма.

— Что у тебя с пальцем? — спросила мама. — У тебя палец в крови.

— Меня укусил тапир, — ответила я, пробегая мимо.

— Кто?

— Ну, собака.

— Какая собака?

— Маленькая, беленькая, — сказала я, пытаюсь наконец добраться до сумчатых.

— Нет, постой, — сказала мама. Она стала очень серьёзной и засыпала меня вопросами: что эта была за собака, какой у неё был вид, какие у неё были глаза и не текла ли у неё изо рта слюна. Я ответила на все вопросы, кроме слюны, но маму это не удовлетворило. Она позвонила отцу на работу и что-то долго

шептала в трубку. Я ломала себе голову, что бы это могло значить, но ничего не придумывалось.

Вскоре пришёл папа. Он был явно встревожен и, осмотрев мой палец, тоже стал расспрашивать о собаке. Я так подробно описывала её, что она была, как живая, и мне казалось, вот-вот она начнёт скрестись в дверь... Тут папа задал мне последний, самый странный вопрос:

— В каком положении у неё был хвост?

— Я не заметила, — вполне искренне ответила я. Действительно, трудно заметить, в каком положении хвост у несуществующей собаки.

— Одевайся, поедешь со мной, — вдруг сказал отец тоном, не допускающим возражений.

Всю дорогу от дома до Пастеровского института на Песочной улице папа объяснял мне, что такое бешенство и как с ним бороться. Я поняла, в какой попала переплёт, только когда увидела шприц, показавшийся мне с кефирную бутылку. И тогда, изо всех сил вцепившись в папину руку, я сказала, мучительно перелаывая своё самолюбие:

— Папа, я всё выдумала, не кусала меня никакая собака. Просто я поцарапала палец о стекло.

— О какое стекло?

— Я тебе могу показать. У меня в кармане пальто разноцветные стёклышки.

Папа огорчённо посмотрел на меня добрыми, усталыми глазами.

Я окликнула их, но они, оглянувшись, вдруг бросились бежать...

— Нехорошо, — сказал он, — плохо, доченька, говорить неправду, а тем более от страха.

— Правда же, папа, честное слово, не было никакой собаки! Я сама не знаю, почему я выдумала какую-то собаку.

Но папа был непреклонен.

— Я не могу проверять правду ценой твоей жизни, — сказал он.

И мне вкатили первый шприц вакцины, предохраняющей от бешенства.

На следующий день мне купили целый рулон трамвайных билетов, и я должна была ежедневно утром ездить на уколы, а в школу мне разрешили приходить ко второму уроку.

Так как я твёрдо знала, что мне не угрожает бешенство, то через два дня я начала просто совершать экскурсии в трамваях и вскоре изучила почти все маршруты города. Потом мне это надоело... Люди входили и выходили, а я ехала и ехала неизвестно куда. Уткнувшись в чью-нибудь спину и пошатываясь на поворотах, я стала вспоминать о том, что сейчас в класс входит учительница русского языка и литературы

Мария Викентьевна... Она, как всегда, прочтёт что-нибудь интересное в конце урока... Мне стало очень грустно. А однажды, вспомнив, что Коля Мартынов должен был принести мне «Таинственный остров» Жюль Верна, я сошла со своего неопределённого маршрута и поехала в школу к первому уроку.

В первый раз я не опаздывала. Увидев впереди своих одноклассниц, я окликнула их, но они, оглянувшись, вдруг бросились бежать так, что я еле их догнала.

— Вы с ума сошли? Почему вы удрали? — спросила я, сильно обидевшись.

И тогда Лиза Медведева сказала мне, открывая тяжёлую дверь школы:

— А ты почему сегодня во-время? Знаешь, как мы испугались, когда тебя увидели? Мы подумали, что опаздываем...

Прошло уже много лет, а я всё помню этот случай, наглядно показавший мне, какие непредвиденные последствия могут быть у лжи, даже самой невинной. И с тех пор всегда, если мне приходило в голову солгать, какой-то голос шептал мне: «Вспомни о белой собаке».

Из английского юмора

А. Шмультян

Рисунок Ю. Кискачи.

— Мистер Хенли, я хотел бы
Перед вами извиниться,
Мы ведь добрые соседи,
Вы мой старый, верный друг:

ДОБРЫЕ СОСЕДИ

Нынче утром мои куры
Перерыли ваши грядки,
Перепортили петрушку,
Весь повытаскали лук.
— Извинения напрасны,
Не нужны они нисколько,
Умоляю, не волнуйтесь,
Мой любезный сэр Артур,—
Всё на месте, всё в порядке:
Нынче днём моя собака
Быстро, ловко и без шума
Задушила ваших кур.
— Мой любезный мистер Хенли,
Всё сложилось превосходно,
И в претензии мы оба
Быть не можем ни на что:
Чуть попозже, в час заката,
Вашу милую собаку
Переехало сегодня
У ворот моё авто.

ПИОНЕРЫ ВЕНГРИИ

У пионеров Венгрии большое торжество. Они празднуют десятилетие своей пионерской организации. Поздравим же наших венгерских друзей и пожелаем им успехов в труде, в ученье и отдыхе!

Десять лет — срок немалый. За это время первые венгерские пионеры уже стали взрослыми. Дьердь Секе, Марика Эрдеш, Анни Дьенеш, Эдит Бергер приехали из Венгрии к нам, в Советский Союз, и учатся в Московском университете. Мы попросили их рассказать о той поре, когда они были пионерами.

В их воспоминаниях встают перед нами годы, когда совсем ещё молодая пионерская организация делала свои первые шаги, а фотографии на этих страницах рассказывают нам о жизни нового поколения пионеров, об их сегодняшнем дне.

Утро. Горнист играет подъём. Начинается день в лагере на горе Чиллеберц, в венгерском Артеке.

Правительство шестого «А»

Рассказывает Дьердь Секе

В нашем классе я был министром социального обеспечения, и в мои обязанности входило заботиться, чтобы мальчики из нуждающихся семей могли бесплатно ходить в кино, когда в кино собирался весь шестой «А».

Но надо объяснить, как образовалось классное правительство и почему мы, одиннадцатилетние мальчишки, так интересовались политикой, что из-за неё даже забывали футбольный мяч и наши политические споры на переменках иной раз доходили до потасовки.

Дело было в 1945 году, когда только что кончилась война. Венгрия, освобождённая из-под двойного гнёта, своих и германских фашистов, начинала жить по-новому. Множество различных партий боролось за влияние на

народ, стараясь повернуть судьбу страны по-своему. Как действовать, за кем идти, какой партии отдавать голоса? Эти вопросы волновали всех. Взрослые вокруг нас только и говорили что о политике, спорили, обсуждали события, ходили на собрания, а мы, ребята, слушали, и хотя многого не понимали, нам казалось, что понимаем мы всё не хуже взрослых.

Каждый мальчик считал своим долгом выбрать, за кого он, за какую партию. В этом выборе отражалось, конечно, влияние семьи. А в классе у нас учились дети из самых разных семей: и богатых, и бедных, и рабочих, и фабрикантов, и сытых, и голодных. Вот почему шестой «А» разделился на социалистов, коммунистов и приверженцев различных буржуазных партий, вплоть до самых реакционных. Коммунистов в классе было трое, в том числе и я.

Учителя в школе были тоже различных политических взглядов, и некоторые из них очень реакционно настроенные. Конечно, эти реакционеры вели свою «воспитательную работу» и вовлекали ребят в буржуазную детскую организацию «Чёркэс». Так назывались в Венгрии скауты.

Других детских организаций в школе не было, а чёркэсы носили красивую форму, у них были разные интересные для ребят игры, развлечения, походы. На эту удочку нас и ловили учителя, руководители чёркэсов, а по-

том незаметно старались внушить нам недоверие к коммунистам, клеветали на Советскую Армию, уговаривали ходить в церковь.

Один из этих учителей до того дошёл, что однажды, показывая на горящую электрическую лампочку, сказал:

— Эта лампочка — чудо, сотворённое богом.

Но не так-то легко нас было обмануть! Ведь на уроках другие учителя рассказывали нам об электричестве, а Советскую Армию мы крепко любили, потому что она победила фашистов и освободила Венгрию.

Кто соврал в одном, тому и в другом не веришь. И вот некоторые из нас перестали верить этим учителям и объявили, что хотят уйти из чэркэсов. Нас пробовали припугнуть, говорили, что плохо придётся тем, кто уйдёт: к ним будут придирааться, наказывать, плохие отметки ставить. Так оно и получилось потом, но всё же мы ушли.

И вот мы оказались «сами по себе». А нам очень хотелось делать вместе что-нибудь интересное, что-нибудь необыкновенное. Тогда мы и придумали устроить в классе своё правительство. Правительство наше было по образцу тогдашнего правительства Венгрии, в которое входили представители разных партий. К чести наших мальчиков надо сказать, что в классном правительстве было мало реакционных министров, и все три коммуниста были избраны. Вот я и стал министром социального обеспечения.

Правительство шестого «А» задумало начать борьбу против реакционных учителей.

Это было не так-то просто, потому что сам директор стоял за них.

С кем посоветоваться, мы не знали. Приходилось решать самим, каким образом действовать, и мы не придумали ничего лучше, как безобразничать и шуметь на уроках этих учителей.

А в школе у нас был один молодой учитель. Он потом вскоре стал коммунистом, но в то время и сам ещё только искал правильную дорогу. Этот учитель был нашим классным руко-

водителем, знал обо всех наших классных делах и очень хотел нам помочь. Однажды он сказал:

— Министры у вас есть, это хорошо. Но ведь республике нужен ещё и президент. Если хотите, я буду вашим президентом.

Мы, конечно, с радостью согласились, потому что это был первый учитель, который с уважением и сочувствием отнёсся к нашей детской игре в политику.

Он помог нам устроить маленькую классную библиотечку, и, конечно, отвечал за эту библиотечку министр просвещения. Потом президент убедил нас, что, безобразничая на уроках, мы вредим только себе и что надо по-другому бороться.

Мы стали думать. Решили выпустить школьную газету и в ней разоблачить реакционных учителей. Пусть вся школа узнает про них! Но у нас не было бумаги. Тогда мы отправились в Центральный комитет союза молодёжи. Про пионеров мы тогда ничего не знали, а Союз молодёжи знали хорошо. Мы даже просились, чтобы нас приняли в него, но нам вежливо сказали, что одиннадцать лет — это ещё маловато, надо подрасти. И вот теперь трое министров-коммунистов из шестого «А» отправились в ЦК к секретарю просить бумагу для газеты. Конечно, пришлось ему всё рассказать: и про учителей, и про нашу борьбу с ними, и про нашу классную республику.

«Внимание! Начали...» Юные операторы из кинокружка в Чепеле ведут съёмку.

— Слушайте, ребята, — сказал секретарь. — Всё это очень здорово. Только не лучше ли вам действовать заодно с другими ребятами, которые думают так же, как и вы?

Мы с удивлением переглянулись и посмотрели на секретаря.

— Да, но где эти ребята? — спросили мы его. — Как их найдёшь?

— Я помогу вам найти их, — улыбнулся секретарь. — Есть такая организация. Правда, в ней пока немного ребят, но это дети, которые, как и вы, стоят за рабочих, за народ, за коммунистов. Пионерами зовут этих ребят.

И он дал нам адрес.

Пионеров в то время действительно было так мало, что они объединялись не при школах, а по районам города. В некоторых районах не было ни одного пионера, в некоторых — десяток, у нас, в пятом районе, — человек восемь, так что когда приняли троих коммунистических членов классного правительства, районная пионерская организация выросла сразу на тридцать процентов.

Это произошло в феврале 1946 года, как раз когда пионеры готовились к мартовской демонстрации. 15 марта у нас в Венгрии национальный праздник — годовщина революции 1848 года.

Наступил праздник, мы пошли на демонстрацию. В ней участвовали и чёркэсы. Их было много, а нас, пионеров, — горсточка: со всего Будапешта человек тридцать, так что нас и заметно не было.

Чёркэсы вели себя враждебно. Они насмехались над нами, дразнили нас, затевали драки. Обидно нам было тогда! Ведь мы не знали, как быстро будет расти молодая пионерская организация. А всего через полтора месяца, на Первомайской демонстрации, мы увидели, что из одного только нашего пятого района в пионерской колонне шло больше чем полсотни ребят.

Я хорошо помню этот день. Как мы его ждали! Мы украсили ручную тележку цветами, лозунгами, венгерскими и советскими флагами и покатали её по улицам, а люди на тротуарах аплодировали нам.

В то время в Будапеште было ещё плохо с продовольствием и подолгу не бывало молока. Будапештская организация коммунистической партии в день Первого мая позаботилась, чтобы всем ребятам на демонстрации дали по стакану молока.

Десять лет прошло с тех пор, я уже взрослый, но мне до сих пор наша разукрашенная тележка кажется самой красивой, а тот праздничный майский стакан молока — самым вкусным.

Как хорошо на лодке в весёлый солнечный день!

Может быть, вы хотите знать, чем кончилась история с учителями? В тот день, услышав, что есть пионеры, мы так обрадовались, что забыли и про бумагу и про стенгазету. Но товарищи в Союзе молодёжи не забыли. Об учителях-реакционерах появилась заметка в настоящей, взрослой газете. И учителей этих вскоре удалили из школы.

Бронзовая королева

Рассказывает Марика Эрдеш

Пионеры Будапешта собирали металлический лом. Я думаю, вам не надо объяснять, зачем. Ведь здесь, в Советском Союзе, пионеры тоже собирают лом, который потом превращается на заводах в сталь, медь, латунь, алюминий.

В Будапеште двадцать два района, в каждом районе — школа, в каждой школе — отряды, в каждом отряде — звенья...

И вот школы поделили районы города на более мелкие. Каждый такой мелкий район достался нескольким отрядам, а на долю звена приходился квартал или часть какой-либо улицы.

Звенья обследовали в своих «владениях» дворы, чердаки, подвалы. По квартирам ходили в воскресные дни, чтобы застать дома тех, кто в них живёт. Позвоним и спрашиваем у хозяек, нет ли старых кастрюль, тазов, чайников. А бывали такие счастливы, что им доставалась какая-нибудь поломанная кровать или заржавленный чугунный котёл — сразу десятки килограммов! Разумеется, каждое звено старалось собрать побольше, и какое же было веселье у тех, кто побеждал в этом соревновании!

Когда наше звено начало собирать лом, у нас были успехи не хуже, но и не лучше, чем у многих других.

И вот однажды, когда мы отвезли на приёмный пункт целую грудку старых чайников и кастрюль, нам пришлось в голову заглянуть в нашу школу. Она тоже была в отведённом нам квартале. Попробовать поискать? Да что же найдёшь в школе, где каждый уголок мы обегали на переменах, каждую лесенку, каждый коридор и класс знаем? Мы даже немножко поспорили между собой. А потом всё-таки решили посмотреть, вспомнив, что в подвал никогда не заглядывали...

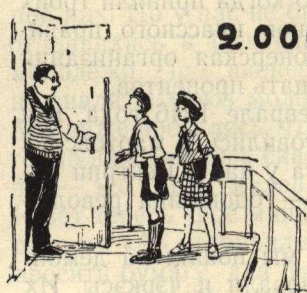
Подвал нас встретил полутьмой, паутиной, пылью. И вот, продвигаясь среди старых, сломанных парт, мы наткнулись на королеву. Это была скульптура, какие на каждом шагу встречались прежде, когда Венгрия была ещё под властью австрийских императоров. Чтобы вытащить скульптуру из подвала, пришлось призвать на помощь не только другие звенья, но и двух сильных взрослых мужчин: коменданта школы и его помощника.

С трудом взгромодили мы королеву на тележку, повезли к приёмному пункту и... о радость, о торжество! Оказалось, что королева бронзовая. Почти полтонны бронзы нашло наше звено для народного хозяйства!

А теперь, чтобы объяснить, каким образом очутилась королева в школьном подвале, надо заглянуть в прошлое, в историю нашей школы. Школа эта очень старинная. Около двухсот лет назад её основала австрийская королева Мария-Тереза, мать казнённой французским народом королевы Марии-Антуанетты. В школе Марии-Терезы с самого основания учились дети аристократов и при-

дворных вельмож. Школа, конечно, должна была воспитывать их верноподданными слугами трона, поэтому всюду в школе были развешаны портреты, расставлены статуи королей и королев.

После освобождения Венгрии народное правительство сделало школу самой обыкновенной школой для самых обыкновенных венгерских детей. Королевские статуи стали не нужны. Но о них ещё раньше, во время войны, позаботились гитлеровцы, конфисковавшие все латунные и бронзовые вещи. До новой, до народной власти дожила каким-то образом только одна эта запылённая бронзовая королева, которую мы извлекли из подвала и сдали в утиль.

2.000 подписей

Рассказывает
Анни Дьенеш

Между Тиссой и Дунаем есть город Кечкемет. Довольно большой город. Там я несколько лет училась в школе, а жила в интернате. Эти интернаты наше народное правительство устраивало для тех, у кого родители погибли на фронте, или при бомбёжках, или в фашистских лагерях, и для тех, чьи семьи нуждались. Таких семей первые годы после войны в Венгрии было немало.

Мы, пионеры, старались помогать в работе коммунистам и комсомольцам, хотя иной раз выполнять поручения было трудно, и вот почему.

В Кечкемете на каждом шагу церкви: то католические, то лютеранские. Многие люди верили в бога, и ходили в эти церкви, и слушали то, что говорили священники, а священники говорили, что это бог создал одних людей богатыми, а других бедными и, значит, грешно изменять то, что сделал бог, и грешно помогать народному правительству, и грешно слушать коммунистов, и надо всё повернуть по-старому.

Под влиянием священников некоторые трудовые, бедные люди относились с недоверием ко всему новому. Другой раз могли и

в дом не пустить, когда придёшь к ним по общественному делу. Захлопнут сердито дверь — и всё тут...

Вот в такие «упрямые» двери обычно стучались мы, пионеры. Нам подчас удавалось то, что не удавалось нашим взрослым товарищам.

Впрочем, лучше я сразу расскажу, как у нас вышло с семьёй Лайош, и тогда всё станет ясно само собой.

Жаркое лето 1950 года. По всем странам земли, на языках всех народов прозвучали слова Стокгольмского воззвания, призывавшие людей бороться против войны, за мир. По всем городам и сёлам во всех странах борцы за мир стали собирать подписи людей, которые не хотят войны.

Конечно, жителям Кечкемета тоже не нужна война, и они подписывались. Но всё же встречались на пути сборщиков «упрямые двери». Перед такой дверью стояли в один солнечный летний день мальчик Ференц и девочка Анни.

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста!

— Вам что нужно?

— Мы к вашему Шандору...

— Зачем?

— Да ни за чем, просто поиграть.

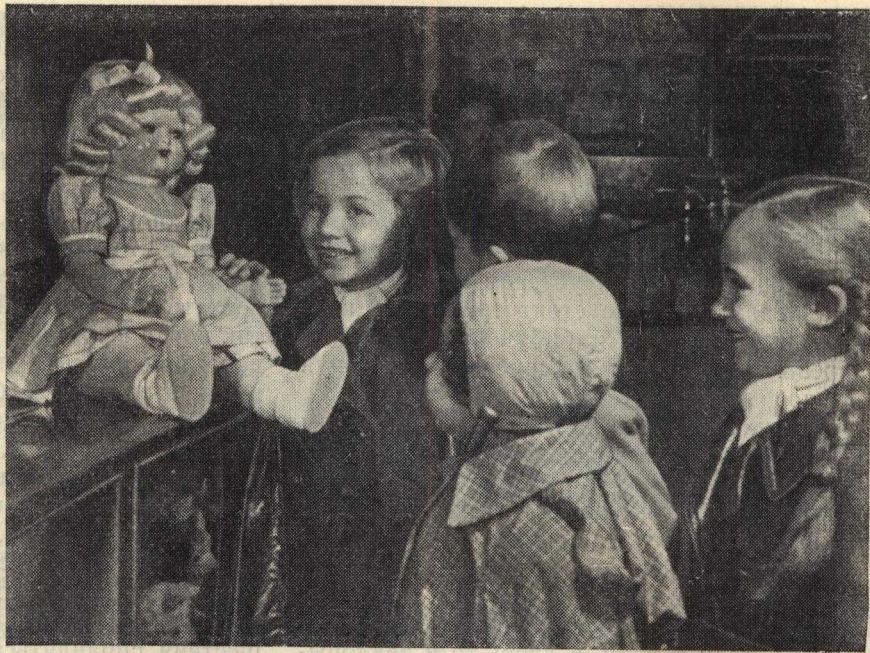
Кто же прогонит ребят, если они пришли поиграть к своему школьному товарищу? Вот мы и в доме.

Шани, правда, учился на класс младше. А его сестрёнка, кудрявая Тери, — на два. Но это ничего. Ведь очень лестно, что старшие пришли в гости. Да притом такие, которых и в школе уважают. Активисты.

— Шани, пойдём играть во двор? — говорим мы.

Во дворе поднимается беготня, крики, смех... Потом вернулись в комнаты. Книжку читаем вместе, разговариваем. Ребячья болтовня как будто, а взрослые прислушиваются.

Кечкемет — тихий город, от всего в стороне. Его и война мало задела. А я — из Буда-

Ярмарка кукол в пионерском универмаге Будапешта. У какой девочки не дрогнет сердце при виде фарфоровых и пластмассовых красавиц!

пешта. Вот и заводим, словно ненароком, разговор о воздушных налётах, о ледящем кровь вое сирен, о красивых домах и кварталах, превращённых в груды кирпича, о детях, погибших под развалинами, о детях, которые тормозят холодную, уже неживую руку и плачут: «Мама, мама!»

— А где твои родители, девочка? — спрашивает вдруг отец Шандора.

— Мама в Будапеште. Только ей трудно одной прокормить нас. После войны, знаете ведь, как всем трудно!

— Да, трудно... — задумчиво говорит Лайош.

— А папа? — осторожно спрашивает хозяйка, женщина с худым, усталым лицом.

Мне всегда тяжело говорить, когда речь про отца, сразу хочется плакать. Но я собираю все силы. Пусть знают. Это им нужно знать.

— Папы нет. Его гитлеровцы увезли насильно, чтобы работал на них. Сперва папа на каком-то руднике был, потом где-то ещё в лагерях. Потом вдруг пришла маме повестка, будто он заболел и умер. Но мама говорит, что если и заболел, так это от их каторги, и, значит, всё равно это они его убили ради своей проклятой войны.

Взрослые слушают молча... Мы приходим ещё раз к ребятам, поиграть. И всё внимательнее разговаривают с нами родители. Спрашивают, слушают. Говорим про войну,

про мир, про нашу народную власть, про коммунистов. А кончается тем, что мы, хотя и несмело (вдруг рассердясь и прогонят!), вынимаем беленький листочек.

— Дядя Лайош, напишите, здесь свою фамилию в знак того, что вы не хотите войны! Ведь вы же не хотите, мы знаем.

— Да, девочка, не хочу. — И огрубевшая от работы рука медленно выводит буквы.

Прощавшись, мы убегаем вприпрыжку, а на белом листочке стоят три новые подписи: отца, матери и бабушки Лайош. За старенькую бабушку расписался её внук Шандор, потому что она не умеет писать.

— Приходите ещё, детки, — слышится нам вдогонку с порога Лайошей.

Ну, теперь видите, в чём было дело? Ведь взрослые не могли придти в незнакомый дом и сказать старому Лайошу:

— Здравствуйте, мы к вам просто так... Хотите играть в салочки?

Взрослым коммунистам приходилось приступить сразу к делу, а дверь-то и захлопывалась раньше, чем они успеют разъяснить, что нужно.

Нас старшие товарищи-коммунисты называли хорошими помощниками. Одна только наша школа собрала две тысячи подписей за мир. А главное, двери, которые впустили пионеров, бывали потом открыты и перед взрослыми агитаторами.

Путешествие в Москву

Рассказывает

Эдит Бергер

Я расскажу вам про ребят, которые жили в маленькой деревне Сен-Готард, на юго-западе нашей страны, недалеко от австрийской границы.

Глухая горная деревушка эта имела свою школу, но беда была в том, что во время войны большинство ребят сидели дома, пропускали занятия и так отвыкли от ученья, что и после освобождения Венгрии продол-

жали вести себя попрежнему. К тому времени были в школе пионеры. Только и они вели себя не лучше остальных: так же не готовили уроков, так же убегали с занятий, так же получали двойки, так же шумели и не слушали учителей. Никакие увещания на них не действовали.

Как быть? Стали думать учителя и наконец кое-что придумали. Дело в том, что у каждого венгерского пионера есть мечта: поехать в Советский Союз. Если не сейчас, так когда вырастет. И вот в школьном коридоре появилась большая карта. На одном краю этой карты была помечена деревня Сен-Готард. А на другом краю, отделённая горными цепями Карпат, синими лентами рек, зелёными пятнами равнин, — Москва. Она была обозначена красной пятилучевой звездой, и казалось, что это светит издали одна из кремлёвских звёзд.

А у карты висело объявление: «Кто первый приедет в Москву? Об условиях путешествия справляться у вожатого».

Условия оказались несложными. Ребята передвигают свои флажки на карте после каждого хорошего и плохого ответа. После хорошего — вперёд, после плохого — назад.

Если бы только вы могли видеть лицо пионера, который, получив двойку, подходил после урока к карте и перемещал свой флажок не к Москве, а к Сен-Готарду! Было тут от чего огорчаться! Ведь по условиям этой игры, которая сразу увлекла всю школу, снова продвигаться вперёд, на прежнюю позицию, было не так-то просто! Для этого надо было пять раз ответить учителю на семь. В то время в венгерской школе семёрка была высшей оценкой, всё равно, что у вас пятёрка.

Как торжествовали ребята, переставляя флажок вперёд! Ведь каждое такое движение флажка было результатом прилежных занятий, аккуратно написанных упражнений, решённых задач и выученных грамматических правил.

К концу года вокруг кремлёвской звезды вырос густой лес красных флажков. Все пионеры и все отряды «доехали» до Москвы и до перевода в следующий класс. А учителям то время, когда ребята убегали с занятий и не учили уроков, казалось теперь полузабытым неприятным сном.

ТАЙНОЕ ЗВЕНО

В нынешнем году пионеры Ленинграда повстречались с новыми друзьями: энергичным, жизнерадостным Дьюркой, мечтателем Анти, шалуном Банби, с девочками Панни и Жужи и с Элемером, суховатым Элемером, о котором идёт речь впереди.

Все эти ребята — герои пьесы венгерского писателя Ласло Харш «Тайное звено», поставленной Театром юного зрителя.

Перед глазами ленинградцев прошла забавная и поучительная история, разыгравшаяся в одной из венгерских школ. Невесело было в этой школе вначале: председатель отряда Элемер сделал всё возможное, чтобы засушить пионерскую работу... Скука царила на сборах, а между сборами в школе распевали песенку:

Пионеров скука гложет.
Нами правит Элемер.

И вот ребята придумали увлекательную игру: они создали «тайное звено», подчиняющееся приказам «невидимого командира». С помощью взрослых — вожатой Илонки, директора, родителей — члены зве-

на подняли и привели в порядок затонувшее во время войны судно. Много приключений пришлось испытать ребятам, прежде чем они достигли цели.

На фотографии, помещённой выше страницы, вы видите, как девочки расправляются с хулиганом Сигарой, задумавшим пробраться на поднятый корабль. А на нижней фотографии засняты все герои спектакля во главе с Элемером, который к концу пьесы тоже принимает деятельное участие в работе «тайного звена».

Ю. Савицкая

ТИБЕТСКИЕ СКАЗКИ

Собрал и обработал Мариан Белицкий.

Перевёл с польского Я. Немчинский.

Рисунки А. Брея.

ЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ

Один человек как-то шёл через горы. Устав, он сел на краю распада. Смотрит, под ногами что-то блестит. Пригляделся человек получше и увидел, что это блестят маленькие золотые зёрнышки. Человек очень обрадовался. Он представил себе, сколько денег получит от золотых дел мастера, когда принесёт ему золотые зёрна. Че-

ловек собрал зёрна, спрятал их в платок и двинулся в путь.

Шёл, шёл человек и видит, что навстречу ему кто-то едет верхом на коне. И человек подумал: «Я очень устал, ног под собой не чувствую, а этот едет на коне и даже сапог не истёр. Что мне в этих золотых зёрнах? Лучше иметь коня».

Подшёл человек к верховому и просит:

— Есть у меня золотые зёрна, но нет коня, а усталость валит меня с ног. Не хочешь ли обменять коня на золото?

Всадник охотно согласился. Человек, который нашёл золотые зёрна, сел на коня и поехал дальше. Но конь попался горячий, седло высокое, а человек этот не умел ездить верхом. Путь же пролегал среди гор, где на каждом шагу зияли пропасти. Легко можно было свалиться с коня и найти верную смерть.

Человек осмотрелся и увидел, что навстречу ему кто-то едет верхом на ослике. «О! — подумал человек. — Осёл — это хорошо,

это — доброе животное. С него не свалишься. И ест он меньше, чем конь, его легче будет прокормить. Хотел бы я обменять коня на осла!»

Он остановил путника, ехавшего на осле, и предложил ему обмен. Они выкурили трубку и ударили по рукам.

Обменяв коня на осла, человек, нашедший золотые зёрна, довольный, поехал дальше. Ему казалось, что теперь он счастлив.

Ехал, ехал он и вдруг видит бродячего музыканта. Послушал человек чудесную игру на джамне¹ и думает: «Ох, как хорошо бы иметь джамну! Ну на что мне этот осёл? Его надо кормить да ещё и стойло для него сделать... Нет, не хочу я осла, хочу джамну, которая так красиво играет».

Остановились они, поторговались, и вот уже человек, который обменял золотые зёрна на коня, а коня — на осла, идёт пешком и радуется, что у него теперь есть чудесная джамна. «Как хорошо будет мне с джамной! — думает он. — Буду наигрывать разные весёлые мелодии».

Но едва прикоснулся он к джамне, как лицо его омрачилось: водил, водил он смычком по струнам, а вместо красивой мелодии раздавалось только неприятное пиликание. Расстроился человек. Идёт он и жалеет, что так необдуманно обменял осла на джамну. И вдруг слышит весёлую песенку. Осмотрелся вокруг и ви-

¹ Джамна — тибетский шести-струнный инструмент.

дит: навстречу идёт путник и поёт.

Человек, нашедший золотые зёрна и обменявший их на коня, а потом коня — на осла, а осла — на джамну, на которой он не умел играть, подумал: «Зачем мне эта джамна? Ни на что она не годится... Лучше возьму я у певца его песенку, а джамну дам ему взамен. Но теперь уж я буду умнее: пусть он сначала научит меня петь его песенку».

Как подумал, так и сделал. Заключили путники сделку, сели на большой камень, и певец научил человека, нашедшего золотые зёрна, петь весёлую песенку. И вот уже тот, что обменял джамну на песенку, идёт по пути к дому и поёт:

Повсюду здесь горы высокие,
Повсюду тут реки глубокие...

Иду и пою я о горах,
Иду и пою я о реках,
Весёлую песню пою...

Спел человек эту песню раз, другой, третий... И всё больше стала нравиться ему эта песенка. Даже глаза закрыл от удовольствия. И вдруг, когда запел в четвёртый раз: «Иду и пою я о реках», — забыл про тропинку, сошёл с неё и упал в глубокий ров. Едва выбрался из него, ногу повредил. А когда пошёл дальше, прихрамывая и морщась от боли, уж никак не мог вспомнить песню, которой научился от певца. А других песен он не знал.

Так человек, который нашёл золотые зёрна, а потом обменял их на коня, коня — на осла, осла — на джамну, а джамну — на песню, вернулся домой с пустыми руками.

КАК ПТИЦЫ КОРОЛЯ ВЫБИРАЛИ

У нас издавна повелось, что людей сильных и смелых сравнивают с орлами. А про людей, которые всегда хвастаются: «Ах, какой я красивый!», «Ах, какой я умный!», «Ах, как я красиво одет!», — говорят, что они просто бубу. Бубу — это маленькая птичка, у неё красивое коричнево-красно-белое оперение. Но у этой птички есть один большой недостаток: она хвастунья и похвальбушка и всегда кричит: «Бу-бу, бу-бу!», — что, как из-

вестно, на тибетском языке означает: «Я первый, я первый!»

А вот кукушка — скромная, серая кукушка — у нас птица победы. Ворон... Да что я вам буду всё перечислять! Вы, конечно, хотите знать, откуда пошли такие сравнения? Ладно, так и быть, расскажу всё по порядку.

...Было всё это давно, очень давно, когда в горах Тибета ещё не было людей, а птиц поселилось множество. И вот однажды птицы собрались вместе и решили избрать своего короля. Но ведь известно, что выбрать достойного короля довольно трудно. Надо, чтобы он был мудрый и справедливый, добрый и суровый для тех, кто этого заслуживает. А самое главное, чтобы все птицы

по доброй воле избрали его и повиновались ему беспрекословно... Очень трудное дело нужно было решить птицам!

И вот собрались они в долину на большой совет. Слетелись сюда птицы с Гималаев, с вершин Ненчентангля, слетелись те, что кормятся в Лхасской долине, и те, что вьют гнёзда в лесах Поми. Судили-рядили, а решить ничего не могли. Чуть ли не каждая птица предлагает своего короля. Но вот заговорила старая, умная сойка:

— Давайте выберем того, кто выше всех взлетит над горами!

Такое предложение понравилось всем. Мудро сказала сойка: действительно, самым достойным королём будет та птица, которая

летает выше всех: сверху она лучше всё увидит.

— Так и сделаем! — решили птицы.

Начались полёты. Видят птицы, что выше всех летает орёл. Вот он уже вознёсся над вершиной Эвереста...

— Ур-р-р-а-а! — кричат птицы. — Орёл будет нашим королём! Слава ему!

Но не стихли ещё радостные клики, как в небо взмыла летучая мышь. Услышала она, что птицы хотят избрать своим королём того, кто летает выше всех, и, хоть не была она птицей, очень захотелось ей стать королём пернатых. Тихонько и незаметно, сжавшись в комочек, пристроилась она под крылом орла и, когда тот был уже очень-очень высоко, так же незаметно отделилась от него и взлетела ещё выше.

Не понравилась птицам летучая мышь.

— Не хотим иметь королём такого уroda! Хотим красивого короля! — закричали все собравшиеся.

И снова начались споры, обиды, упреки. Наконец одна из птиц предложила:

— Пусть королём станет тот, кто первый увидит восходящее солнце.

И эта мысль понравилась птицам. Ведь без солнца нет жизни на земле. Наверное, хорошим королём будет тот, кто сможет первым увидеть восходящее светило.

Всю ночь не спали птицы, не спускали зорких глаз с тёмного края горизонта над восточными

горами. Только хитрая летучая мышь смотрела на запад. Почему? А потому, что на западе тибетские горы выше, и солнце, прежде чем оно выглянет из-за восточных вершин, непременно осветит пики на западе. Многие птицы не знали этого, но летучая мышь, которая целыми ночами металась по горным ущельям, а днём спала, не раз это видела. Смотрят все птицы на восток, ничего не видят. А летучая мышь уже кричит:

— Вижу, вижу! Солнце восходит!.. Через минутку покажется краешек его светлого лика!

Изумились птицы: ну и хитра же эта летучая мышь! А может быть, она всё-таки будет хорошим королём? Что ж делать, что она такой урод...

Но кому хочется выбирать короля-урода? И вот снова начались пререкания и ссоры. Тогда кто-то предложил: пусть королём будет тот, кто поёт красивее всех.

И это предложение тоже понравилось всем. Каждая птица старалась спеть лучше другой. Но ни у орла, ни у летучей мыши, как известно, хорошего голоса нет. Другие птицы тоже пели плохо. Лишь кукушка и бубу возбуждали изумление и восхищение всех. И тогда было решено, что на следующий день обе эти птицы предстанут перед советом: кто из них красивее споёт, тот и станет королём.

Кукушка отправилась спать пораньше, чтобы как следует отдохнуть и подготовиться. Утром она тщательно умыла свои перышки, немножко поела и полетела на площадь совета.

Совсем иначе провела ночь бубу. Она долго хвасталась своим красивым нарядом. Она была уверена, что никто лучше неё не споёт, никто красивее неё не будет одет.

Сорока затрещала в знак того, что пора начинать.

— Пусть кукушка начинает первая! — решили птицы.

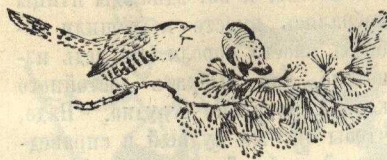
Бубу рассердилась. Что за наглость: простая серая кукушка будет петь раньше неё, бубу!.. Но выхода не было, приходилось подчиняться.

Кукушка уселась на ветке и стала куковать. О, как красиво она куковала! То бодро и весело, то медленно, грустно. У некоторых птиц даже слёзы на глазах появились от умиления.

Затем пришёл черёд бубу. Она заняла место на ветке и гордым взглядом окинула собравшихся, потом распушила свои красивые перышки, чтобы привлечь всеобщее внимание: смотрите, мол, как я красива! — и открыла клювик. Но вместо трели из её горла вырвались лишь неприятные звуки: «Бу-бу, бу-бу!» А получилось это потому, что самоуверенная птица задыхалась от зависти и злости.

Птицы смеялись так, что некоторые свалились с ветвей. Так ни с чем и вернулась посрамлённая бубу в своё гнездо, а скромная кукушка стала королём птиц.

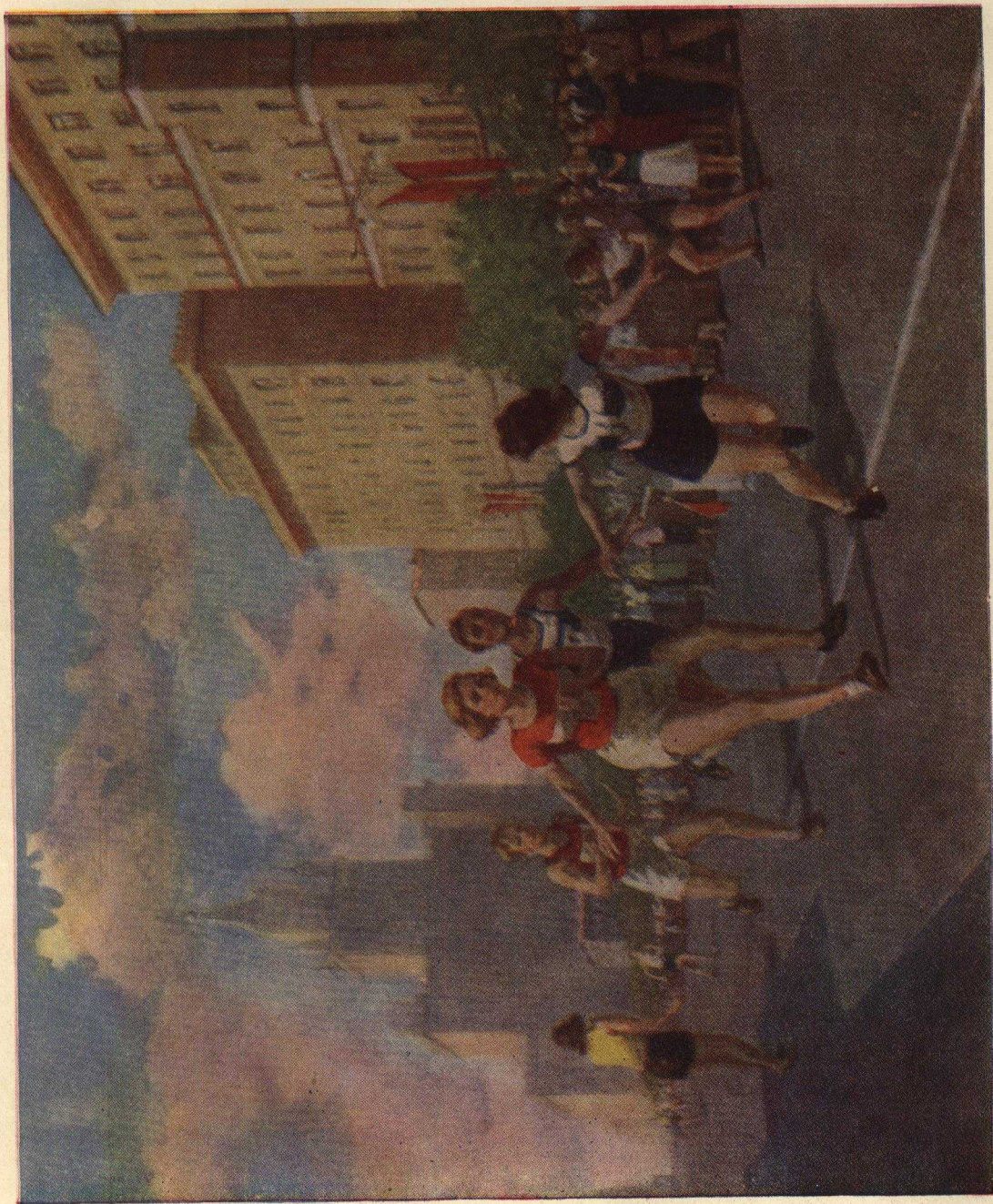
Вот почему у нас в Тибете-кукушка стала птицей победы, и каждый воин, который находил её перо, старался украсить им свою стрелу: он верил, что это поможет ему одержать победу.

В БАЛЕТНОМ КЛАССЕ ДОМА КУЛЬТУРЫ.

Н. Корниенко.

Я. Титов.

ЭСТАФЕТА.

Вот так деревце
Глаз никак не
В белой пене
Словно в мы
В белой пене

В хлопьях бу

Вот так деревце
Старше всех
Развернуло ве
Словно плечи
Ствол в зелё
Бородавки на
И огромное д
Глубоко во т
Может стать
От дупла под
Может, есть т
Хорошо бы за
Взял я палку:

Покажись-ка,
Может, заяц,
Может, птица
Может, чудик
А дупло в от
— Сам урод!
Сам урод!

Тут мне стало
Ну и голос, пр
Кто нас дразн

Депето

Вот так дерево в саду!
Глаз никак не отведу.
В белой пене вся листва,
Словно в мыле голова.
В белой пене, в нежной
пене,
В хлопьях буйного цветенья.

Вот так дерево в саду!
Старше всех оно в роду.
Развернуло ветви вширь,
Словно плечи богатырь.
Ствол в зелёных листвах,
Бородавки на ветвях,
И огромное дупло
Глубоко во тьму ушло.
Может статься, что ведёт
От дупла подземный ход?
Может, есть там кто-нибудь?
Хорошо бы заглянуть.
Взял я палку:

—Тук-тук-тук!
Покажись-ка, кто ты, друг?
Может, заяц, может, пёс,
Может, птица-длинный нос,
Может, чудище-крот?
А дупло в ответ орёт:
— Сам урод!
Сам урод!

Тут мне стало не до смеха.
Ну и голос, просто жуть!
Кто нас дразнит?

Это эхо
Или вправду кто-нибудь?

Перевёл Я. Хелемский.

Моё желание

Я люблю тот волнующий час,
Когда новую смену завод
На работу гудками зовёт.
Так и тянет меня из дверей,
На рабочих смотреть я люблю,
Я глазами в толпе их ловлю.

Как их строгие лица светлы!
Труд их радостен, труд их горяч,
Им послушны станки и котлы,
Им известны все тайны удач,
Ими созданы, сотворены
Чудеса и богатства страны.

Как знакомы все запахи тут!
Пахнет гарью привычно мазут,
Пахнет маслом машинным... Влечёт
Этот запах меня на завод,
В мир особый за длинный забор,
На мощёный, на солнечный двор.
Слышу, мягко машины шумят,
Мои руки работать хотят.

Ну-ка, время, открой же и мне
Те высокие створы ворот,
Чтоб с народом моим наравне
Я вошёл бы в кипенье работ!

Перевёл Николай Чуковский.

Топор соседа

Ох, и добрый у соседа моего топор!
Так и просится он в руки — лёгок и остёр.
Он вонзился в древесину,
Как лапшу, крошит осину,
Колет звонкую тесину,
Чудо — не топор!
О таком, сказать по правде,
Я мечтаю с давних пор.

Как медовую коврижку, рассекая дуб,
Он гуляет, словно бритва,
Так и бреет,
Так и бреет,
Оглянуться не успею —
Вырастает сруб.

Он в сосну вошёл с размаху, глубоко
вошёл.
Словно ножницы рубаху, так скроил
он стол.

С топором таким, не скрою,
Труд казался мне игрою.
Что задумано, —
Мгновенно исполнял я с ним.
Не хотелось расставаться
С топором таким.

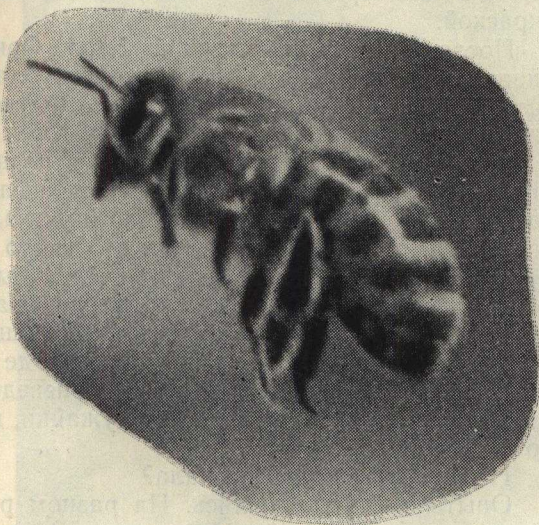
Я вернул его соседу в целости и в срок,
Чтоб никто сказать худого обо мне
не мог.

Перевёл Я. Хелемский.

Рисунки Ф. Лемкуля.

ПЧЕЛИНЫЙ

«КОМПАС»

Г. Голубев

Фотографии А. Стефанова.

«ТАНЦОВЩИЦЫ»

На пасеках, где учёные наблюдают за жизнью пчёл, бывают особые ульи, со стеклянными стенками. Сквозь прозрачные стенки улья, как через окошко, можно заглянуть в маленький пчелиный домик. Глянешь — и уже не оторвёшься, часами будешь следить за жизнью пчелиной семьи.

На светложёлтых сотах копошатся тысячи пчёл. Не сразу заметишь среди них матку, хоть она и значительно крупнее других. Окружённая свитой, матка переходит от ячейки к ячейке и откладывает в них яички. Она так занята этим, что пчёлы-кормилицы кормят её на ходу.

А другие пчёлы — работницы — подносят и подносят корм в улей. Им много приходится трудиться: чтобы запасти один килограмм мёда, надо собрать нектар почти с пяти миллионов цветков!

Вот нагружённая пылью и нектаром пчела возвращается из полёта. Сквозь крошечное отверстие летка она попадает в улей и передаёт свою добычу кормилицам. Казалось бы, тут и можно отдохнуть. Но пчела вместо этого начинает... «танцевать».

Она не просто бежит по сотам, а выделяет какие-то странные фигуры. Полукруг влево, потом пчела по прямой линии возвращается на исходное место, делает полукруг вправо и снова пробегает по прямой, быстро-быстро виляя брюшком. Получается фигура, похожая на цифру восемь.

Впервые эти непонятные движения пчёл удалось подметить и описать ещё сто тридцать лет назад. Их называли «танцами» пчёл, но что они означают, люди узнали только совсем недавно.

КАК «РАЗГОВАРИВАЮТ» ПЧЕЛЫ?

В один из летних дней на лесной опушке зацвела малина. Откуда ни возьмись появилась пчела. Она деловито покружилась над кустами малины и опустилась на один из цветов. Эта одинокая пчела — разведчица. В каждом улье есть такие пчёлы. Утром вылетают они раньше других и осматривают окрестности.

Пчела-разведчица набрала полный зобик сладкого нектара и, тяжело оторвавшись от цветка, отправилась в обратный путь. Теперь она летит прямо к улью, никуда не отклоняясь.

Как она находит путь домой? Это первая загадка, над которой веками ломали головы многие учёные.

Прошло немного времени, и над полянкой, заросшей малиной, появляется уже несколько пчёл. В зелёной траве белеют цветы клевера, покачиваются лиловые головки колокольчиков, золотыми каплями разбросаны вокруг лютики. Но пчёлы, не обращая внимания на эти яркие цветы, уверенно направляются прямо к скромным и неприметным цветам малины.

Откуда узнали пчёлы о том, что сегодня здесь зацвела малина? Кто указал им дорогу к затерянной в лесу лужайке?

Вероятно, пчела-разведчица. Но как она смогла рассказать об этом подругам и с такой точностью указать им путь?

Необычайная быстрота и точность, с какой пчёлы передают друг другу весточку о месте богатого взятка и указывают путь к нему, давно изумляли учёных. Больше того, если пчела-разведчица найдёт такой уголок в лесу, где медоносных растений немного и она одна может с ними управиться, то другие пчёлы сюда летать не станут. Прилетит только одна пчела. Но если вы поставите возле цветов блюдечко с сахарным сиропом, пчела отправится в улей за подмогой, и вскоре сюда прилетит много пчёл.

Как же рассказывает им о том, куда нужно лететь, пчела-разведчица? Может быть, у пчёл есть свой язык? Ведь они гудят, жужжат. Не «разговаривают» ли они друг с другом с помощью этих звуков?

Долгое время некоторые учёные так и думали. Но опыты показали, что пчёлы не слышат своего жужжания: они глухие.

Тем интереснее было узнать: как же «разговаривают» пчёлы?

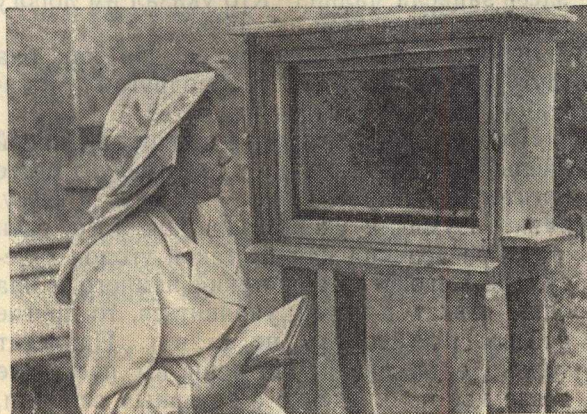
МЕЧЕННЫЕ РАЗВЕДЧИЦЫ

Этот вопрос давно занимал и немецкого учёного профессора Карла Фриша. Он искал ответ на него много лет. День за днём просиживал учёный возле стеклянного улья, ставил тысячи остроумных опытов.

Все пчёлы в этом улье были помечены различными пятнышками и значками, которые осторожно наносились несмываемой краской на их спинки. Такие разноцветные метки позволяли отличать друг от друга пчёл, похожих, как две дождевые капли.

Первый опыт был прост. Рано утром всех пчёл-разведчиц перед вылетом из улья поместили красной краской. Когда они вернулись обратно, Фриш стал внимательно наблюдать, что будут делать эти пчёлы.

Пчёлы-разведчицы стали «танцевать» на сотах. Одни из них описывали небольшие круги, другие — восьмёрки: полукруг, пробежка, второй полукруг, снова бег по прямой. За «танцовщицами» толпой ходили пчёлы. Они ощупывали «танцующую» пчелу усиками, словно стараясь получше запомнить все её движения. Это было понятно. Ведь в обычном улье совершенно темно, пчёлы не видят друг друга и узнают только на ощупь.

У наблюдательного улья.

Побродив по сотам за «танцующей» подругой, пчёлы одна за другой покинули улей и отправились за добычей на то место, откуда только что прилетели пчёлы, помеченные краской.

После долгих наблюдений Карл Фриш пришёл к твёрдому заключению, что, «танцуя», пчёлы сообщают друг другу о богатом взятке.

Но от этой загадка не становилась проще. Ведь разведчица сообщила другим пчёлам не только об обильном взятке, но и указала, где он находится и далеко ли это место от улья. Без этих сведений другим пчёлам было бы нелегко найти то место, где побывала разведчица. А пчёлы не блуждают, не ищут. Из улья они сразу летят прямо туда, где их ждёт взятка. Значит, «танцующая» разведчица указала им и расстояние до лужайки, где она нашла цветы.

Но как же она это сделала?

Опыты всё усложнялись. На разном расстоянии от улья поставили кормушки со сладким сиропом. Пчёл, прилетевших за взятком к блюдам, поместили. На самой дальней кормушке, в полутора километрах от пасеки, метили красной краской, а на ближней, метрах в пятнадцать от дома, — синей.

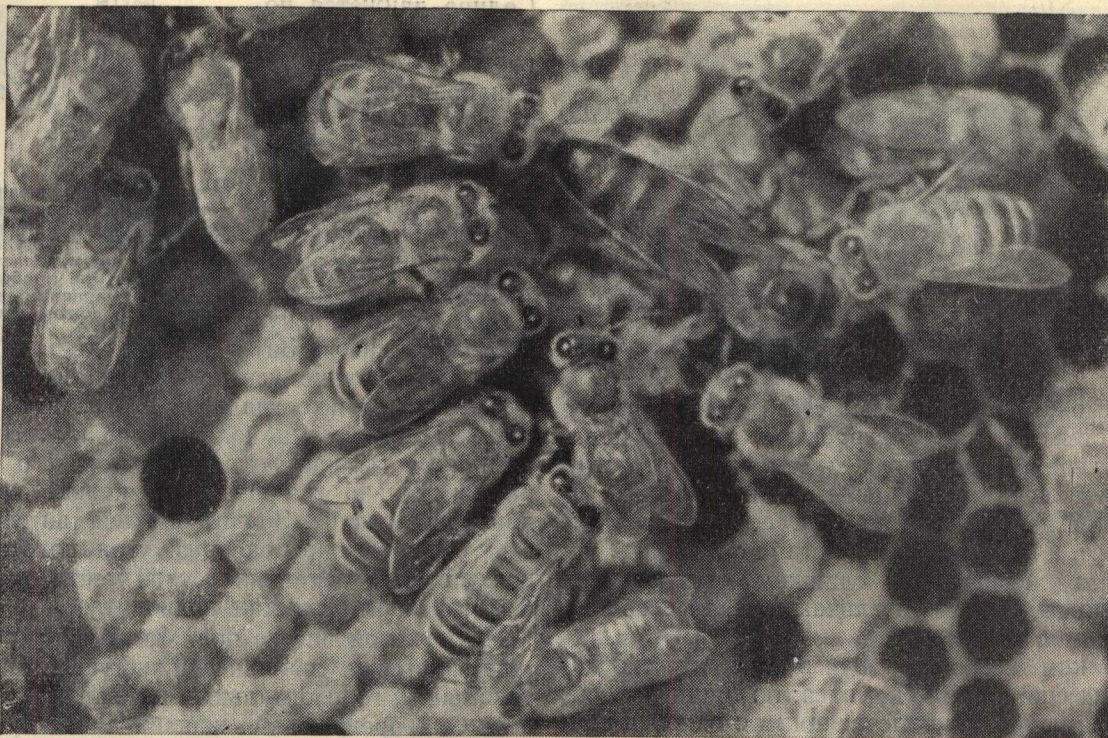
И, наблюдая за ульем, Карл Фриш увидел, что пчёлы исполняют различные «танцы» на сотах. «Синие» описывали один за другим маленькие круги, а «красные», прилетевшие издалека, выделяли восьмёрки.

Снова и снова повторялись подобные опыты. Кормушки с сиропом ставили то дальше, то ближе. И постепенно «язык» пчёл становился всё понятнее. Оказалось, что, когда от улья до места взятка не дальше ста метров, пчела-разведчица просто кружится на сотах. А сложный рисунок — восьмёрка — говорит пчёлам о том, что летать за нектаром придётся далеко.

Выяснилось, что расстояние до взятка пчёлы указывают в «танце» довольно точно. Чем дальше до места взятка, тем медленнее «танец», но зато пчела быстрее виляет брюшком. Если, скажем, надо пролететь сто пятьдесят метров, то пчела-разведчица за минуту делает восемнадцать — двадцать восьмёрок. А полёт на три километра обозначается медленным «танцем» — всего четыре восьмёрки за минуту.

Так удалось разгадать загадку пчелиных «танцев».

Конечно, я рассказываю об этом коротко и упрощённо, минуя ошибки и неудачные опыты, которых было немало. Недаром они

Матка и её свита.

отняли у пытливого исследователя сорок пять лет жизни!

Когда Карл Фриш объявил о своём открытии, ему не сразу поверили. Многим оно показалось фантастическим. В газетах даже появились карикатуры на «танцующих» пчёл. Но постепенно из разных стран приходили подтверждения правильности опытов Фриша. Новые исследования приносили всё более удивительные открытия.

Особенно успешно развивалась научная работа по пчеловодству в нашей стране. У советских биологов был такой надёжный и верный ключ к тайнам живой природы, как учение И. П. Павлова об условных рефлексах, которые вырабатываются у животных, насекомых и птиц под воздействием внешней среды. Это учение помогло советским пчеловодам глубже понять язык крылатых вестниц.

ЗАДАЧА ПО ГЕОМЕТРИИ

Легко ли найти какую-нибудь вещь, если вы даже знаете, что до места, где она спрятана, два километра? Два-то два, но в какую сторону? Можно пойти на север, а можно и на юг.

А пчёлы знают, куда им нужно лететь.

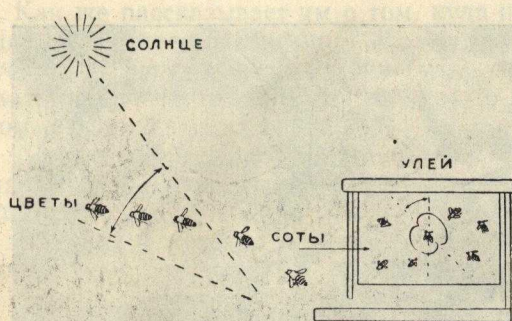
Если бы разведчица сообщила подругам только расстояние до лужайки с душистыми цветами, долго пришлось бы им разыскивать эту лужайку, и, наверно, они пролетели бы не два километра, а добрых двенадцать. Но пчёлы никогда не блуждают, они, как по компасу, летят прямо к цели.

Что же это за компас?

Был сделан такой опыт. В километре от улья поставили кормушку с сиропом. Когда на ней побывало несколько пчёл, кормушку перенесли на такое же расстояние от улья, но в другом направлении... Туда не прилетела ни одна пчела. А на то место, где кормушка была прежде, всё прилетали пчёлы. Они кружились и гудели, словно недоумевая: куда же делся взятки, о котором доложили разведчицы?

Сделали другой опыт. Установили две кормушки: одну — к северу от улья, а другую — к югу. На северной пчёл метили красной краской, на южной — синей. Возвратившись в улей, и «синие» и «красные» пчёлы выписывали одинаковые, знакомые уже нам восьмёрки.

Казалось, опыт ничего не дал. Но, повторяя его много раз, учёные заметили разницу в «танцах»: соединяя полукружии восьмёрки

Глаза пчелы устроены так, что она может фиксировать угол между солнцем и местом взятка.

прямой, «синие» пчёлы всегда бежали вверх по стенке сотов, а «красные», прилетевшие с севера, бежали вниз. Сколько ни повторяли потом опыт, всегда пчёлы бежали только в одном направлении: вверх, если прилетали с юга, и вниз, когда прилетали с севера.

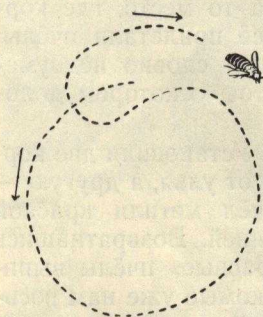
Это уже казалось слишком «разумным». Выходит, пчёлы различают страны света? Каким образом?

Таким же, как и люди в древности, когда у них ещё не было компаса: по солнцу.

За пчёлами, прилетающими с одной и той же кормушки, стали наблюдать час за часом. И увидели, что «танец» их меняется на протяжении дня. Вернее, меняется не сам «танец», а угол между линией, перпендикулярной к земле, и тем путём, какой пробегает по сотам пчела, соединяя в восьмёрку два полукруга.

Что же означало это изменение величины угла?

Есть три точки, по которым ориентируется пчела. Это улей, место взятка и положение солнца на небе. Если эти точки соединить, получится треугольник. Вершина у него — точка, где находится улей, — неподвижна, а место взятка и положение солнца меняются. И вот оказывается, угол при вершине тре-

Так «танцует» пчела, когда богатый взятки обнаружен на расстоянии около десяти метров от улья.

угольника, ограниченный с одной стороны линией, соединяющей улей с местом взятка, а с другой — линией, идущей от улья к солнцу, и служит пчёлам компасом. Исследователи назвали его «солнечным углом». Именно его и изображают пчёлы, «танцуя» на сотах под точно таким же углом к вертикали.

Солнце движется по небу, поэтому меняется в течение дня и направление «танца».

Так ли это? Учёные решили проверить. Они накрыли сеткой меченых пчёл, прилетевших на кормушку, и продержали их в плену несколько часов. За

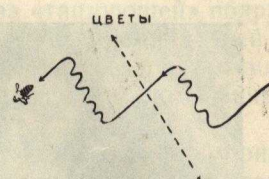
это время солнце успело переместиться на небе на несколько градусов. Когда пчёл отпустили домой, они полетели не к улью, а немного в сторону, отклоняясь от него как раз на столько градусов, на сколько передвинулось солнце. Значит, им действительно был сообщён определённый угол полёта, и когда солнце переменяло своё место на небе, этот «компас» стал подводить.

На опытной пасеке под Москвой на стеклянную стенку улья нанесли густую сеть вертикальных, горизонтальных и наклонных линий. Она превратилась как бы в «сетку углов», какие есть в дальномерах, теодолитах и других инструментах. Сравнивая направление «танца» пчёл с линиями на стекле, можно было точно определить угол полёта пчёл.

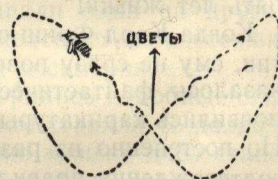
Меченные разной краской пчёлы прилетели с четырёх кормушек, установленных в направлении четырёх стран света. В полдень «южные» пчёлы «танцевали» вверх, «северные» — вниз и «восточные» бежали горизонтально по сотам влево, а «западные» — вправо. Час за часом направление «танцев» постепенно менялось соответственно изменениям «солнечного угла».

Новые опыты показали удивительную точность пчелиного «компаса». Если встречный ветер, например, мешал лететь пчеле-разведчице, то она в своём «танце» делала поправку на ветер. «Танец» её становился медленнее, как будто место взятка находилось дальше от улья, чем на самом деле.

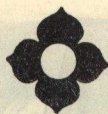
Больше того, когда на пути из улья к кормушке поставили препятствие, которое пчёлам-разведчицам пришлось облетать, то они и об этом сообщили подругам. «Та-

Если пчела-разведчица нашла богатый источник нектара всего лишь в двух метрах от улья, она, виляя брюшком, делает на сотах короткие пробежки в том направлении, в котором расположен нектар.

Круговой «танец» постепенно переходит в восьмёрку, если расстояние до взятка возрастает.

Пчёлы различают очертания такой формы, какая изображена наверху. Но они не ощущают разницы между треугольником и квадратом: ведь цветов такой формы не бывает.

нец» их указывал путь через препятствие и удлинение пути из-за этого.

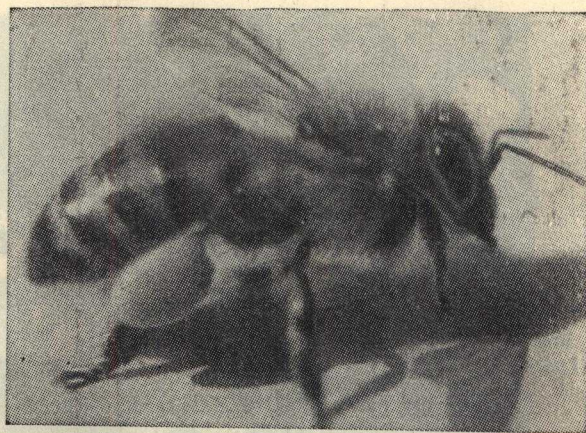
После всего этого можно, пожалуй, подумать, что пчёлы — разумные существа. Они решают задачи по геометрии и даже тригонометрии. Но, конечно, это не так. Пчёлы не умеют думать, но за многие тысячелетия у них выработались очень сложные инстинкты и рефлексы, без которых они не могли бы существовать.

Геометрии пчёлы, конечно, не знают. Они хорошо различают форму разных цветков, но не могут отличить треугольника от квадрата, потому что цветов подобной формы в природе не бывает. Просто глаз пчелы выработал способность точно воспринимать «солнечный угол». Без этого она никогда не нашла бы цветы на расстоянии десяти — одиннадцати километров и не вернулась бы обратно в улей.

Но если пчёлы ориентируются по солнцу, то как же они находят дорогу в пасмурный день?

В самом деле, когда небо затянуто облаками, пчёлы часто путаются, теряют правильное направление. Это лишний раз подтверждает, что солнце — пчелиный маяк.

Но всё-таки и в пасмурный день пчёлы летают за добычей и в конце концов находят к ней правильную дорогу. Каким же образом?

Тяжело летит пчела-сборщица с полным зобиком нектара. На задних ножках её — комочки цветочной пыльцы. Чтобы накопить в улье килограмм мёда, пчёлы должны сделать до ста пятидесяти тысяч вылетов и посетить около пяти миллионов цветков.

Видимо, пчёлы могут определить место солнца на небе, даже когда оно прячется за тучами. Вероятно, им помогают клочки голубого неба в разрывах между облаками.

А может быть, глаз пчелы чувствителен к ультрафиолетовым лучам, входящим в состав солнечного света? Эти лучи свободно проходят даже сквозь толщу облаков. Если такая гипотеза правильна, то для пчёл солнце светит и в пасмурный день. Но так ли это в действительности, покажут новые опыты.

Кроме того, как показывают последние исследования советских учёных, немалую роль играют и земные ориентиры. Пчёлы, видимо, как-то запоминают путь и по расположению деревьев, полей и рек на земле. Но это ещё предстоит изучить.

Мир вокруг нас ещё полон чудесных загадок и тайн. Они ждут своих пытливых исследователей.

★

СКАЗКА

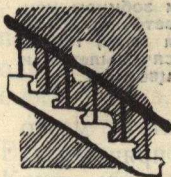
о маленькой Кисте

Виктор Виткович,
Григорий Ягдфельд

Рисунки Е. Щеглова.

(Окончание)

14

ы помните, что злой волшебник пошёл к Кате за помощью? Когда он поднимался по лестнице, Катя выбежала на площадку и стала спускаться: ведь на неё папа и мама оставили Федю!

— Ой, извините! — сказала Катя, чуть не налетев на старичка.

— Ты не видела?.. — начал он.

— Вы не видели?.. — начала она.

— Тише! — сказал он. — Что ты хотела спросить?

— Сначала вы задайте вопрос, — вежливо сказала Катя, — вы старше.

— Нет, уж спрашивай ты.

— Не видели ли вы двух мальчиков?

— С кистью? — спросил старичок, радуясь, что так быстро встретил ту девочку, которая была ему нужна.

— С кистью, — сказала она.

— Ой, девочка, — заплакал Абракадабр. — Ты одна меня можешь спасти! Ты и те два мальчика... И он рассказал ей историю, услышав которую нельзя было не заплакать.

— Я очень бедный, — грустно начал старичок. — Однажды мне сшили шинель, и её украли...

— Это мы проходили, — сказала Катя.

— Проходили? — спросил он сквозь слезы. — Ну, ладно... Как-то раз в горах Кавказа я боролся с барсом!

— И убили его? — спросила Катя.

— А что? — спросил старичок подозрительно.

— Ничего, — сказала Катя. — Мы это учили наизусть.

Волшебник был невежествен. Он не знал других литературных примеров и злобно смотрел на Катю, не находя слов. Он понял, что вызвать сочувствие у этой девочки труднее, чем гром и молнию. Поэтому Абракадабр перешёл прямо к делу.

— Девочка! — сказал он тоном строгой учительницы. — Ты сейчас пойдёшь во двор и приведёшь ко мне в мастерскую тех двух мальчиков с кистью. Мне нужно проделать один физический опыт...

— Я знаю! — обрадовалась Катя. — Мы с Серифимой Алексеевной...

— Потом расскажешь! — строго сказал волшебник. — Торопись!

И Катя убежала.

15

итрость волшебника на этот раз удалась. Катя привела мальчиков с кистью в мастерскую.

— Входите, мальчики! — ласково сказал старичок, пропуская их вперёд.

Федя споткнулся о ржавую самоварную трубу и чуть не упал.

— Входи и ты, девочка!

— Благодарю вас, — вежливо сказала Катя. — Я дала себе слово выучить сегодня все уроки, чтобы на праздники погулять. Правда, я молодец?

— Молодец, молодец, — сказал волшебник, думая о другом.

Катя побежала домой под дождём, накинув на голову белый передник. А злой волшебник снял со своей двери табличку «Закрывается на переучёт» и, чтобы никто не мог ему помешать, повесил новую табличку — её он специально приготовил на этот случай — «Закрывается на ремонт».

Потом, погасив мрачный огонь в глазах, Абракадабр дрожащими губами стал шептать заклинания, при помощи которых можно ключиком от портфеля запереть сарай для дров, несгораемый шкаф и даже ворота Дорогомиловской пожарной команды.

Мальчики стояли в полумраке мастерской. Им было не по себе.

— Ах вы, мальчишечки! — сказал старичок, поглажив их по головам и опустил жалюзи, потом штору, потом занавески. А за окном шумел дождь. Тот самый дождь, который предсказал Ромашкин.

Этот дождь стучал по крышам всего района. Он разбудил ничью бабушку, хотя густая листва оказалась лучше любого зонтика, и на старушку не упала ни одна капля. Склонив голову набок, бабушка долго смотрела на совершенно законченный чулок.

— Вы подумайте! — сказала она себе. — Я спала, а руки мои вязали! Это надо немедленно рассказать Липочке...

Дождь разбудил и метеоролога Ромашкина. Мог ли он его не разбудить! Ромашкин выбежал во двор без шапки. Ах, если бы Федя и Миша могли его увидеть! Каким счастьем светились его глаза!

— Сеня! Дождь! — с радостным изумлением сообщила ему из окошка жена Липа.

Но Ромашкин не слышал её. Он стоял около новенького гаража, около новенькой «Волги» и не видал их. По его лицу стекали струйки.

«Надо ехать в Бюро погоды», — нервно подумал он и повернулся к своей машине, получившей приз на парижской выставке.

Мы не будем описывать, что думал Ромашкин, увидев «Волгу» и новенький гараж, — это очень

трудно. Скажем только, что счастье его было ни с чем не сравнимо и что в результате своих размышлений он сказал:

— Спасибо вам, товарищ Папава!

Тем временем дождь кончился, и во двор вошёл Варфоломей.

На месте недостроенного гаража он увидел чудо техники, мокрое от дождя. И возле него — подумать только! — Ромашкин, незадачливый Ромашкин сидел в своей новенькой машине!

— Откуда? — только и мог спросить дворник.

— Такая чёрная борода, и такое доброе сердце! — крикнул Ромашкин дворнику и выехал со двора.

— Надо проснуться, — озабоченно сказал себе Варфоломей.

Увидев над клумбой два развесистых дерева, он подошёл, остановился на почтительном расстоянии и спросил ничью бабушку:

— Откуда?

— Я связала, — общительно сказала бабушка. — Во сне связала. Только подумать!

— Слава богу, значит, и верно сон, — обрадовался дворник.

Он подставил голову под водопроводный кран, но ничего не исчезло. Тогда, недовольно ворча, что ему никак не удаётся проснуться, Варфоломей взял ведёрко и короткую кисть, вышел за ворота и побелил каменный столбик. И, как это ни странно, этот поступок был самой большой ошибкой Варфоломея.

Столбик играет далеко не последнюю роль в этой правдивой истории. Сейчас вы увидите, почему. Не успел дворник покрасить его и уйти, как из-за угла показался Тузик, потерявший во время погони кота. Собака плелась, опустил морду и высунув язык так, что его кончик то и дело задевал асфальт, вызывая ощущение чего-то жёсткого и малопитательного. Собачий долг вёл Тузика прямо к столбику.

Тузик знал, что соседские собаки должны были оставить сведения обо всём, что случилось, пока он отсутствовал. И действительно, собаки видели всё и передали все запахи: и как мальчики пошли в мастерскую дырок и как девочка бежала под дождём. Они не видели только, как Варфоломей побелил столбик и как вернулся Тузик, потому что в это время по улице проехал крытый автомобиль с надписью «Мясо» и собаки решили пробежаться, подышать воздухом, который шёл от этой машины.

Итак, Тузик подбежал к столбику. Отвратительный запах мела пополам с олифой ударил ему в

нос. Тузик чихнул. Центральный собачий журнально-газетный киоск больше не существовал! Вот почему Тузик не знал, что мальчики попали в беду, и не мог сообщить об этом Варфоломею.

16

Мальчики стояли, прижавшись к стене. Перед ними к низкому потолку была подвешена за хвост белая крыса. Она пищала и, извиваясь, пыталась взобраться вверх по собственному хвосту. Это была одна из тех крыс, которыми Абракадабр по понедельникам кормил своего кота. Хотя волшебник опустил жалюзи, в мастерской было светло: в углу золотым огнём горела кисть мальчиков. От неё шло столько же света, сколько от электрической лампочки в сто свечей.

Глядя на Федю и Мишу, Абракадабр хихикал. Он держал резинку с нарисованным зайцем. Мальчики увидели её, переглянулись и побледили: они поняли, что попали в лапы к злым волшебникам.

Подойдя к крысе, Абракадабр сказал голосом Большого Ушана:

— Ну-с?

И крыса, оскалив зубы, завертелась на хвосте, пытаясь броситься на волшебника. Отчаянный визг, отравительный, будто звук ножа по стеклу, раздался в комнате. Федя хотел крикнуть, но Миша сжал его руку. А волшебник мазнул резинкой, и визг исчез. Крысы не было, на крюке висел один розовый хвостик.

Миша подумал:

«А что, если взять это ведро и трахнуть волшебника по башке?»

— Попробуй,— хихикая, сказал Абракадабр, угадав его мысль.— И я сотру твою руку вместе с ведром, вот так!

Он стёр ведро, а мальчики прижались в самый угол. Миша оглянулся, позади чернела какая-то открытая дверь. Схватив Федю за руку, Миша бросился туда. Ребята захлопнули за собой дверь и оказались во мраке. А за стеной они слышали торжествующий смех Абракадабра.

Мало-помалу глаза мальчиков привыкли к темноте, и они заметили в разных углах чулана крошечные светящиеся точки, передвигавшиеся с места на место. Это были глаза пауков-крестовиков. Но мальчики этого не знали.

— Стой здесь,— прошептал Миша.— Я поищу выход.

Шаря рукой, он пошел вдоль стенки. Вдруг что-то покатилося у него под ногами, он поскользнулся и упал. Минуту всё было тихо. Потом в темноте послышался голос Миши:

— Нашёл!

— Что? — испуганно прошептал Федя.

Миша помолчал и сказал неуверенно:

— Кажется, кисточку для бритья...

Федя стоял, шевеля пересохшими губами. Он слышал какие-то странные шорохи, будто к ним кто-то подкрадывается. Внезапно раздался отчаянный шёпот Миши:

— Федя!

— Что?!

— Рука! Я не могу... её... оторвать!

Миша чувствовал, что его рука как бы приклеивалась к стенке. Он не знал, что её всё больше и больше заматывал паутиной паук-крестовик.

Дверь чулана со скрипом отворилась, и мрак прорезали два луча — зелёный и красный. Это были глаза кота, которого волшебник держал за шиворот. Теперь мальчики разглядели чулан: в нём не было ни одного окна и только одна дверь. Вдоль стен висели вниз головами нетопыри и качались огромные пауки, а на полу валялись разнообразные кисти.

— Маня! — строго сказал Абракадабр пауку.— Не шали! Мальчиков пока трогать нельзя! Их жизнь принадлежит королю!

Одним движением волшебник стёр паучью нить волшебной резинкой, освободил Мишу и выскочил, захлопнув за собой дверь. Он очень торопился. Ведь ему пришлось оторваться от важного дела, и каждая секунда была дорога.

Он сидел в своей мастерской, держа в руках золотую кисть, и жадно шептал:

— Кисть, а кисть, хочу золота чеканки нашего королевства!

И кисть рисовала монету за монетой. Таких монет нет ни в одной коллекции! На одной стороне изображён герб: череп, кости и молния; а на другой стороне вместо лица короля — простой круг: в стране рукокрылых лицо короля запрещено изображать под страхом смерти! А торопился Абракадабр потому, что каждую секунду мог приехать за кистью Большой Ушан, и тогда времени не останется.

Не успела кисть сделать семьсот седьмую монету, как у кота шерсть поднялась дыбом и от хвоста полетели искры. Заметив это, старичок быстро сгрёб золотые монеты в угол. В дверь стукнули. Абракадабр лихорадочно стал прикрывать золото старым железом. А в дверь нетерпеливо стучали.

Когда старичок наконец открыл её и, добродушно шурясь, зевая и потягиваясь, впустил Большого Ушана в мастерскую, его гость в сером сухо спросил:

— Где кисть?

— Вот она! — сказал старичок.

— Давно? — спросил Большой Ушан.

— Уже четыре минуты.

— Отдайте деньги, — сказал Большой Ушан, дьявольски усмехаясь.

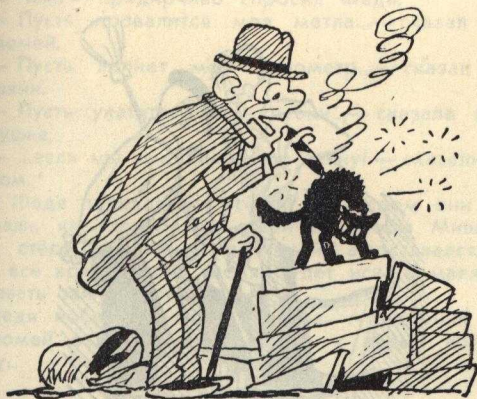
— Какие деньги? — изумлённо спросил старичок.

— Которые вы успели нарисовать.

И Большой Ушан направился в угол, отодвигая ногой старое железо.

— Ах, эти! — простодушно улыбаясь, сказал старичок.

Большой Ушан, не слушая, сгрёб золото и рассовал по карманам.

— Как действует кисть? — спросил он.

Старичок лъстиво залепетал:

— Надо сказать: «Кисть, а кисть, хочу...» — Он взял кисть в руку. — Что прикажете сделать?

— Сигару.

Холодными глазами следил Большой Ушан за тем, как кисть рисовала. Потом, взявши сигару, он понюхал её, откусил кончик, подошёл к коту, от шерсти которого, как всегда при приближении посланника короля, посыпались искры, прикурил и сказал:

— Дайте сюда кисть!

Морщась от дыма, Большой Ушан смотрел в полумрак. Его тонкая рука в кольцах с камнями из серой яшмы, на которых были вырезаны летучие мыши в семи позах, хищно держала кисть. Подумав, Большой Ушан сказал:

— Кисть, а кисть, хочу бриллиант в миллион каратов!

Кисть вздрогнула и прямо на стене начала рисовать. Большой Ушан, всегда холодный и бесстрастный, улыбнулся: он подумал, какую награду потребует он у великого короля. Но, вдруг кисть, золотая волшебная кисть, начала темнеть, гаснуть и, вспыхнув, подобно перегорающей электрической лампочке, ослепительным прощальным огнём, погасла.

В мастерской дырок стало темно. Кисть безжизненно лежала в руках Большого Ушана. Схватив кота, старичок поднял его и осветил половину бриллианта, ещё не законченного и потому не ожившего, оставшегося рисунком на стене. Большой Ушан мрачно посмотрел на старичка.

— Не знаю, — сказал тот.

Он взял кисть из рук Большого Ушана и повторил:

— Кисть, а кисть, хочу бриллиант!

Но кисть не действовала.

Тогда старичок решил переменить обращение с кистью.

— Уважаемая кисть, — сказал он, — хочу бриллиант!

Ничего не помогало.

— Может быть, мы многого хотим? — сказал Большой Ушан.

Взглянув на него, старичок попробовал согласиться на меньшее:

— Кисть, а кисть, хочу пирожок с капустой!

Но, как ни тряс он её, кисть попрежнему лежала в руке неподвижно.

— Здесь какая-то тайна! — сказал Большой Ушан.

У нас нет времени на разгадки. Вы же знаете: завтра в семь утра по повелению великого короля должна быть стёрта с лица земли вся эта улица и весь праздник... Улица должна превратиться в развалины. Король сказал, что через тысячу лет, когда всё здесь зарастёт мхом и плесенью, сюда перенесут его царственную столицу. А вы...

— Тсс... — зашипел и замахал руками старичок, указывая на чулан.

И он не ошибся: мальчики, прижав уши к стене, действительно слышали всё.

Отпрянув от двери, Федя и Миша схватили самые большие кисти из тех, что лежали под ногами. Они были готовы дорого продать свою жизнь. Дверь распахнулась, и мальчики увидели Большого Ушана. Позади него стоял старичок, он держал кота за шиворот и услужливо бормотал:

— Я их поймал... Я их храню для вас... Для короля...

А зади мальчиков, на стене чулана, шевелилась тень Большого Ушана, очень похожая на громадную летучую мышь. Посмотрев на мальчиков, Большой Ушан усмехнулся и закрыл дверь.

— Вот что, — сказал он старичку так тихо, что мальчики, как ни старались, не смогли больше ничего услышать. — Надо узнать тайну кисти, надо её оживить. А знает тайну кисти только один человек — маляр, главный враг короля. Надо узнать тайну, — он пристально посмотрел на старичка. — И я знаю, кто это может сделать.

— Я? — испуганно спросил старичок.

Большой Ушан усмехнулся:

— Ни вы, ни я.

— А кто же?

— Мальчик.

— Какой мальчик? — не понял старичок.

Большой Ушан показал глазами на чулан. Абракадабр изумлённо глядел на посланника короля: не спятил ли тот?

— Но мальчики всё разболтают?! — пробормотал он робко.

— Мы одного оставим в залог, — сказал Большой Ушан. — А пошлём другого, который поменьше. И предупредим: если он не принесёт нам разгадку тайны или выдаст нас, мы сотрём его товарища.

Старичок хотел возразить, но Большой Ушан его остановил:

— Вы плохо знаете этих дикарей. Люди во имя того, что они называют товариществом, способны на всё. Этот щенок никогда никому ничего не скажет, пока его дружок здесь!

— Я умываю руки, — предупредил старичок.

— Умывайте! — презрительно сказал Большой

Ушан.— Но делайте, что я приказываю! — Он вынул часы.— А я пока должен выполнить другое повеление короля. Скоро конец обеденного перерыва. Великий король приказал раньше, чем мы сотрём эту улицу, собрать в домах все колоды карт. Он не простит нам, если будет стёрта хоть одна дама пик.

И Большой Ушан удалился в глубокой задумчивости. Причиной этой задумчивости была совсем не тайна кисти. Большой Ушан был совершенно убеждён: тайна кисти будет разгадана! А задумался он вот над чем: собирать ли только карточные колоды или брать ещё флаконы духов «Пиковая дама» да заодно и ноты оперы? Или это будет наивно?

17

беденный перерыв ещё не кончился. На железных конструкциях не было ремонтных рабочих, люльки маляров висели неподвижно над самой землёй, и высокое круглое сиденье под полосатым зонтом катка пустовало.

Федя искал маляра повсюду. В парикмахерской, заглядывая в лицо каждому намыленному клиенту. В сосисочной, где обедающие ели, стоя за мраморными столиками. Даже в мастерской, над которой висела вывеска «Выводка пятен», хотя каждому ясно, что маляру выводить пятна со своей спецовки совсем ни к чему.

И каждый раз, когда Федя выбегал на улицу, его подстерегали, подхлёстывали, подгоняли прыгающие стрелки больших электрических часов, висевших на углу. Ведь злой волшебник Абракадабр, выпуская Федю из мастерской и отдавая ему погасшую кисть, предупредил: если через полчаса он не разгадает тайну кисти и не оживит её, Мишка будет стёрт волшебной резинкой. И Федя знал: волшебник выполнит свою угрозу! Вот почему он так спешил.

Прохожие оглядывались на странного мальчика, бегущего по улице и бормочущего бессвязные слова: «Кисть... Мишка... Абракадабр...»

«А вдруг,— подумал Федя,— маляр уже пообедал, залез ко мне через окно и ждёт меня там?»

Задыхаясь, он помчался домой. В комнате маляра не было. Зато на полу, на столе, на диване грудой лежало всё то богатство, которое волшебной кистью нарисовали они с Мишкой...

— Мишка! — закричал вне себя от волнения Федя и ворвался в столовую, где на своём любимом месте, в папином кресле, учила уроки Катя.

— Тише! — сказала Катя. — Разве ты не видишь, что я учу географию?

— Катя! — сказал Федя, задыхаясь. — Поклянись мне жизнью папы, мамы, нет, поклянись жизнью твоей Серафимы Алексеевны, что ты не выдашь страшную тайну, которую я тебе сейчас скажу!

— Во-первых, — сказала Катя, — я не буду клясться никакими клятвами, потому что это нехорошо. Во-вторых, я не буду слушать никаких тайн, пока не выучу Африку. А в-третьих, если хочешь знать, уходи отсюда и не мешай!

Если бы даже и было «в-четвёртых», Федя не услышал бы: он уже бежал по лестнице. Выскочив на улицу, мальчик увидел, как в ворота въезжала новенькая «Волга» Ромашкина.

— Вот кто поможет! — решил Федя и ринулся во двор.

— Как дела, старик? — весело спросил Ромашкин, вылезая из машины.

— Плохо, — сказал Федя.

— Что так? — спросил Ромашкин.

— Дядя Варфоломей! — закричал Федя, увидев дворника. — Маляр не у вас?

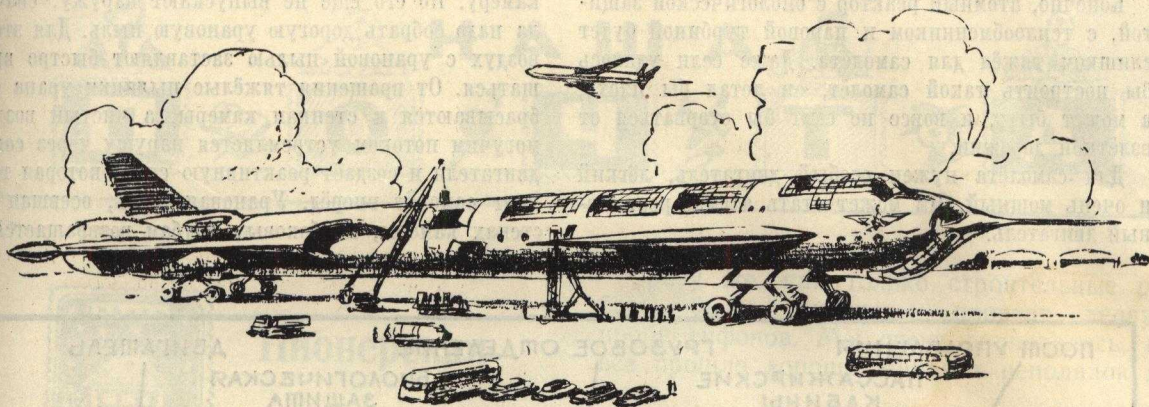
— Не у нас, — сказал Варфоломей басом. Он собирал по двору железным совком птичий помёт и нёс на клумбу.

— Тогда я погиб, — сказал Федя и повесил голову.

— Кто погиб, внучок? — любознательно спросила ничья бабушка, сидя на скамейке под липой. Уже десять минут, положив на колени едва начатое вязание, старушка закрывала глаза и старалась заснуть, чтобы убедиться ещё раз, как это удобно вязать во сне.

— Дядя Сеня, дядя Варфоломей, бабушка! Дайте мне страшную клятву, что вы не выдадите тайну, которую я вам сейчас скажу!

— Клянёмся! — сказали все трое.

Так примерно будут выглядеть атомные самолёты.

Ледокол ведёт за собой целую флотилию больших океанских транспортов. За один переход из Белого моря в Тихий океан он сжигает тысячи тонн нефти. Может случиться и так, что ледокол не пробьётся сквозь льды и в борьбе с ними израсходует все свои запасы топлива. Тогда придётся доставлять нефть самолётами. Это и дорого и трудно.

Атомный ледокол, который построят у нас в ближайшие годы, будет в несколько раз сильнее самых мощных современных ледоколов. Атомная энергия, как и в атомовозе, превращённая в электрическую, будет вращать гребные винты атомохода и десятки других моторов, приводящих в движение насосы, грузовые краны, вентиляторы и даже машины для приготовления пищи на камбузе. Немало понадобится атомному ледоколу и горячей воды для отопления кают и борьбы с обледенением. Появится на бортах и палубе толстая кора льда, обшивку подогреют изнутри — и лёд отвалится.

Представим себе, что мы на атомном ледоколе. На его корму садится довольно большой вертолёт, вылетавший на разведку. Лётчик нашёл самый удобный путь до края ледяного поля, и ледокол быстро продвигается по этому пути на восток. Из-под его скошенного стального носа во все стороны разлетаются ледяные осколки.

Поднимемся на высокую надстройку атомного ледокола. Её переднюю часть занимает главная рубка, где находятся штурман и два инженера. Это ходовая вахта корабля. У вахтенных не меньше сотни чудесных помощников — электрических автоматов... Поглядывая на приборы, они проверяют, как работают их невидимые помощники. А автоматы удивительно быстро и точно управляют кораблём. Они даже ведут подробный «вахтенный журнал». Целая бригада моряков и научных работников не смогла бы быстрее автоматов записать всё, что делается на ледоколе. Ледокол продвигается меж льдами, а автоматы неумолимо измеряют глубину Ледовитого океана и точно записывают её каждые несколько секунд. Они зорко следят за горизонтом, смотрят да-

леко вперёд сквозь густой туман, пелену дождя и полярную пургу. Автоматический рулевой ведёт ледокол точно по курсу, намеченному штурманом.

Но пока мы осматриваем рубку и её оборудование, лёд становится всё крепче. Скорость корабля заметно уменьшается. Его корпус то и дело вздрагивает от сильных ударов о ледяные валы — торосы.

У атомного ледокола хватит силы, чтобы справиться со льдами, пробиться к свободной воде. Но ему можно помочь, применив сильное оружие, которое вот уже несколько лет помогает резать пласты каменного угля и прочной железной руды под землёй, дробить гранитные скалы.

Вахтенный штурман протягивает руку к пульту управления, и из носовой части ледокола выдвигаются, словно маленькие зенитные пушки, два тонких ствола. Трудно поверить, что они могут помочь кораблю в борьбе со льдами.

И вдруг из стволов вылетают два длинных хрустальных стержня. Это сильные струи воды. Вода находится под громадным давлением. Твёрдые и упругие струи вонзаются в толщу льда перед кораблём. Попробуйте из всех сил ударить по такой струе крепкой дубовой палкой. Струя даже не шелохнётся, а палка переломится надвое.

Водяные «кинжалы» разрезают лёд и клыкастые торосы, а корабль своими крутыми боками расталкивает льдины, загоняет голубые глыбы льда под края ледяного поля. Позади ледокола остаётся широкий проход, и караван транспортов уверенно идёт за своим могучим вожаком — атомным ледоколом.

Атомные корабли мы увидим в ближайшие годы.

* * *

Мы уже знаем, как устроены атомные установки на локомотивах и кораблях. Но можно ли поставить такую тяжёлую и громоздкую установку на самолёт? Не получится ли что-то вроде летающего паровоза?

Конечно, атомный реактор с биологической защитой, с теплообменником и паровой турбиной будет слишком тяжёл для самолёта. Даже если удалось бы построить такой самолёт, он летал бы плохо, а может быть, и вовсе не смог бы оторваться от взлётной дорожки.

Для самолёта нужен особый двигатель, лёгкий и очень мощный. Им может стать атомно-реактивный двигатель.

Но его ещё не выпускают наружу: сначала надо собрать дорожную урановую пыль. Для этого воздух с урановой пылью заставляют быстро вращаться. От вращения тяжёлые пылинки урана отбрасываются к стенкам камеры, а чистый воздух могучим потоком устремляется наружу через сопло двигателя и создаёт реактивную силу, которая толкает самолёт вперёд. Урановая пыль, осевшая на стенах камеры, по боковым трубам возвращается в

Здесь вы видите, как будет устроен атомолёт.

Из обычного реактивного двигателя с огромной силой вырывается струя раскалённых газов. Самолёт с таким двигателем летит, как ракета. Но этот самолёт пожирает много горючего. А нельзя ли построить такой атомный двигатель, чтобы из него вместо газов, полученных при сгорании топлива, вырывалась струя раскалённого воздуха? Конструкторы говорят, что можно.

...На бетонной дорожке аэродрома готовится к полёту громадная и необычная летательная машина. Это атомный самолёт, обтекаемая, скоростная машина. Его фюзеляж (корпус) вытянут и заострён спереди. Крылья скошены.

Пассажирские кабины и кабина пилота находятся спереди, а в хвостовой части, очень далеко от кабин, установлен атомно-реактивный двигатель. Вы не найдёте в нём стержней урана. Вместо них в особых ящиках хранится мелкая урановая пыль.

Атомный двигатель засасывает спереди чистый воздух, который смешивается с урановой пылью. Эту смесь сжимают сильные насосы и гонят в графитовые трубы с толстыми стенками. В трубах происходит атомная реакция. За тысячные доли секунды урановая пыль накаляется и накаляет воздух. При таком сильном нагревании воздух, стремясь расшириться, с силой врывается в следующую

переднюю часть самолёта и смешивается с новыми порциями свежего воздуха.

Пилот в своей кабине берётся за рукоятки управления. Пассажиры полулежат в удобных мягких креслах. Сигнал на старте — и далеко за пределы аэродрома разносится глухой рёв. Гигантский воздушный корабль на двенадцати колёсах катится по бетонной дорожке и наконец отрывается от земли. Теперь самолёт уже не кажется таким громадным и тяжёлым. Всё увеличивая скорость, он пронизывает облака, летит всё выше и выше.

Пилот смотрит на приборы. Атомно-реактивный двигатель работает отлично. Самолёт уже пролетает в секунду триста пятьдесят метров — он превзошёл скорость звука. Воздушный атомный корабль, не расходуя ни капли бензина, пролетает две тысячи километров в час. За двадцать часов он может облететь вокруг земного шара. И запаса атомного горючего ему хватит на добрую сотню таких кругосветных полётов без посадки.

Наступит время, когда на атомном топливе смогут летать не только громадные воздушные корабли, но и маленькие — воздушные мотоциклы. Атомная энергия найдёт применение на земле, на воде и в воздухе. Нужно только окончательно разгадать все её тайны, из которых пока раскрыты ещё очень немногие.

Пионерская

ГЭС

В прошлом году в лагере мы придумали построить гидроэлектростанцию. Речки у нас, правда, близко не было, но был пруд с большой плотиной. Там и решили строить.

Сначала в строительную группу записалось немного ребят — всего человек двадцать. Мы сразу же взялись за дело. Вожатые и начальник нашего лагеря — гидростроители, и они, конечно, помогли нам. Мы стали изучать устройство гидроэлектростанции, наметили график всех работ, организовали строительные бригады.

И вот наконец на вечерней линейке был зачитан приказ начальника лагеря: «Завтра начинаются строительные работы на гидроэлектростанции «Пионерская-1».

Когда утром бригады вышли на стройку, оказалось, что весь лагерь хочет работать вместе с нами. Пришлось сходить в соседний лагерь за лопатами. Работы хватило всем, даже малышам.

Траншею для трубопровода прорыли очень быстро и дружно. Потом одна бригада укладывала трубы, другая забетонировала отводной канал. В это же время наша бригада строила здание ГЭС. Мы его сделали из досок, а потом покрыли шифером и покрасили. Из Москвы шефы привезли нам турбину. Двоим ребятам было поручено разобрать её, смазать, отрегулировать.

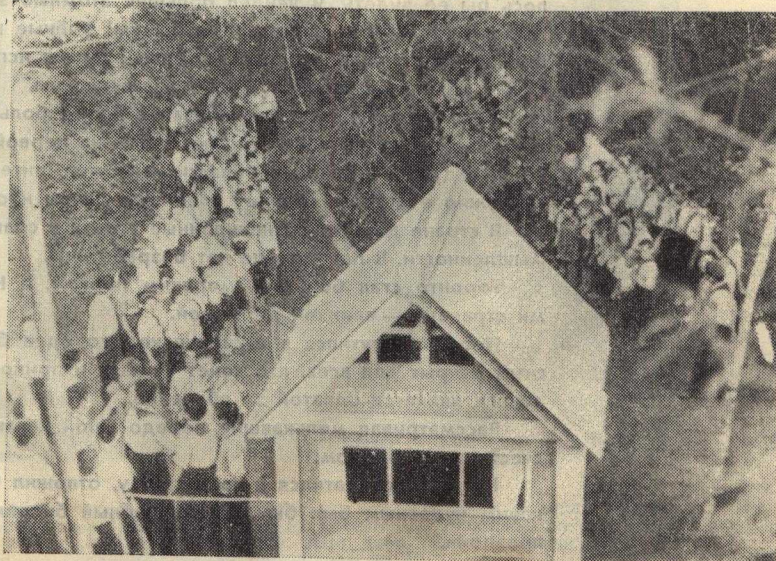
Сразу же, как только строительные работы были закончены, провели первую пробу сифонов. Мы очень волновались, но всё прошло хорошо, никаких неполадок не было.

Теперь оставалось установить генератор и закончить электропроводку.

26 августа вечером состоялось торжественное открытие ГЭС. Приехало много гостей, пришли пионеры из соседнего лагеря. Вот перерезана красная ленточка. Игорь открыл сифоны, турбина дрогнула и медленно, а потом всё быстрее и быстрее стала вращаться. Когда она набрала достаточную скорость — 2 550 оборотов в минуту, — Шурик Рассихин включил рубильник, и зажглись гирлянды разноцветных лампочек над зданием ГЭС, на столбах, на деревьях, вспыхнули прожектора и осветили наш лагерь.

«Пионерская-1» вступила в строй! Это был наш самый радостный день.

Женя Филимонов, Игорь Солдатский,
пионерлагерь института
«Гидроэнергопроект».

«Пионерская-1» вступила в строй!

Ледоход на Сене

Дорогой «Пионер»!
Я давно тебе не писал, потому что ничего интересного не было. Недавно у нас был сильный мороз. Сена и озёра замёрзли. Я снял несколько фотографий и посылаю их тебе. На одной из них лёд идёт по реке: его взорвали, опасаясь, что он снесёт мост.

Ваня Ликье,

Париж, 12 марта 1956 года.

Ледоход на Сене. Вдали видна Эйфелева башня.

Какой я хотел бы видеть Канаду

Этот рассказик написал четырнадцатилетний школьник из города Торонто (Канада) Лерри Гауэр. Рассказ был удостоен премии на литературном конкурсе, организованном торонтской газетой.

«У меня есть волшебный бинокль. Вам нельзя им пользоваться, потому что он покажется только мне. Когда я ложусь в кровать и закрываю глаза, передо мной возникает множество сказочных, изумительных вещей.

Прошлой ночью, например, я увидел Канаду будущего, Канаду, какой мне хотелось бы её видеть. Я увидел большие атомные заводы. О, нет, не те, которые изготовляют атомные и водородные бомбы! Учёные на заводах, которые я увидел, работали на благо человечества. Атомная энергия использовалась для того, чтобы приводить в движение корабли, поезда, автомашины.

Картина сменилась, и я оказался перед большим зданием типографии. Я наблюдаю, как делается газета. Читаю статьи на первой полосе и узнаю о том, что Канада стала ведущей страной в области искусства, литературы и музыки. Канадцам больше не нужно ездить за границу в поисках славы и счастья.

В стране достигнуты невиданные успехи в сельском хозяйстве, горном деле и промышленности. В Канаде уже нет безработицы.

Торонто стал большим морским портом, а Канада благодаря торговле с другими странами — великой державой.

Потом я очутился в студенческом городке большого университета. Этот университет открыт для всех, кто хочет учиться и приносить пользу стране. Дарование, а не деньги является оплатой за обучение.

Рассматривая мелькавшие передо мной картины, я видел канадцев свободным и счастливым народом.

Когда я возвратился к настоящему, отложил бинокль и открыл глаза, то подумал, каким чудесным был бы мой волшебный бинокль, если бы он мог всё это сделать правдой».

Лерри Гауэр,
город Торонто, Канада.

Узоры на платье

В разных городах и сёлах взрослые и ребята носят платья из сатина, ситца, штапеля, сделанного на фабриках в нашем городе.

Моя мама работает на текстильной фабрике имени рабочего Фёдора Зиновьева. Она часто рассказывает мне о своей фабрике, о работе художников, которые составляют текстильные рисунки. Я люблю рисовать и тоже пробую составлять текстильные узоры. Моя мечта — сделать такой рисунок для ткани, чтобы каждому захотелось сшить из этого материала платье и чтобы это платье получилось самое нарядное, самое весёлое и красивое.

Когда я окончу школу, то обязательно стану художницей и буду работать на текстильной фабрике.

Света Ведякова,

изокружок Дворца пионеров, г. Иваново.

Эти рисунки для ткани придумала Света Ведякова.

Сегодня во дворе велосипедные гонки. Такой уж это двор: каждый день у ребят затеи, одна интереснее другой. Ребята здесь не ждут, чтобы их кто-нибудь забавлял. Зато и лето во дворе проходит весело. А если вам интересно, где этот двор, можем сказать: он в Киеве, на Воздухофлотской улице, дом № 40.

Фото В. Храмцова.

Праздник окончания учебного года.

Праздник во дворе

Каждый год после экзаменов, в июне, у нас во дворе бывает большой весёлый праздник — праздник окончания учебного года. Мы украшаем свой двор цветами, гирляндами ярких флажков, фонариков.

У нас во дворе семь футбольных команд, волейбольная, баскетбольная. Мы устраи-

ваем спортивные соревнования. Здесь же во дворе выступают наш хор и танцевальный кружок.

Ребята у нас во дворе очень дружные, мы все вместе ходим в кино, на экскурсии, на речку купаться, в лес.

Мы дружим с ребятами из колхоза имени М. И. Калинина. Они приезжают к нам, а мы к ним. Так мы проводим лето.

Алла Смирнова, Галя Арбузова,
г. Иваново, проспект Сталина, 98

Ребята из нашего двора побывали на текстильной фабрике.

История Луха

Мы шли из Иванова в Пучеж — будущий порт Большой Волги. Прошли пешком около ста пятидесяти километров, почти через всю нашу Ивановскую область. Видели, как строятся на берегу Большой Волги порт и перенесённый на новое место город Пучеж. Мы шли ночью, ориентируясь по звёздам, плыли на пароходе по Волге, ехали поездом. Сколько замечательных людей мы повстречали! Сколько узнали от них нового! И часто мы видели интересное в самых глухих и «неинтересных» местах, где даже и не думали его найти.

Мы проходили через районное село Лух. Многие, наверное, даже и не слышали этого названия. А оказывается, у Луха большая история. Это очень старинное село. Более пятисот лет назад здесь была построена крепость, которая охраняла Суздальское государство от нашествия татар и поляков с северо-востока. Крепость с трёх сторон была обнесена земляным валом высотой в двадцать метров и глубоким рвом с водой, а с четвёртой стороны были непроходимые болота.

В 1422 году монах Тихон построил здесь монастырь. Тихон был выходцем из Литвы, поэтому и название месту он дал литовское: «Лух», что означает «болото», «трясина».

В Лухе жило много знаменитых людей. Нас, например, заинтересовало, что это село — родина матери Петра I, Натальи Кирилловны Нарышкиной.

В Лухе жил и работал выдающийся русский изобретатель Николай Николаевич Бенардос. Он известен как изобретатель дуговой электросварки, многих электрических приборов. Он же придумал, как приварить к знаменитому Царь-Колоколу отколотый кусок, а потом как перевезти и поднять гигантский колокол на колокольню.

А в 1876 году Бенардос на маленькой болотистой и несудоход-

ной речушке Лух проводил испытания своего парохода-вездехода. Это очень интересный пароход: ему не страшны никакие мели, он легко перебирается через стволы упавших в воду деревьев, через мельничные плотины, через пороги, а когда нужно, то и выходит сам на сушу по особым рельсам.

Опыты прошли хорошо, но изобретение Бенардоса так и пропало, в царской России его никто не поддержал. Учёный умер в страшной нужде.

В Лухе родились и жили художники братья Никанор Григорьевич и Григорий Григорьевич Чернецовы, авторы картины «Парад на Царицыном лугу», где на первом плане изображены Пушкин, Крылов, Каратыгин, и картины «Грот на Волге» — её мы видели в нашем ивановском музее.

Интересно революционное прошлое Луха. В 1905 году в лухской тюрьме сидели политические заключённые Корягин, Опарин, Любимов. В тюрьме они сочиняли и пели революционные песни. Эти песни до сих пор помнят в селе, мы их записали.

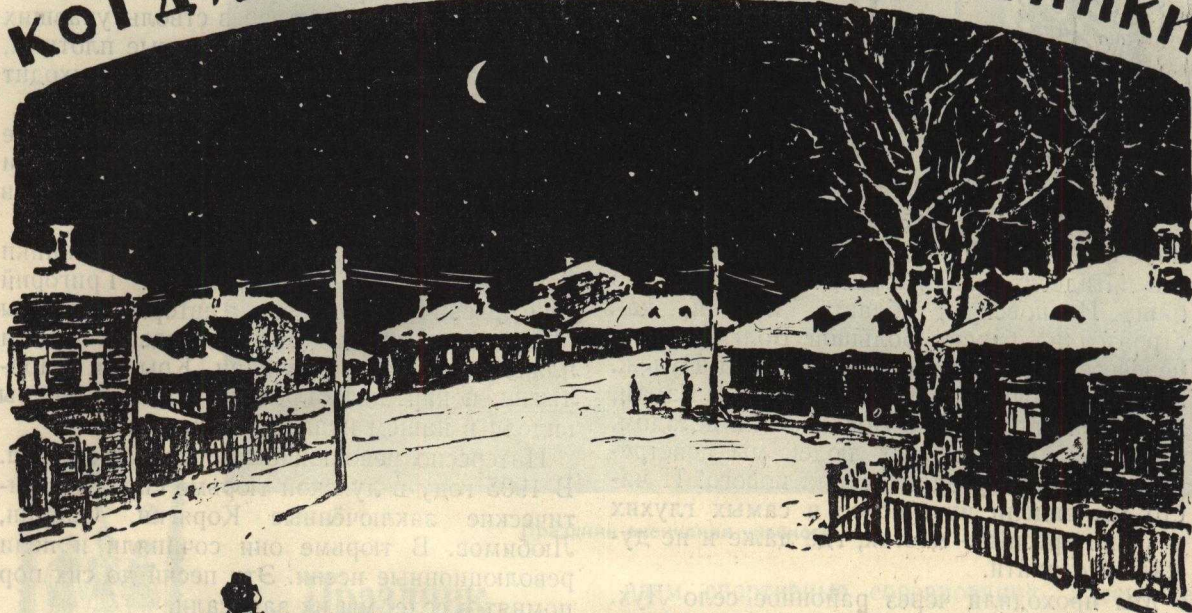
Современный Лух мы осмотрели подробно. Часть земляного вала сохранилась и сейчас. Теперь на этом месте большой парк. Село Лух большое: построены овощесушильный завод, школа-десятилетка, кинотеатр. Мы познакомились в Лухе с замечательным человеком — Фёдором Ивановичем Гавриловым, который вот уже в течение многих лет с любовью собирает материалы о прошлом своего села. От него мы всё это и узнали.

Полетаев Борис и Туманова Людмила, члены туристского кружка школы № 42, г. Иваново.

На привале.

КОГДА ПРИХОДЯТ ВОЛШЕБНИКИ

Ю. Новикова

Рисунки Б. Винакурова.

О Толе я услышала раньше, чем мы познакомились. Упомянул о нём один человек, браня работников стекольной промышленности за невниманье к астрономам-любителям.

— Пожалуйста, вот вам пример,— говорил он сердито.— Живёт в городе Сызрани школьник Толя Ч. Задумал паренёк построить телескоп, а диска для главного зеркала, то бишь самой важной части, и нет как нет: дяди из стекольной промышленности об этом не позаботились. И отказался бы Толя от полезного дела, если бы не добрый волшебник...

— Кто?..

— Добрый волшебник,— повторил мой собеседник, лукаво прищурясь.— Чему вы удивляетесь? Бывают случаи, когда волшебники всё-таки приходят на помощь.

— И что же, построил этот мальчик телескоп? — спросила я, убедившись, что больше ничего не узнаю о добром волшебнике.

— Тут, понимаете, вышел один казус... Зеркало было почти готово. Как вдруг...

Но о том, что случилось «вдруг», и об обстоятельствах, предшествовавших вмешательству «доброего волшебника», пожалуй, лучше рассказать со слов самого Толи.

* * *

Всё началось с того, что они с Витькой не попали в кино. Прочитав обескураживающую надпись «Все билеты проданы», они потоптались немного на улице. Витька замёрз и пошёл домой, а Толе домой идти не хотелось... Пройдя квартал, он увидел табличку «Библиотека-читальня», вспомнил, что давно собирался побывать в «читалке», снял пальто и поднялся наверх...

— Что тебе дать? — спросила библиотекарша, когда Толя подошёл к столу.

Толя, собственно, ещё не решил, что почитать,— Жюль Верна или «Всадника без головы»... Задерживать библиотекаршу было неудобно, и он решительно ткнул в какую-то книжку, стоявшую на стенде... Что-то вроде удивления промелькнуло в глазах библиотекарши, но она дала Толе книжку и поставила ликовую единицу в контрольном листке...

Раскрыв книжку, Толя едва не вернул её: меньше всего волновал его вопрос, есть ли конец и начало у вселенной.

Но, вспомнив выражение лица библиотекарши, он решил не показывать вида, что взял первую попавшуюся книгу.

Нехотя прочёл он фразу, другую — и вдруг зачитался... Многое в книге было непонятно, но это только притягивало. Не отрываясь, весь вечер просидел Толя над серенькой книжкой. В висках у него стучало, щёки горели.

Возвращаясь из «читалки», он с непривычным вниманием разглядывал звёздное небо над тихой окраинной улицей. Небо мигало и искрилось серебряными блёстками, всё это были миры... И голубая звёздочка над крышей их низенького дома тоже была миром, больше Земли и уж, конечно, больше Луны, которая только кажется большой, а на самом деле — тьфу, песчинка!.. Толя с неодобрением посмотрел на полумесяц, но тот продолжал задаваться перед звёздной мелюзгой и даже как будто смеялся, выставив острый подбородок...

У ворот Толя постоял с минуту, закинув назад голову. Если смотреть так, заборы и крыши не видны, небо кажется бескрайним и можно вообразить то, о чём говорилось в книге: бездонность мировых пространств... Толя попытался представить себе: в громадном просторе вертится вокруг Солнца маленькая Земля, где-то на ней, как точка, — Сызрань, а в ней — крошечный, мельче мошки, Толя. И всё-таки он, крошечный Толя, может проникнуть во все тайны звёзд и обратить всё это на пользу людям... Это было так здорово, что у Толи захватило дух.

...Дома всё было попрежнему, точно за эти часы ничего не случилось. В сенях кошка Машка, мурлыкнув, потёрлась о толино колено, а мама спросила из комнаты:

— Ты? А я уже беспокоилась... Садись ужинать.

Толя поужинал. Спать не хотелось. Он попробовал почитать книгу, начатую утром. Она показалась скучной и какой-то плоской... Нечаянно он подвинул к себе альбом с фотографиями. С первой страницы глянуло лицо отца — молодое, красивое, знакомое только по карточкам... Сейчас о его смерти думалось как-то особенно грустно и торжественно. Толя покусал ручку и начал писать, тщательно выводя буквы:

Ты был артиллерист и отдал жизнь
Отчизне,

Когда фашисты жгли родные города.
А я, твой сын, клянусь, что буду в жизни
Упорным, смелым и прямым всегда.

— Спать, полуночник! — сказала мама. — Завтра у тебя письменная... Забыл?

Больше ничего примечательного в тот вечер не было.

Всё шло, как прежде. Толя ходил в свой шестой «А», пел в школьном хоре, учил уроки, играл с ребятами... Но теперь ему никогда и нигде не было скучно: в жизни появилась цель.

Выходя из школы, он обязательно заглядывал в книжный магазин: нет ли чего новенького по астрономии? Недорогие книги он покупал и прочитывал взахлёб, правда, пропуская сложные формулы. Разобраться в них помог бы, вероятно, Михаил Алексеевич, преподаватель математики, но по какой-то странной стыдливости Толя не говорил об астрономии в классе. Одному Витьке, когда тот сказал, что хорошо бы в этом году купить «норвежки», Толя внезапно объявил, что надо самим построить телескоп.

— Ну да?.. — недоверчиво протянул Витька. — Телескопы, небось, строят астрономы...

— А Гершель?! — У Толи даже горло перехватило. — Гершель сам построил замечательный телескоп и открыл планету Уран. А у него, если хочешь знать, никакого специального образования не было...

— Ну, десятилетку-то он всё же, должно быть, кончил, твой Гершель, — не сдавался Виктор.

Однако он самоотверженно помогал другу, когда Толя вычитал в одной детской книге, «как самому построить телескоп». Вдвоём они склеили трубу из картона. Дело стало за очковыми стёклами. Толина мама и витькины родные не носили очков... Вспомнили о соседке, тёте Марусе, и Толя, обычно не умевший просить, произнёс такую пылкую речь, что тётя Маруся, вздыхая, отдала очки. Вздыхала она, положим, зря: очки были полнанные.

Телескоп получился точь-в-точь, как на картинке в книжке, и даже немного увеличивал предметы... Но, конечно, в такой инструмент не разглядишь ни кратеров на Луне, ни солнечных пятен, ни каналов на Марсе. А Толя хотел увидеть всё это своими глазами и как можно скорей... Нет, «игрушка» его не устраивает, ему нужен настоящий телескоп.

— Только бы найти хорошую книгу! Что-бы всё было всерьёз и понятно... — говорил он Витьке.

Такая книга нашлась. Называлась она «Самодельный телескоп-рефлектор» М. С. Навашина.

Некоторые страницы книги Толя просто напроосто выучил наизусть.

— Телескопы бывают двух видов: рефракторы и рефлекторы, — объяснил он другу.

Рефрактор — это телескоп с выпуклым стеклом-объективом. А мы с тобой построим телескоп-рефлектор, с вогнутым зеркалом... Только вот где взять стекло для такого зеркала?..

Как ни расспрашивал Толя друзей и знакомых, нигде в Сызрани не мог он найти подходящий стеклянный диск.

В книге говорилось: «Самым доступным материалом для зеркал служит так называемое иллюминаторное стекло, из которого делают круглые окна — иллюминаторы морских пароходов. Если не удастся достать иллюминаторные стёкла, то в зеркальной мастерской иногда можно заказать диски из иллюминаторного стекла».

В Сызрани не было зеркальных мастерских. А если б даже и были?... Толя представил себе, как они с Витькой входят в мастерскую и обращаются к дяде в очках:

— Сделайте, пожалуйста, диск на заказ.

— А чей это заказ, дорогие граждане?

— Наш... Мой и витькин...

Конечно, дядя из мастерской просто же поднимет их на смех... Нет, нужно придумать что-то другое.

Выход был один: сделать диски самим из обыкновенного оконного стекла... Знакомый стекольщик вырезал алмазом стеклянные восьмиугольники, и ребята принялись обтачивать их, приспособив для этого консервную банку. Впрочем, Витька скоро отстал: ему стало скучно...

Толя обтачивал диски один и втайне от мамы. Она почему-то была уверена, что он обязательно «покалечится»... Первый диск получился очень приличный, но, взявшись за второй, Толя неудачно обломал край, и мамينو предчувствие сбылось... Она застала сына с рукой, залитой кровью. Палец кое-как залечили, но он стал плохо сгибаться. Однако совсем не этот глупый случай заставил Толю отступить от своего замысла; просто он прочитал, что оконное стекло не годится для телескопа.

Подошло лето. По ночам Толе снилось, что он входит в будку, пахнущую свежим тёсом. Плавню откатилась крыша. В небо нацелилась могучая труба рефлектора. В овале его — Сатурн в полном блеске своих колец или же круг Луны, весь в дырочках, как блин на сковородке... Электрокарандашом Толя записывает наблюдения...

Просыпаясь, он вспоминал, что диска у него нет... Он осунулся и побледнел. Мама с трудом уговорила его пожить до осени у тётки в селе Базарном.

— Уехал мой одержимый, — радостно сообщила она соседке, проводив сына. — Хоть лето-то поживёт, как все ребята, отдохнёт, покупается...

Прошла неделя.

— А у вас гость, — сообщила соседка толиной маме, когда та возвращалась домой из магазина. — В комнате сидит.

Гостем оказался Толя.

— Ты что это, забыл что дома?.. Или не понравилось? — всполошилась мама.

Толя смущённо объяснил, что всё хорошо. Просто на складе, где работала тётка, неожиданно нашёлся клад — объектив старого перископа. Он никому не нужен, а для Толи — сокровище. Теперь он может построить телескоп, правда, не большой рефлектор, как он мечтал, а маленький рефрактор... В общем, это прямо сказочная удача, но к работе надо приступить немедленно, иначе он не успеет до начала занятий...

Мама взглянула на сияющее толино лицо, на покорёженный его палец и только махнула рукой...

* * *

В то лето Толя узнал, что вещи обладают удивительной способностью преображаться. Скажем, валялся во дворе ржавый, прохудившийся бак. Мама давно говорила, что надо бы убрать его куда-нибудь, и Толя собирался сдать его в школу на металлолом, да всё откладывал: уж больно тяжёлый. А теперь посмотрел Толя на бак — и вдруг понял: да ведь это замечательное устойчивое основание для телескопа, особенно, если поставить на него старую, давно выкинутую за ненадобностью печку-«буржуйку»!

Вообще среди лома и утиля нет-нет, да и обнаруживались чудесные вещи: гайки, винтики, шестерни. Целыми днями Толя копался в старье, что-то чистил, делал расчёты на бумаге, мастерил... Помогали Витька и другие ребята. И всё же им вряд ли удалось бы сделать телескоп, если бы не вмешался сосед, работавший на заводе. Суховатый, сдержанный человек, он долго присматривался к толиным трудам и наконец, расспросив, чего не хватает, помог Толе и опытом и делом...

И вот рефрактор готов. Из шестерни, извлечённой из металлолома, сделана червячная передача, и телескоп плавно вращается. При телескопе есть даже электрокарандаш с крошечной лампочкой, и, замирая от волнения, Толя теперь уже наяву наносит этим карандашом первые свои наблюдения за Солнцем:

«Широта — $53^{\circ}09'$, долгота — $48^{\circ}28'$.

Время местное.

Инструмент — самодельный рефрактор на немецкой экваториальной установке (тоже самодельной)».

«...Ясно, но ниже Солнца идут прозрачные, перистые облака. Только вчера выпал снег. Состояние наблюдателя бодрое, в конце наблюдения немного замёрз».

«...Солнце заслонено прозрачными облаками, поэтому наблюдение ненадёжно. Немного болит голова. Вчера провёл бессонную ночь, готовясь к сочинению...»

Всю зиму Толя урывками наблюдал за Солнцем и переменными звёздами, светилами, которые меняют силу блеска в более или менее определённые промежутки времени. Иногда в безлунные ночи сердце его замирало: в кружке телескопа появлялось слабое, туманное пятнышко. Комета!.. Разве мало комет открыто астрономами-любителями!.. Но «комета» оказывалась обыкновенной туманностью, и Толя утешался мыслью, что в следующий раз непременно схватит комету за «хвост»...

Сколько чудесных минут связано с этим рефрактором! И, должно быть, став большим, Толя не раз с тёплым чувством вспомнит эти вечера, занесённый снегом дворик, маленький, самодельный телескоп на печке-«буржуйке».

Но в эту зиму Толя больше думал о недостатках своего инструмента: объектив его очень мал, увеличение слишком слабо. То ли дело — большой телескоп, телескоп-рефлектор с вогнутым зеркалом!..

Толя не раз говорил об этом Витьке. Писал он об этом и новому взрослому другу, учёному-астроному, с которым он завязал переписку.

Снова зазеленело лето, подошло «пёсье время» — так, оказывается, переводится латинское слово «каникулы»... Кончились экзамены, памятью о них остались геометрические фигуры и формулы, ими Толя исписал стену сарая... Сейчас в сарае сложены доски: мама собирается перекрывать крышу. Досок много, часть их, конечно, останется. Вот когда можно будет построить будку для телескопа! Но что мечтать о будке, когда нет зеркала для рефлектора?!

Тогда-то и пришёл на помощь Толе «добрый волшебник».

Как вы, наверно, догадались, это был просто добрый человек. Точнее, это был тот самый взрослый друг, с которым переписывался Толя. Толино упорство и горячность тронули его так же, как тронули они раньше

Сколько чудесных минут связано с рефрактором!

сурового соседа. И, может быть, читая толины письма, учёный вспомнил время, когда он сам был таким же мальчишкой, упрямо штурмующим науку... Так или иначе, Толе пришла посылка, в ней лежали два толстых стеклянных диска: будущее зеркало и шлифовальник...

* * *

До чего различно воспринимают люди одно и то же явление!.. Спросите толину маму, и она скажет, что парень всё лето «света божьего» не видел и, пока другие ребята наслаждались отдыхом, бегали и загорали, он, бедняга, крутился, как присуждённый, вокруг стола и готовил вонючие смеси... По мнению же Толи, это было чудесное лето.

Всё было хорошо, даже «дипломатические» переговоры с рабочими, которые вари-

ли асфальт (у них приходилось выпрашивать гудрон для полировки), даже кропотливая возня с абразивами — шлифующими металлами!.. А уж тут, кажется, что весёлого? Часами толчёшь наждак или карборунд, а потом ещё «отмучиваешь» — взбалтываешь его с водой и ждёшь, пока крупные частицы осядут на дно, а лёгкие всплывут... И так по нескольку раз.

С утра Толя помогал маме по хозяйству, перекрывал крышу, но после обеда всё время принадлежало ему. Вытащив во двор стол, он шурупам укреплял на нём стеклянный диск — шлифовальник — и посыпал его влажным наждаком. Сверху накладывался другой диск — будущее зеркало... Потом начиналось то самое, что возмущало маму: Толя, как привязанный, медленно шагал вокруг стола, равномерно двигая зеркало руками взад и вперёд. Диск тёрся о диск — так шлифовалось стекло. Соседки, крутя головами, выглядывали из окон, с озера доносился ветер. Толя не обращал внимания ни на ветер, ни на соседок, а прислушивался к характерному хрусту наждака...

Поздней, когда зеркало стало вогнутым, а шлифовальник выпуклым, хруст сменился тонким посвистыванием. В ход пошли тонкие абразивы: Толя приступил к полировке. Зеркало постепенно делалось блестящим, светлым... Каждые полчаса Толя, волнуясь, уносил его в комнату — испытывать. Заслони́в световой луч бритвенным лезвием, по тене́вому отражению проверял он, есть ли на поверхности царапины или другие погрешности. Были, конечно, и царапины и другие погрешности. И снова Толя, исправляя ошибки, кружился вокруг стола и тёр стекло о стекло, а Машка бегала за ним, в простоте своей кошачьей души полагая, что всё это придумано только для игры.

Незаметно начался август... Зеркало стало светлым, блестящим. Пора было заняться механической частью телескопа. В книге говорилось, что столярные работы особенно трудны для любителя, не имеющего навыков. Навыков у Толи действительно нет, и всё же дело пошло неплохо... В несколько дней сколотили они с Витей просторную будку с крышей, которая плавно выдвигалась и задвигалась на шарикоподшипниках... А в отношении трубы Толя проявил твёрдость: он не хотел, чтобы труба была просто грубым четырёхгранником, как это предлагалось в книжке. Нет, труба у телескопа должна быть красивая! Не жалея времени и терпения, Толя сделал её восьмигранной, крепко скотитив промазанные олифой полосы фанеры.

В конце трубы укрепляется с помощью оправы зеркало. Дно оправы должно быть особенно толстым и прочным. Толя обил его металлическими пластинками. С этим пришлось здорово повозиться: попробуй провернуть в металле тридцать четыре дырочки, если нет дрели!

Теперь на очереди стояло приготовление серебрующего раствора для зеркала. Четырнадцать составных частей входит в этот раствор, и кое-какие из них не так просто достать школьнику. Помощники, конечно, у Толи нашлись, но не всегда от них был прок. Вот Лёшка, например, обещал достать азотную кислоту, а принёс серную, — он, видишь ли, перепутал... Наконец вся «химия» собрана. Толя мудрит над раствором, при этом поднимается такой смрад, что соседи сбегаются с криками... Хорошо, что мама вступилась. Знала бы она, что эта зловонная смесь при малейшей неосторожности может к тому же взорваться!..

Состав был готов, и вдруг оказалось, что он никуда не годен. Это Толя сплеховал: взял по неопытности алюминиевую посуду... И опять пришлось доставать материалы и снова отражать натиск соседей... Но вот и это позади, завтра можно приступать к серебрению... Зеркало, отполированное до полного блеска, лежит на полке в толиной комнате.

Знакомо ли вам ни с чем не сравнимое чувство, когда большая работа доведена до конца и стоит перед тобой — красивая, аккуратная, сделанная твоими руками? Вот этими самыми небольшими, мальчишескими руками, исцарапанными, пожжёнными кислотой!.. Как бы ни ворчала мама, втайне она гордится им.

Вечером Толя сидит за столом в маминей комнате. Завтра он посеребрит зеркало, и телескоп почти готов. В окне — звёздное августовское небо, на фоне его чернеет будка. В шкафу — серебрующий раствор, сделанный Толей. В маленькой комнате рядом — долгожданное, отполированное с таким старанием зеркало. Тихо. Мама моет посуду. Как вдруг...

...В первую минуту Толя как будто не понял, что случилось... Но почему же он так страшно побледнел, когда раздался этот короткий стук, почему так дрожали у него руки, когда, вбежав в свою комнату, он нащупывал на стене выключатель? Выключатель щёлкнул, неярко вспыхнула лампочка, и Толя ясно и дико, как бывает в страшных снах, увидел всё: пустую полку, салфетку, на которой повисла, уцепившись когтями взъеро-

шенная Машка, и на полу, возле ножки кровати, расколотый надвое блестящий зеркальный диск...

...Нет, он не убил Машку, хотя это было первое, что пришло ему в голову, когда он очнулся от столбняка. Виновница несчастья жива, я видела её — это очень миловидная кошечка, и пока Толя рассказывал о печальных событиях того вечера, она уютно сидела у него на плече. И разбитое зеркало я тоже видела, оно раскололось на две неравные части, одна из них похожа на смеющийся полумесяц...

Полумесяц Толя посеребрил: надо же было всё-таки проверить качество серебрящего раствора. Правда, посеребрил он его много позже, когда немного оправился от потрясения и впервые подумал, что не всё пропало вместе с зеркалом: в конце концов приобретены навыки, у него есть оправа, труба, есть будка с откатывающейся крышей...

Трубу я увидела во дворе, она сделана добротно, на совесть... И будка с откатыва-

ющейся крышей мне тоже очень понравилась.

— Крыша плосковата, придётся поднять,— заметил Толя.— А вообще-то я всю будку летом к Витьке во двор перетащу. Далеко, правда, зато видимость там лучше...

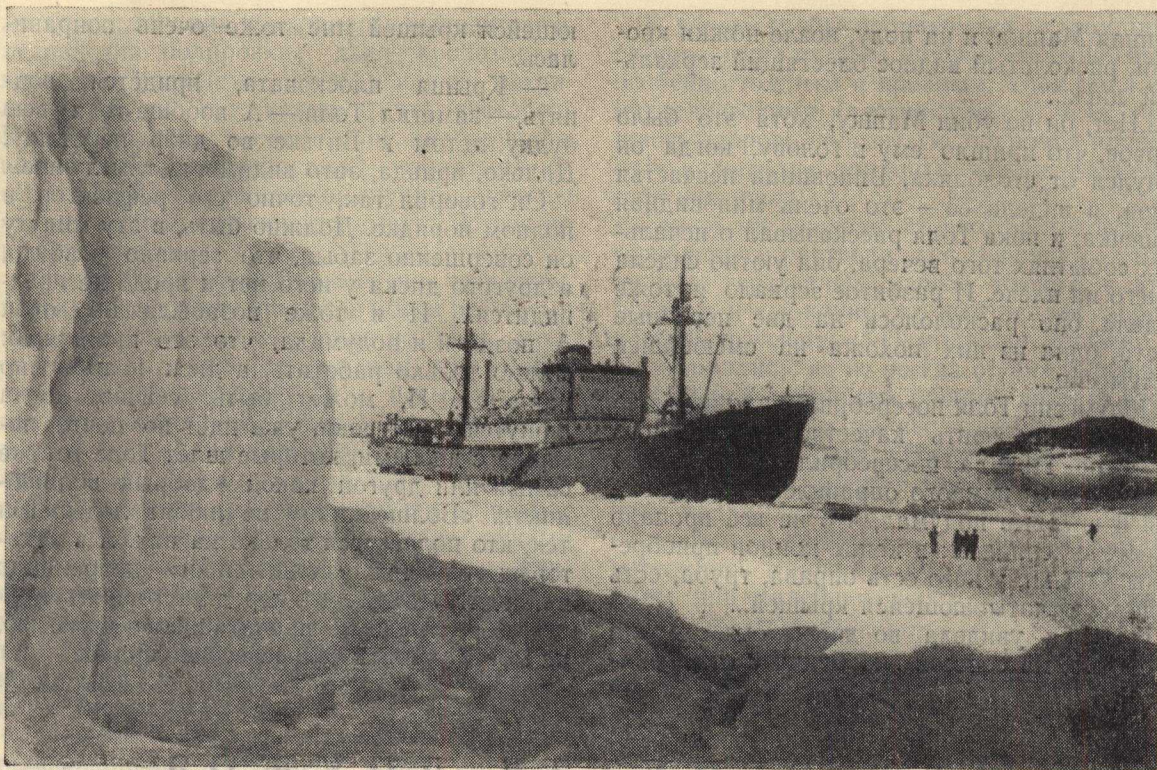
Он говорил так, точно его рефлектор в полном порядке. Должно быть, в эту минуту он совершенно забыл, что зеркало разбито, а другого диска у него нет и вроде не предвидится... И я тоже позабыла об этом. А позднее я подумала, что это правильно: нужно только работать, а диск непременно найдётся. И, может быть, сейчас, когда пишутся эти строки, уже идёт по почтесылка с дисками, которые шлёт Толе тот же самый или другой какой «добрый волшебник»... «Волшебники» не любят лодырей и тех, кто полагается только на них. А в некоторых случаях «волшебники» непременно приходят. Потому что перед настоящим упорством и трудом, пронизанным страстью, не могут устоять человеческие сердца.

Отвергнутая дружба

Молодой овчарке хочется поиграть. Ей очень нравится этот пушистый серенький котёнок. Но увы! Котёнок прижал уши, зашипел и занёс лапку для удара.

Излишняя недоверчивость часто лишает нас друзей.

НА ШЕСТОМ МАТЕРИКЕ

Со временем появится много толстых книг и целые альбомы фотографий, рассказывающих о первой советской комплексной антарктической экспедиции. Но и тогда с особенным интересом все будут разглядывать фотографии, которые мы помещаем здесь.

Эти снимки сделаны в первые дни жизни наших отважных учёных, полярников и моряков на неизведанном суровом материке.

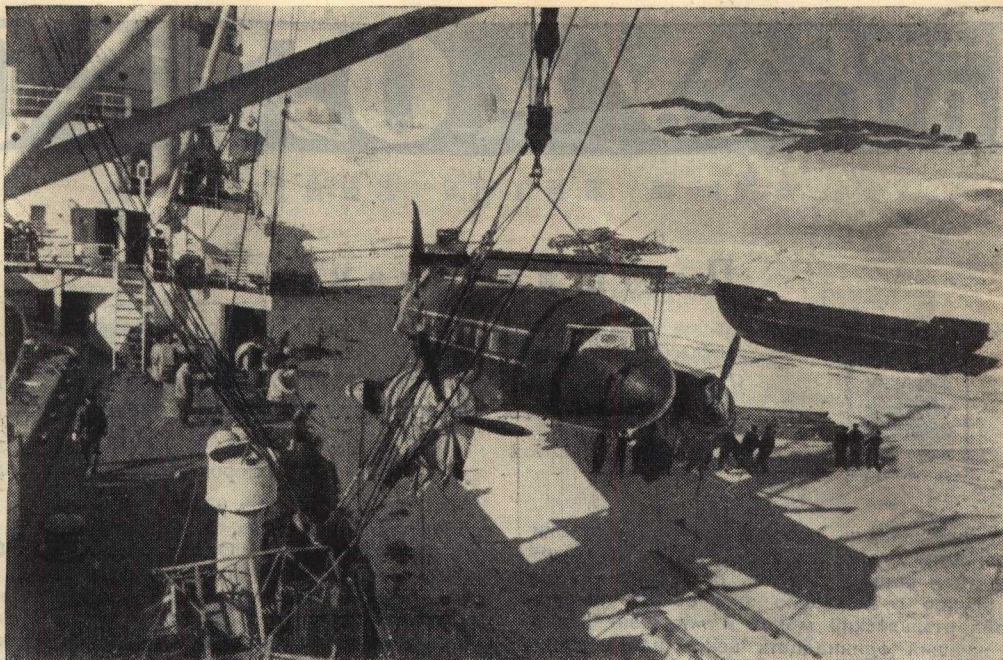

Дизель-электроход «Обь» подошёл к ледниковому барьеру. Отсюда проложили ледовую дорогу, чтобы доставлять на берег грузы. Корабль разгружался в очень тяжёлых условиях: из-за штормов ломался лёд, и поэтому часто приходилось менять место стоянки.

«Местные жители» — пингвины — очень общительны и любопытны. Их нисколько не испугало появление людей, наоборот, размахивая лапами и раскачиваясь, вышли они навстречу, с живым интересом наблюдая за работами.

Интересно ведь поглядеть, как спускается на лёд такая дикий птица, как самолёт.

Самолёты выполняют большую часть работы по исследованию Антарктиды,

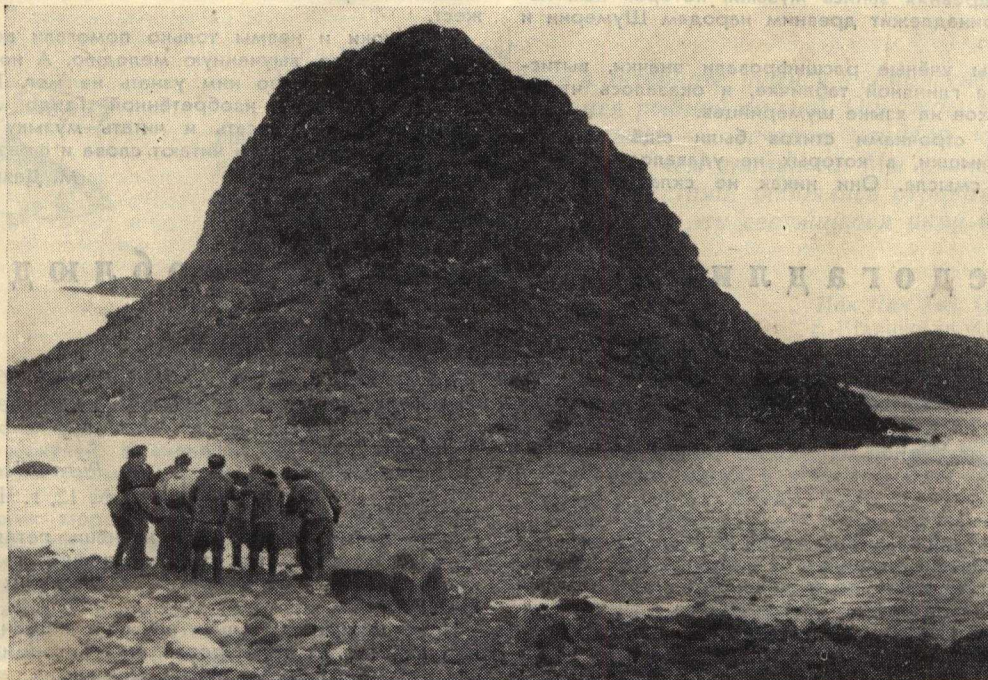
но прежде, чем они поднялись над Южным полюсом, их нужно было бережно опустить с борта дизель-электрохода, доставить на ледяной аэродром и собрать.

Оказывается, Антарктида не сплошь покрыта льдами; места, где обнаруживаются обнаженные скалы, зовутся здесь оазисами. Вот один из таких оазисов у восточного края шельфового ледника

Шеклтона. Полярники несут лодку, чтобы спустить её на воду озера.

Все эти фотографии сняты антарктическим летом. Сейчас в Антарктике суровая зима.

Давно уже построен посёлок Мирный, создана внутриматериковая станция Пионерская, и на далёком шестом материке советские учёные ведут повседневную научную работу.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Поющие знаки

Дорогая редакция!

Я учусь в 6-м классе. Я очень люблю музыку и хочу знать, кто и когда придумал ноты. Пожалуйста, ответьте на мой вопрос.

Виктор Назаров,
г. Боровск, Калужской области.

Если ты спрашиваешь про те значки, которыми теперь записываются музыкальные звуки и мелодии, то на твой вопрос ответить просто.

Запись звуков с помощью значков на линейках изобрёл итальянский монах и музыкант Гвидо Аретино, живший одиннадцать веков назад в городе Аретцо.

Но Гвидо записывал только на трёх линейках, а впоследствии стали записывать на пяти и, кроме того, на добавочных чёрточках сверху и внизу. Постепенно придумали много различных новых значков, позволяющих с точностью записывать самые сложные музыкальные произведения.

Но ведь музыка существовала у людей с незапамятных времён. Уже в глубокой древности люди пытались записывать её какими-либо знаками, по которым можно было бы повторить незнакомую мелодию песни и танца.

Самая древняя запись музыки, которая нам известна, принадлежит древним народам Шумерии и Вавилона.

Однажды учёные расшифровали значки, вытисненные на глиняной табличке, и оказалось что-то вроде стихов на языке шумерийцев.

Но над строчками стихов были ещё какие-то буквы-клинышки, в которых не удавалось уловить никакого смысла. Они никак не складывались в

слова древнего языка, на котором был написан весь остальной текст. Оказалось, что это буквами записана мелодия, на которую пели стихи.

Так была открыта музыкальная запись, сделанная тридцать столетий назад.

В Элладе тоже записывали мелодии буквами, но буквенная запись плохо передавала мелодию. Певцам и музыкантам приходилось заучивать её на слух. А чтобы при исполнении они не ошибались, тот, кто управлял хором или оркестром, жёстками старался напомнить им мелодию. Он как бы рисовал её в воздухе.

Потом стали рисовать мелодию уже не в воздухе, а на бумаге особыми значками. И каждый знак обозначал не отдельный звук, как у шумерийцев и древних греков, а часть мотива.

У нас на Руси эти знаки назывались знаменами или крюками, а в Западной Европе — невмами. «Невма» — греческое слово и означает кивок, жест.

Но крюки и невмы только помогали вспомнить уже известную, выученную мелодию. А новую, неизвестную певец по ним узнать не мог. Только с помощью записи, изобретённой Гвидо Аретино, стало возможно писать и читать музыку так же свободно, как пишут и читают слова и фразы.

М. Данилевич

Недогадливые ишаки и верблюды

Дорогая редакция!

Я хочу знать, почему животные, такие, как ишак и верблюд, когда сзади них идёт поезд, бегут впереди паровоза между рельсами до тех пор, пока их не собьёт паровоз?

Рита Шевченко,
школа № 12, г. Чирчик.

Конечно, дорогая Рита, если бы ишак или верблюд догадались свернуть в сторону, то остались бы живы. Но в том-то и дело, что животным не свойственна догадка. Догадываться — значит думать. Животные думать не могут. Они живут рефlekсами, унаследованными от предков или выработанными в результате собственного жизненного опыта. А опыт говорит: если тебя преследует сильный враг, скорее убегай и на открытом месте убе-

гай по прямой линии. Если начнёшь петлять, враг догонит скорее. Этот рефлекс вошёл в плоть и кровь животных за долгие тысячелетия их существования.

И вот случается: вышел ишак на железнодорожное полотно. А тут паровоз стучит, гремит, несётся на нашего бедного ишака. Для ишака паровоз — враг. И ишак стремится поскорее убежать от него по самой прямой дороге — по рельсам.

Заяц, попавший ночью на шоссе в полосу света от фар мчащегося автомобиля, никогда не свернёт в темноту, а удирает в полосу света по прямой. Но на крутом повороте дороги свет от фар

на какие-то секунды падает в сторону, заяц бро-сается с дороги в поле и тем спасается. А если дорога прямая, зайцу смерть.

М. Рябова

Тайна куска мыла

Здравствуйте, дорогая редакция!

Нас интересует, почему мыло мылится, а когда руки покрыты жиром, мыло даже не скользит в руке.

Света Кузнецова, Эля Решетникова,
ученицы 7-го класса школы № 20, г. Красноярск.

А вы попробуйте сначала натереть жирные руки золой или содой, а потом уж берите мыло и мойте. Увидите, как быстро и хорошо отмоются руки.

Мыло — это соединение щёлочи с жирами. Когда вы смачиваете мыло водой, оно под влиянием воды расщепляется на щёлочь и жирные кислоты. Щёлочь тотчас же вступает в соединение с жиром, которым покрыты руки, «отъедает» жир. А жирные кислоты, выделившиеся из мыла, образуют пену, и эта пена вбирает в себя грязь и потом смывается водой.

Когда у вас очень жирные руки, то дело осложняется. Той щёлочи, которая выделяется из мыла, не хватает, чтобы соединиться со всем жиром на ваших руках. Поэтому мыло даже не скользит. А вот если вы добавите щёлочи (золы или соды), то весь жир на ваших руках полностью соединится со щёлочью и легко смоеется.

Каждый раз, когда вы моетесь мылом, вы осуществляете сложные химические реакции.

И. Бавыкина

Светящаяся икра

Дорогая редакция!

Мы живём на Камчатке в интернате, учимся в семилетней школе.

Мы все очень интересуемся рыбной ловлей. Однажды наловили рыбы — лососей, кижучей, чавычи — и вечером увидели, что икра, вынутая из рыбы, светится ярче, чем гнилушки. Мы очень заинтересовались этим, но есть икру не стали: побоялись отравиться. Пожалуйста, ответьте: можно ли есть эту светящуюся икру и почему она светится?

С приветом

Пак Нак Хен, О Ди Хо,
г. Шапино на Камчатке.

Вы, ребята, наблюдали очень интересное явление. Чтобы выяснить, почему светится икра чавычи и кижучей, я ездил к научному работнику Московского зоопарка, и вот как он объяснил это явление.

У многих морских глубоководных рыб наблюдается свечение. На больших глубинах совершенно темно. И у некоторых рыб, когда нужно, начинают светиться бока или всё тело. Это приспособление выработалось у рыбы для того, чтобы легче было находить пищу. Пища (мелкие рыбёшки и рачки) сама плывёт на свет и попадает в рот рыбе.

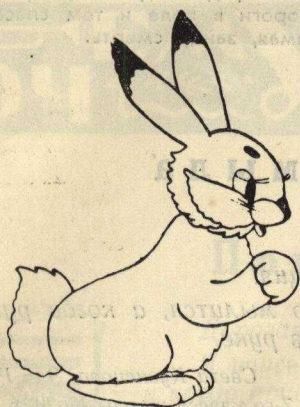
Когда мы заговорили о светящейся икре, мой собеседник сразу же спросил: «А когда поймана

рыба?» Этот вопрос, оказывается, имеет большое значение.

Судя по вашему письму, вы поймали рыбу в де-кабре. В это время у чавычи и кижучей как раз кончается нерест. Значит, икра светится во время нереста. Повидимому, эти рыбы откладывают икру на глубоких местах, и чтобы самец мог легче най-ти её и оплодотворить, икра своим свечением са-ма показывает, где её найти. Такое природное приспособление появилось у этих рыб в борьбе за существование.

Есть эту икру можно без опаски.

К. Кочетков

Звери, птицы, человеки.

Б. Воронов

В те дни к режиссёру М. С. Пашенко никто не входил без орехов или хотя бы конфетки. Всем работникам студии «Мультфильм» нравилось баловать четвероногих обитателей этого кабинета — двух резвых, глазастых белочек.

Белочки грациозно и цепко хватали гостинцы, орехи так и щёлкали под их длинными, белыми, пригнутыми внутрь зубками. Смотреть на зверьков было любопытно... Но несколько человек рассматривали их с особым, пристальным вниманием. Для режиссёра и художников киностудии наблюдения за белками не были забавой. Деловито и серьёзно изучали они своих будущих героев: ведь они приступали к работе над мультипликационным фильмом о приключениях белок.

Знание «натуры», наблюдательность нужны, разумеется, каждому художнику. Но художнику, работающему в области мультипликации, эти качества особенно необходимы. «Почему? — спросите вы. — Ведь мультипликации чаще всего — сказки, фантазия. Разве для изображения сказки нужно наблюдать жизнь?»

Да, конечно, нигде нет такого простора для изображения фантастических происшествий, как в мультипликационном фильме. Герои их — чаще всего говорящие звери и птицы, ожившие игрушки, одушевлённое солнце, ветер... В таких фильмах мальчики летают на луну, богатырь на глазах у зрителей выплывает море, сносит одним взмахом огромную гору... У режиссёра и операторов рисованного фильма неограниченные возможности: ведь на плёнку снимаются не актёры, не живые люди и звери, а рисунки, сделанные рукой художника. Недаром мультипликационный фильм иначе называется рисованным...

Верно и то, что герой такого кинофильма выглядит несколько иначе, чем живой его прототип. Скажем, мультипликационный заяц намного забавнее

живого, «всамделишного», все заячьи особенности у него несколько подчеркнуты... И всё же он очень похож на живого зайца — по-заячьи прыгает и настораживает ушки... Иначе бы вы его не полюбили, не поверили бы в него.

Образы рисованного фильма обязательно должны быть характерными, по-своему правдоподобными... Вот почему режиссёр Пашенко, работая над постановкой фильма «Лесные путешественники», купил себе двух белок. По той же причине художники мультфильма иной раз целые дни проводят в зоопарке, с карандашом в руке наблюдая повадки птиц и зверей.

Создание каждого, даже очень короткого рисованного фильма требует напряжённой, длительной работы. Чтобы передать одно как будто бы простое движение, художнику приходится сделать несколько десятков рисунков; быстрая смена их создаёт впечатление движения.

Например, на экране белка перепрыгивает с ветки на ветку... Это значит, что перед вашими глазами проходит целая цепь рисунков-кадриков. Каждый из них изображает лёгкое изменение в положении белки, а все вместе, быстро показанные один за другим, они сливаются в одно непрерывное действие... Случалось вам рисовать в блокноте фигурку человека в разных, последовательно изменяющихся позах, а потом быстро перелистнуть страницы?.. Правда, кажется что такой человек движется?.. На этом основан и принцип мультипликации в кино.

Конечно, рисунков в фильме должно быть очень много. Короткий мультипликационный фильм идёт на экране девять — десять минут. А знаете, сколько рисунков и эскизов сделали для этого художники? Тринадцать, а то и четырнадцать тысяч!

Конечно, одному человеку не справиться с такой работой, и над рисованным фильмом трудится целый коллектив художников. Художник-декоратор

рисует фон, на котором происходит действие. Другой художник занят созданием образа; он ищет характер персонажа, его особенности, движения, мимику и зарисовывает героев только в основных положениях. Третий художник озабочен тем, чтобы движение было непрерывным. Он делает промежуточные рисунки. Работой всех художников руководит художник-постановщик. А помимо художников, помимо режиссёров и операторов, в создании рисованного фильма принимают участие писатели, редакторы, композиторы, актёры...

Да, да, и актёры... Хотя на плёнку снимаются рисунки, актёры в мультипликационном фильме тоже принимают творческое участие.

Чаще всего они «играют» голосом, одушевляя рисованный образ речью или песенкой. Но случается, что они играют роли и в полном смысле слова.

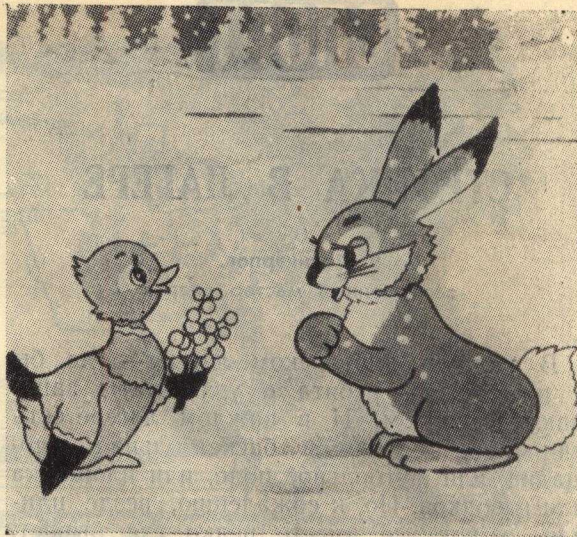
В студии «Союзмультфильм» нередко можно увидеть такое зрелище: известный киноактёр в костюме рыбака или тяжёлой шубе боярина играет перед съёмочным аппаратом. Зритель, правда, не увидит его игры, зато её увидит художник, отметит самое характерное в движениях и мимике и воплотит это в своих рисунках. Игра хорошего актёра для художника — та же «натура».

...Искусство рисованного фильма — самое молодое из всех искусств, у нас в Союзе ему немногим более трети века. Зачинателями его у нас были художники и скульпторы М. Цехановский, И. Иванов-Вано, В. Сутеев, рисунки которого многие из вас видели в журналах и книжках, и многие другие...

В июне этого года исполняется ровно двадцать лет, как в Москве создана специальная студия «Союзмультфильм», где над созданием рисованных фильмов сейчас трудятся свыше пятисот человек. Плоды их трудов вам хорошо знакомы. Многие из вас видели на экране чудесные фильмы-сказки «Конёк-Горбун», «Аленький цветочек», «Сказку о рыбаке и рыбке», тревожились о судьбе утки Серой шейки или же о дружных братьях Лю, смеялись над приключениями игрушек — героев фильма «Когда зажигаются ёлки»... Не вы одни любите эти фильмы... Ребята пятидесяти девяти стран Европы и Азии смеются вместе с вами, смотря «Необыкновенный матч», «Заколдованного мальчика», «Золотую антилопу» и многие фильмы, вместе с вами негодуют на Федю Зайцева, испортившего рисунком чистую стену школы, вместе с вами беспокоятся, вернётся ли домой заблудившийся котёнок...

В этом году вы увидите новые интересные мультипликационные фильмы. Уже заканчивается работа над большим, так называемым «полнометражным» фильмом «Двенадцать месяцев», поставленным по известной всем сказке С. Маршака. Сто пятьдесят тысяч рисунков и эскизов понадобилось нарисовать художникам для этого фильма! Скоро также встретитесь вы с новым героем — весёлым и добрым мальчиком Мурзилкой, главным действующим лицом фильма «Приключения Мурзилки».

В сказке «Миллион в мешке» вы увидите, как ри-

Кадр из кинофильма «Серая шейка».

сунки художника-волшебника оживают под его кистью, и перед вами пройдут приключения одной девочки, её щенка Кляксы и многих других. А тем, кто полюбил фильм «Необыкновенный матч», особенно интересно будет посмотреть его продолжение, которое носит название «Старые знакомые».

В скором времени выйдут на экраны страны сказка-шутка «Лесная история» и андерсеновская сказка «Гадкий утёнок».

Другая сказка Андерсена, любимая всеми «Снежная королева», появится на экранах в будущем году. Закончен также сценарий по сказке «Дикие лебеди».

Завершена работа над сценарием «Зербино-Нелюдим», написанным по сказке французского писателя Э. Лябуэ. Над сценарием фантастического фильма «Перевернутое дерево» работает известный индийский писатель Кришан Чандр.

Недалёк день, когда вы также встретитесь на экране с героем, которого все особенно полюбили, — с находчивым, весёлым мальчиком-луковкой Чиполлино из замечательной повести Джанни Родари. Заканчивается также работа над несколькими фильмами, в которых снимаются не рисунки, а куклы. Куклы разыгрывают перед вами пушкинскую сказку «О попе и работнике его Балде».

Ещё много волшебных, красочных, весёлых фильмов про зверей, птиц и забавных человечков собирается поставить «Союзмультфильм», и работники его надеются, что вы, ребята, встретите их так же тепло и полюбите так же крепко, как другие, уже знакомые вам картины.

СТРОЙКА В ЛАГЕРЕ

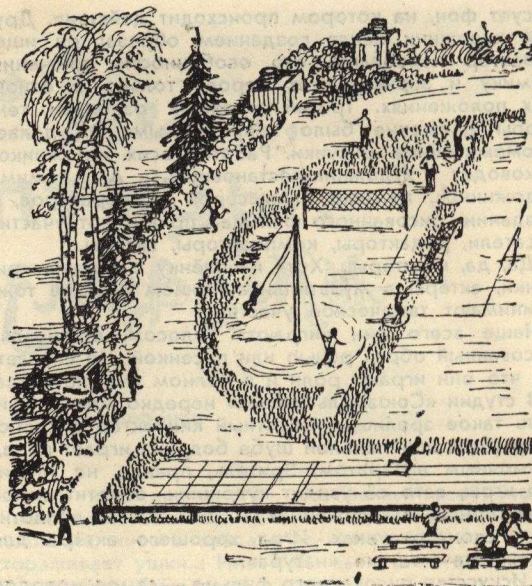
В. Поликарпов,
заслуженный мастер спорта

В каждом пионерском лагере — где бы я ни бывал — ребята с увлечением занимаются спортом. И в каждом лагере есть или волейбольная и баскетбольная площадка, или футбольное поле, или площадка для городков. Но, к сожалению, везде или-или, а вот всё вместе редко где бывает. А почему бы, кажется, не построить все эти площадки в каждом лагере? Почему бы вам самим не сделать для себя настоящий стадион? Ведь это в ваших силах.

Прежде всего найдите неподалёку от лагеря подходящий участок. Хорошо, если рядом будет лес или парк — они защитят стадион от ветра. На речке или озере устройте бассейн для плавания.

Не выбирайте для стадиона глинистый участок: глина плохо пропускает воду, и на ней вам не удастся сделать настоящее футбольное поле.

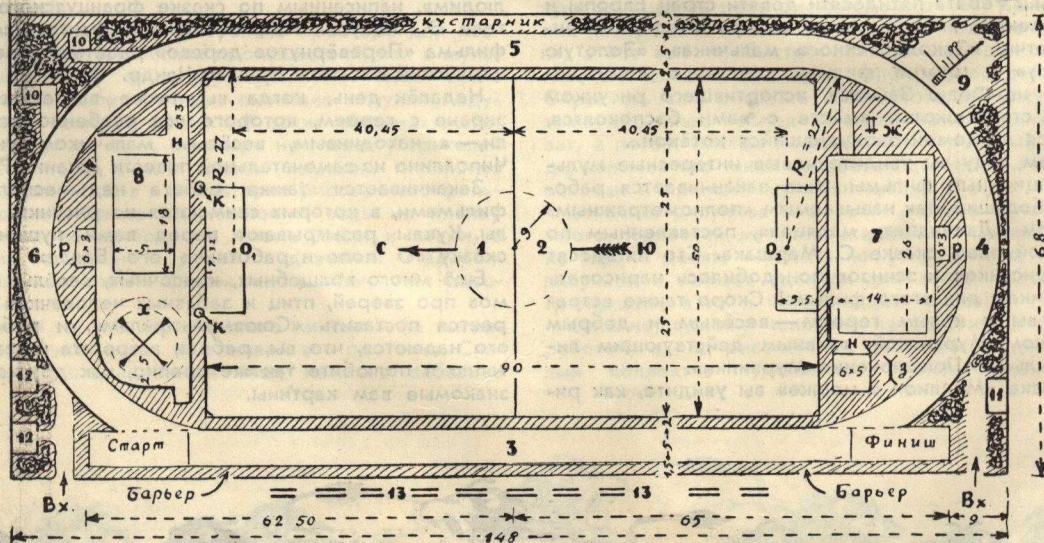
Чертёж стадиона показан здесь, внизу.

Перерисуйте его, посмотрите, как разместятся спортивные площадки на вашем участке, и начинайте стройку.

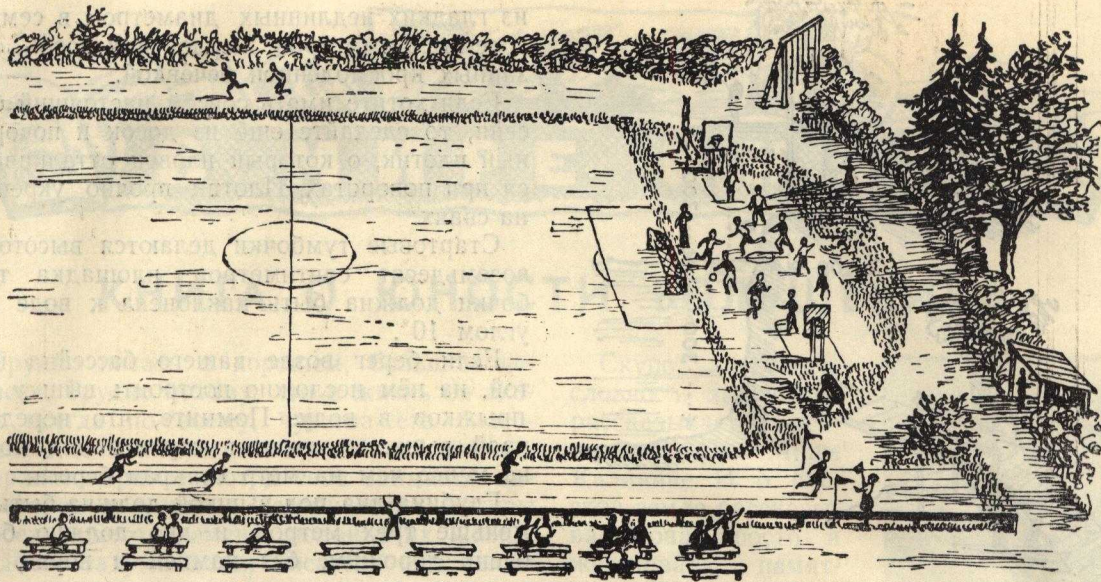
Сначала разметьте участок колышками: найдите центр футбольного поля и центры поворотов дорожки, углы футбольного поля и площадок.

Разровняйте участок, срежьте бугорки, засыпьте ямки. Скошите траву, а на голые места, там, где были бугры или ямы, положите дерн. Дерн режьте плитками небольшого размера (40×25 см) и кладите

План стадиона, общий вид которого вы видите на верхнем рисунке: 1, 2 — центр футбольного поля; 3 — прямая беговая дорожка, «стометровка»; 3, 4, 5, 6 — круговая беговая дорожка; 7 — баскетбольная площадка; 8 — волейбольная площадка; 9 — гимнастический городок; 10 — душевые для мальчиков и девочек; 11 — навес для снарядов; 12 — летние раздевалки; 13 — скамейки для зрителей.

Н — яма для прыжков в длину; Р — яма для прыжков в высоту; К — место для метания диска, гранаты, копья; Х — гигантские шаги; Ж — брусья; З — конь; Вх — входы; О₁ и О₂ — центры поворота беговой дорожки.

их, как камешки кладут кирпичи, — так будет прочнее.

Вокруг футбольного поля разметьте беговую дорожку, разровняйте её. Вниз положите щебёнку слоем сантиметров в семь, а сверху — пять сантиметров смеси песка и земли пополам. Если сможете достать гарь котельную или паровозную, то лучше сделать дорожку «гаревой». Гарь надо просеять через сетку с ячейками 10×10 мм и смешать её с порошкообразной глиной (семь частей гари и три части глины). Смешать их надо в сухом виде, а потом добавить воды и снова хорошенько перемешать, чтобы полу-

чилась кашевидная масса, которую и кладут на плотно укатанную щебёнку. Смесь надо укатать тяжёлым ручным катком (весом 300 — 400 килограммов). Такой каток или немного полегче можно сделать самим из отрезка широкой трубы или из толстого бревна.

Границы дорожки («бровку») надо отметить досками или кирпичами, вкопанными на такую глубину, чтобы они были вровень с поверхностью дорожки.

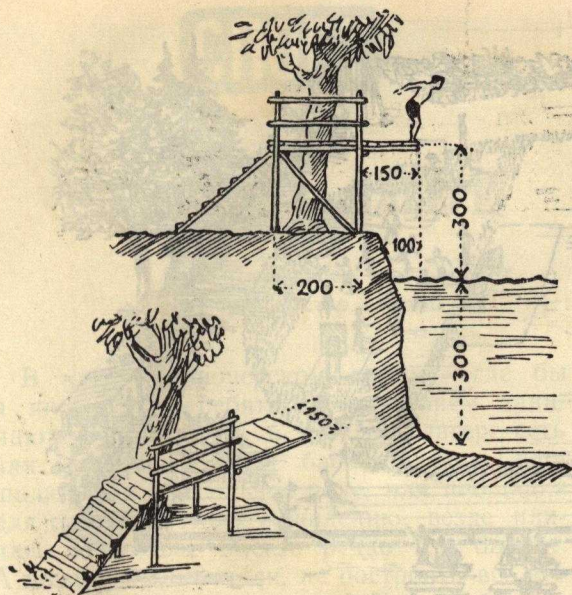
На площадках для баскетбола и волейбола обязательно разрыхлите грунт на глубину сантиметров в десять, уберите граблями му-

сор, посыпьте площадку песком и граблями, смешайте его с землёй, полейте площадку и утрамбуйте её. Чтобы после дождя на площадке не было луж, сделайте её слегка наклонной, на одну сторону или на две.

Бассейн для плавания на реке лучше все-

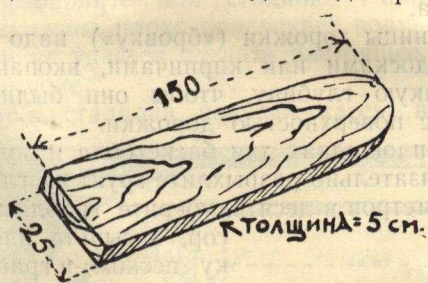

План простого бассейна на реке.

Трёхметровая вышка для прыжков в воду.

го устраивать возле пологого северного берега. На реках очень быстрых (если скорость течения больше одного метра в секунду) купаться опасно. И уж, конечно, там нельзя учиться плавать. Глубина дна в бассейне должна быть от одного до трёх мет-

Доска для плавания.

ров. Дно должно быть песчаным, без ила и тины, его надо тщательно проверить и очистить.

Хорошо, если ваш бассейн будет не меньше двадцати пяти метров длиной и шести метров шириной. В таком бассейне можно и учиться плавать и проводить интересные соревнования. В бассейне должен быть небольшой стартовый плот, укрепленный на сваях, как показано на рисунке, или хотя бы простой стартовый мостик; его чертёж мы тоже даём здесь.

Границы дорожек разметьте поплавками

из гладких недлинных диаметром в семь — восемь сантиметров жердей или досок, связанных просмоленной бечёвкой.

Если хотите иметь совсем настоящий бассейн, то сделайте ещё из досок и поворотный плотик, о который пловец отталкивается при поворотах. Плотик прочно укрепите на сваях.

Стартовые тумбочки делаются высотой в восемьдесят сантиметров, площадка тумбочки должна быть наклонена к воде под углом 10° .

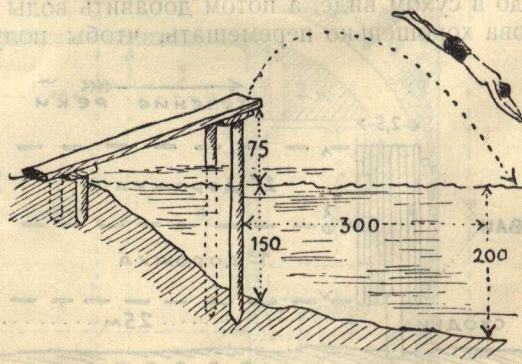
Если берег возле вашего бассейна крутой, на нём несложно построить вышку для прыжков в воду. Помните, что передний край вышки должен выступать над водой не менее чем на метр от края берега.

Глубина дна под вышкой должна быть не меньше трёх метров, и дно должно быть очень хорошим, без камней и коряг, без тины и ила.

Для выхода из воды сделайте в трёх метрах от вышки трап (лестенку) с поручнями.

Очень советую вам ещё сделать несколько плавательных досок. Лучше всего выпилить их из сосны. Доска должна быть длиной в сто пятьдесят сантиметров, шириной в двадцать пять, а толщиной в пять сантиметров. Доску надо хорошо остругать, покрасить белой масляной краской и высушить на воздухе.

Держась руками за доску, спортсмены разучивают правильные движения ног в воде, учатся регулировать дыхание.

Мостик для прыжков в воду.

Напишите нам, взялись ли вы за строительство, какие у вас затруднения, неполадки, получился ли ваш стадион таким красивым, как на картинке, или он ещё лужше.

КНИГА О ЮНОСТИ БОЛЬШЕВИКА

Трудно писать о хорошем, большом человеке. Трудно потому, что в жизнь он входит всегда по-своему, чувства его благородны, цель жизни велика. И всё же неудержимо привлекают к себе внимание литераторов подлинные исторические фигуры героев нашего времени, подвиги их жизни. Подолгу задумывается писатель над таким своим трудом, прежде чем взяться за него с полной мерой ответственности и сознанием своей силы, потому что и писателю для такого труда нужна сила.

«Обо всём можно написать красиво, но лучше всего слово о хорошем человеке», — как часто вспоминаются всем нам эти замечательные слова Алексея Максимовича Горького! И, вероятно, не раз вспоминала их и писательница Мария Павловна Прилежаева, когда начинала свою работу над книгой о детстве и юности Михаила Ивановича Калинина. Хороший он был Человек!

Ведь это он, верный соратник Ленина, учил молодёжь любить свою замечательную родину по-ленински, со всем, что в ней есть, со всеми её полями, лесами, заводами и колхозами, реками и озёрами. Это он учил маленьких и больших граждан Страны Советов в душах своих до самой смерти беречь прекрасные порывы молодости.

Крестьянский мальчонка из Верхней Троицы, позднее кадровый питерский рабочий и, наконец, один из первых руководителей Коммунистической партии и Советского государства, Михаил Иванович Калинин прошёл славный долгий путь. И сам он до конца дней своих сохранил молодое, ясное, радостное ощущение жизни. Свою родину, свой советский народ он любил по-молодому весело, всем сердцем, всей страстью своей.

Разве легко объяснить, рассказать читателям, как формировался такой характер, как возникала и росла у мальчика эта огромная человеческая любовь к людям, к родной земле! Какой он был, Миша Калинин, в начале своей жизни и каким надо быть, чтобы следовать его примеру!

Скупое, немного словно и задушевно рассказывает писательница о Мише Калинине. И о русской земле рассказывает она просто и жестковато, памяливо. Земля в то время не принадлежала грудящимся. Горько звучат в книге слова отца Миши Ивана Калиныча Калинина об этой господской земле: «Хорошо поле, да не про нашу соху...» И друзей-товарищей калининских описывает Прилежаева ласково и к берегам речки Медведицы приглядывается внимательно... Видно в книге всё: серые бедняцкие избы и роскошные барские хоромы, купол синего неба и стремительный полёт ласточек над рекой... По-доброму описаны добрые люди, неприветно отмечены злые...

Читайте эту книгу внимательно. Перед вами умная повесть не только о большом, талантливом человеке-самородке, но и о большом русском народе, о горе и радостях его...

Образ к образу, слово к слову — сколько настоящих, нужных народу людей проходит перед нами! Много значила в жизни Миши Калинина встреча с добрым, отзывчивым человеком — деревенской учительницей Анной Алексеевной. И о ней тепло пишет Прилежаева. Хорошо рассказано об отце и матери Миши, о сверстниках его. Много в книге радости, улыбки.

Но есть в ней страницы и подлинно трагические. Правдиво и страшно рассказывает книга о нищете и бесправии русского крестьянина в предреволюционные годы. Сбор недоимок на селе, трагедия семьи Войковых, у которых уводят со двора последнюю коровёнку, обрекая всю крестьян-

скую семью на голодную смерть, описаны с большой силой и правдивостью. И когда видишь, как, сидя в пыли на дороге, бессмысленно трясёт головой ограбленная соседка Калининых, слышишь, как кричит Фёдор Войков: «Где правду искать?», — понимаешь, почему идёт искать эту правду Миша Калинин.

«— Не убивайся, Фёдор! Как уж ни будь... — жалостливо промолвила Марья Фионина.

— Ча-а-аго! — шагнул Федор на Фионину, потрясая огромными костлявыми ручищами. — Ты с коровой, ты с лошадей? А мы без коровы, без лошади. Как-нибудь?! Научи, ну-ко-сь!

— Кончились мы, — говорит Федор безнадёжно спокойным голосом...»

В поисках куска хлеба для голодной семьи попадает Миша «мальчиком для услуг» в барскую усадьбу Мордухай-Болтовских, но нет такой силы, которая могла

бы его заставить забыть родную нищую деревню...

Настойчиво, целеустремлённо ищет встречи с настоящими людьми, с борцами за счастье и свободу народа Михаил Калинин. В Петербурге, куда забирают его с собой Болтовские, он много учится, знакомится с герценовской, запрещённой в России газетой «Колокол». Много понимает и узнает... И вот, наконец, к воротам завода «Старый арсенал» подходит новый рабочий. Вот он входит в заводские ворота...

«Это было осенью 1893 года, когда в Петербурге на революционную работу приехал с Волги молодой Владимир Ильич Ленин».

Так кончается книга.

Но писательница Прилежаева пишет продолжение повести, и, стало быть, встретимся мы ещё с питерским токарем и революционером Михаилом Калининым.

Борис Емельянов

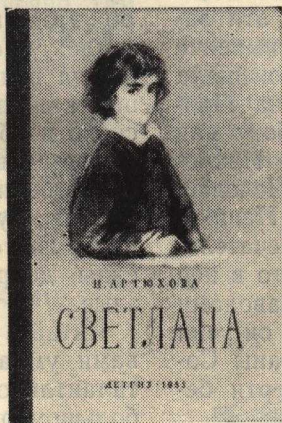
СВЕТЛАНА—ТВОЙ ДРУГ

Эта книга названа коротко и просто — «Светлана». И самое главное, самое интересное в ней — образ Светланы, сложный, жизненный и правдивый.

Мы встретим Светлану тринадцатилетней девочкой, и перед нами пройдет пять лет её жизни, тот «трудный возраст», когда человек растёт и меняется на глазах, впервые вступает в большой мир, открывает многое в людях, в себе самом.

Начало повести застаёт Светлану в переломный момент её жизни. В её сожжённую, разрушенную деревню пришли наши воины, те, кого здесь ждали с горячей надеждой и любовью.

Самое страшное в войне не разрушенные дома, а разбитые судьбы. Земля залечит раны, пожарище зарастёт, дома отстроятся... Но эти детские глаза без улыбки! Как вернуть Светлане детство, радость, семью? И вот девочку увозят в Москву, где начнётся её новая жизнь... Долго ещё война будет напоминать о себе: невольным чувством тоски и одиночества, взрывами отчаяния, отказом учить немецкий язык, самые звуки которого растрavляют недавнее горе Светланы. Но и в детском доме и в школе её окружают заботой, вниманием, у неё находится всюду много друзей. И в этой атмосфере любви и сердечности девочка понемногу оттаивает, отогревается.

В жизни бывает так, что большое личное горе озлобляет человека. Он замыкается в своём несчастье, как бы отгораживается им от людей: «Я вам не мешаю, и вы оставьте меня в покое!» И человек уходит в свои переживания, и горе его никогда не утихнет, потому что он отвергает помощь людей.

Светлана не замыкается в своём горе. Оно сделало её взрослее, серьёзнее, но в то же время сердечней, мягче, научило её быть чуткой к чужой боли, чужому страданию. И не случайно к светланиной помощи обращается директор детского дома в трудную минуту, когда бессилён даже опытный педагог. Двух малышек

из детдома разыскал их отец. Но у него изуродовано, обожжено лицо, и дети испугались, не узнали отца. Надо помочь человеку в эту горькую минуту. Трудно вспомнить о своей собственной беде, трудно говорить о ней с незнакомым, но Светлана не думает о себе, она хочет, чтобы горе не коснулось этой чужой, так неожиданно соединившейся семьи. Она говорит отцу малышей: «Я знаю, что мой папа погиб. А какое было бы счастье, если бы он вернулся вот так, неожиданно!..» «По-твоему, счастье вернуться таким, что родные дети шарахаются?!»

«Да, счастье! — крикнула Светлана. — Для меня это было бы счастьем!»

Она помогла отцу и детям преодолеть скованность и напряжённость первых минут. И целая семья была, в сущности, обязана своим счастьем этой маленькой, но взрослой девочке.

Да, Светлана становится взрослой. Всё больше зрелости появляется в её мыслях и поступках, шире и глубже становится её внутренний мир. Кем она станет, что будет делать в жизни? Вот один из крутых поворотов её судьбы.

«Класс — это парты в три ряда. За каждой партией сидят девочки — твои товарищи... Класс — это учитель за столом... Учитель рассказывает, его слушают... И вдруг класс как будто повернулся на

180 градусов. За партой сидят маленькие девочки и смотрят на тебя с ожиданием, а ты, большая, стоишь за столом учителя».

Правда, здесь Светлана ещё не учительница, она только отрядная вожатая. Не простой, не лёгкий это путь: ведь характер у неё не такой уж ровный и выдержанный, какой нужен для того, чтобы воспитывать людей. Недаром учитель в школе говорит ей: «Экий у тебя характер континентальный!» И всё-таки Светлана поступает в педагогическое училище, потому что для неё самое интересное — люди, их характеры, мысли, их внутренний мир. И вот перед нами новый поворот судьбы: Светлана едет вожатой в лагерь. Теперь она её попечении 146 ребят — 146 поводов для беспокойства».

Вот Светлана разговаривает в лагере с пионером, которого надо отучить ругаться. Она спрашивает мальчика: «Ведь ты никогда не слышал, чтобы люди, которых ты уважаешь, говорили такие слова? Разве твой папа так говорит?» И вдруг неожиданный ответ: «Папа говорит». И Светлана снова видит, как трудно найти правильный путь в этой сложной работе, как

легко допустить ошибку. Да, много ещё надо учиться, думать, присматриваться к людям!

Она умеет наблюдать, умеет по немногим словам, по какой-нибудь мелочи понять человека, но самое главное — никогда не остаётся просто наблюдателем, равнодушным зрителем. И когда перед ней раскрывается кусок чужой жизни — книга без начала и без конца, — она умеет не только читать между строк, стараясь понять настоящее, угадывая предыдущее, старается сделать так, чтобы новая глава этой раскрывшейся книги была весёлая, а не грустная.

Часто ещё приходится слышать: «Не принимайте всё так близко к сердцу». Или проще, грубее: «Что, тебе больше всех надо?» А вот Светлана всё принимает близко к сердцу. Она умеет вдуматься в состояние другого, чувствовать чужое горе, как своё. Редкое, но какое необходимое качество! Оно очень нужно Светлане, будущему педагогу. Оно нужно каждому из нас: ведь кем бы человек ни был, какую бы специальность ни избрал, он всегда работает с людьми и для людей. Светлана живёт с открытым

сердцем, не равнодушно, с интересом и сочувствием смотрит на людей. Светлана не может остаться равнодушной, если рядом с ней кто-то болен, одинок, несчастен, всё равно, кто: малыш-новичок в детдоме, больше всего тоскующий из-за разлуки со своим ручным ёжиком, или взрослые люди, которые считают свои беды непонятными девочке.

И читатель тоже смотрит на всех её пытливыми, вдумчивыми глазами и благодаря этому глубже понимает всех, с кем он встречается в этой книге. Он познакомится с хорошими людьми, у него появятся новые друзья, и прежде всего умный и чуткий друг Светлана.

Книга начинается словами: «И почему это все Гали беленькие, а чуть Светлана, — чёрненькая, как галчонок?..» И тот же самый человек, капитан, нашедший девочку в разрушенной деревне, говорит Светлане, встретившись с ней через пять лет: «А правильно всё-таки тебя Светланой назвали: подходящее имя». И верно: она из тех людей, от которых всем во круг становится светлее на душе.

Э. Кузьмина

Журнал мичуринцев и юннатов

Ребята! Начал выходить ежемесячный журнал ЦК ВЛКСМ «Юный натуралист». Любителям природы журнал расскажет о её тайнах и загадках; мичуринцы и юннаты найдут в нём практические советы по работе в юннатских уголках, на пришкольных участках. Юные колхозники — полеводы, огородники, шефы над молодым — прочтут на страницах журнала также много интересного и полезного.

«Юный натуралист» — журнал новый и старый одновременно. Он появился на свет в двадцатых годах. Возможно, что многие из ваших родителей читали «Юннат», были его корреспондентами, а некоторые бывшие читатели журнала стали теперь агрономами, учёными-биологами.

Самые давние друзья «Юного натуралиста» знакомы вам и по книжкам, которые вы читаете. Это писатель Виталий Валентинович Бианки, автор «Лесной газеты». Для первого номера Вит. Бианки написал рассказ о птицах под названием «Самые-самые». Это профессор А. Н. Формозов; его книга «Спутник следопыта» не раз выходила в Детгизе. В первом номере журнала профессор рассказывает о важной работе, которую ведут студенты биологического факультета: они выясняют, друг или враг человеку всем известная птица грач. И вы, ребята, можете помочь им ответить на этот вопрос. Если заинтересуетесь этим делом, загляните на тридцать третью страницу журнала.

Два чудесных рассказа, «Еловый лес» и «Хмель», Михаила Михайловича Пришвина напечатаны в первом номере журнала.

В письме «В защиту зелёного друга» обращается к вам Леонид Леонов. Писатель говорит о любви к Родине, к родной природе, о садах, о лесе, о зелени,

которую так необходимо беречь. Многих взволновало письмо писателя Леонова, и во втором номере редакция поместила отклики ребят и взрослых на это письмо.

Прочтите листки «Из дневника селекционера» кандидата сельскохозяйственных наук Ф. Зорина. Вы узнаете, как и зачем селекционеры ставят «заплатки» на деревья, о замечательном обычае искусных садовников-черкесов, о «дереве-саде», на котором растёт двадцать три вида цитрусовых.

В журнале есть постоянный раздел «Календарь природы», его ведёт профессор Н. Н. Плавильщиков.

В журнале есть также раздел «В мире науки», в котором напечатаны статьи акад. Т. Д. Лысенко, статья проф. А. П. Горина и статьи других учёных.

Во втором номере журнала напечатан большой рассказ о том, как в новой пятилетке будет получено одиннадцать миллиардов пудов зерна. В этом же номере вы прочтаете интересный очерк Ф. Полканова о рыбке гамбузии.

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ

Во втором номере журнала также много интересных сведений и практических советов: как бороться с вредителями садов и полей, как разводить карликовые сады, как выращивать цыплят и т. д.

Мы рассказали вам о двух уже вышедших номерах. Надеемся, что следующие номера будут ещё интереснее.

Е. Катина

Друзья ваших друзей

ЖУРНАЛЫ МАЛЕНЬКИХ КИТАЙЦЕВ

Наверху вы видите обложку журнала. Называется он «Сяо пэнью». Это значит «Маленькие друзья».

Ещё не раскрыв журнала, только взглянув на обложку, вы уже делаете интересные открытия. Оказывается, в Китае, как и у нас, малыши играют в лошадки. Только лошадки у них по-другому сделаны. Они состоят из двух половинок, которые подвешиваются на плечи.

Рисунки справа — тоже из «Сяо пэнью». Они рассказывают забавную историю о том, как белка пробовала нарисовать портрет зайца, который был в это время занят разговором с кошкой. Белка не заметила, как заяц и кошка поменялись местами, продолжала рисовать, и... портрет вышел такой, что насмешил и зайца и кошку.

Есть у китайских ребят и другие журналы. Их очень много. Один из них — «Картинка за картинкой». Само название говорит, какой он. Там страница за страницей идут картинки с подписями; целые повести в картинках.

Перед нами целая кипа журналов: тоненьких и толстых, больших и маленьких, с яркими картинками на обложках и с названиями, написанными на разных языках. Это журналы-братья. Их читают ваши зарубежные друзья, пионеры и школьники демократических республик.

Когда перелистываешь эти журналы, перед глазами встают те, для кого они печатаются. Мы видим и пионеров далёкой Кореи, и вьетнамских ребят в школе, заново отстроенной после недавней войны, и немецкого мальчика в яркосинем пионерском галстуке, строящего модель корабля, и склонившихся над страницами своего «Пломыка» польских ребят.

Китайские, чешские, венгерские ребята каждый месяц нетерпеливо открывают новый, только что вышедший номер своего журнала, чтобы прочитать интересный рассказ, посмеяться над весёлой картинкой, познакомиться с удивительными открытиями учёных, узнать новости, о которых сообщают в своих письмах их товарищи, пионеры из других школ, из других городов, из других стран.

Здесь, на страницах «Пионера», собрались в гости журналы наших друзей. Для первого знакомства мы расскажем вам понемножку о каждом из них.

Из Вьетнама и Кореи

Это журналы, которые читают дети двух героических народов. Слева журнал вьетнамских ребят «Тиен фон тхieu нхи» (дети, идущие впереди, то есть пионеры). Справа два корейских журнала: «Адон мунхак» — «Детская литература» и «Сонёндан» — «Пионер».

ТЁЗКИ

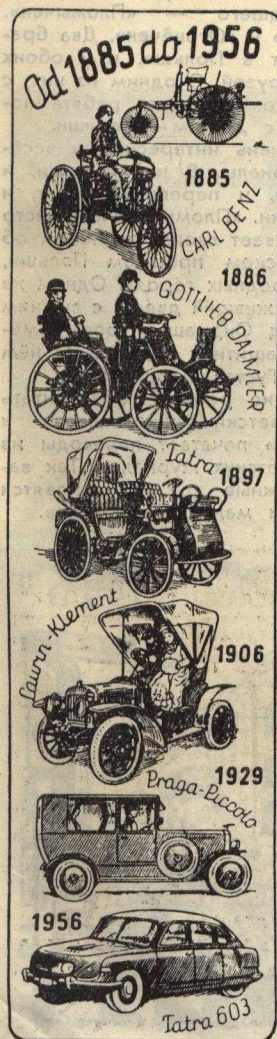
Журнал венгерских и журнал чешских ребят называются одинаково. Они тёзки, и хотя их имена звучат совсем различно — «Утёрё» и «Пионир», но значат они одно и то же. Картинки, которые вы видите слева, взяты из чешского журнала «Пионир». Эти картинки можно было бы назвать биографией автомобиля. Они показывают, как он менялся, как постепенно превращался в современную быстроходную, сильную и удобную машину. «Пионир» часто даёт такие рассказы в картинках из истории техники.

Из номера в номер читатели журнала «Пионир» следят за приключениями героев научно-фантастическо-

го романа «Друзья со Змееносца». Роман переносит нас в будущее, когда люди уже могут совершать путешествия не только на соседние планеты, но и в другие планетные системы. И вот в то время как земные астронавты на кораблях «Электрон» и «Фотон» летят к ближайшей звезде, к Проксиме Центавра, на Землю прибывает таинственный снаряд, а в нём — гости с далёкой планеты, спутницы одного из солнц созвездия Змееносца.

А что за смешная рожица смотрит на нас с обложки «Утёрё»? Ну конечно же, это венгерский «Петрушка», актёр детского кукольного театра, о котором рассказывает журнал. В «Утёрё» вы найдёте и народные сказки, и рассказы о природе, и переписку со школьниками разных стран, и самоделки, и спорт, и весёлые игры.

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Рисунок слева — иллюстрация к коротенькому и смешному рассказу из журнала румынских пионеров «Кравата рошие» — «Красный галстук». Прочитайте здесь этот рассказ и признайтесь, ребята, не случилось ли чего-либо подобного с некоторыми из вас?

«НЕ ТАКИ»

Раду и Дину занимаются... Решили приступить к повторению: ведь кончается четверть.

— «Верблюд — животное позвоночное, млекопитающее, жвачное...»

— Послушай, Раду, давай это пропустим. Это же только подробности. Ведь нам и в школе сказали:

«Не увлекайтесь подробностями!»

— «Верблюд обитает в жарких странах, в пустынях Африки, Центральной Азии и Туркестане...»

— Это всё мелочи, давай пропустим...

— «У верблюда два горба...»

— И четыре ноги, и два глаза, и хвост! Не останавливайся на пустяках!

— «Верблюд приносит пользу человеку, особенно в пустыне, где...»

— Ну и ладно! Что там ещё?

— Больше ничего, это всё.

— Всё? Видишь, что значит, когда не останавливаешься на мелочах. Вот как надо повторять!

— Хорошо, перешли к кроликам. «Кролики относятся к позвоночным...»

— Это известно... Как и верблюды...

— «Кролики приносят человеку пользу...»

— Как и верблюды. Пошли дальше!

— «Они питаются...»

— Важно то, что питаются... Давай дальше!

— «Кит... Кит — позвоночное, млекопитающее...»

— Как и кролики. Пойдём дальше!

— «Киты обитают...»

— Всё это подробности, Раду, всё это пустяки...

— «Он дышит лёгкими...»

— Как и верблюд. Переходи к самому главному!

— Здесь больше ничего и нет... Всё!

— Очень хорошо! Вот и закончили без лишних подробностей.

Ведь не урок учим! Читай дальше!..

Нужно ли говорить, что меньше чем за час они повторили три четверти зоологии? Или, может быть, я должен рассказать, как отвечал Дину на уроке, когда проверяли пройденное? Если вы всё же настаиваете, то пожалуйста, — расскажу...

Дину начал уверенно:

— Полевые мыши, если оставить в стороне подробности... Полевые мыши — это животные... вообще не очень большие... Главное, нужно сказать, что полевые мыши... гораздо меньше других, более крупных животных. Отбросив подробности, можно сказать, что полевые мыши живут в полях...

Может быть, не так уж важно рассказывать вам обо всех этих подробностях? Но есть всё же кое-что, чем я хотел с вами поделиться. Дину поставили отметку... Вас интересует подробность: какую? Двойку...

ДВА БРАТА

Старшего зовут «Пломык», младшего — «Пломычек». «Огонёк» и «Огонёчек». Два брата живут в Польше, и у обоих много друзей. С одним из них, с «Пломыком», дружат ребята постарше, с другим — малыши.

Это очень интересные и весёлые журналы. В них и стихи, и рассказы, и переписка ребят, и самоделки. «Пломык» очень часто рассказывает своим читателям об историческом прошлом Польши, о её народных героях. Одним из них был живший двести с лишним лет назад Ондрашек, гроза помещиков, защитник бедноты. О нём написал Густав Марцинек.

Польские ребята любят читать про советских школьников, и «Пломык» печатает переводы из наших детских журналов. Так ваши книжные друзья становятся друзьями маленьких поляков.

«ПЛАМЧЕ»

«Пламче» — тоже значит огонёчек, только не по-польски, а по-болгарски. Вот маленький рассказ из «Пламче» о том, как Куба хотел схитрить и как был за это наказан.

ПЕРОЧИННЫЙ НОЖИК

Давно Куба мечтает об этом перочинном ножике. Дня не проходит, чтоб он не появлялся у магазина и не проверял, там ли ещё ножик. Он всё боялся: не купил ли кто его? Куба решил: соберу немного денег, и тогда нож станет моим. Такого ножика в другом магазине не найдёшь: два лезвия, штопор и отвёртка, и всё такое красивое! Так и блесит!

Но вот послушайте, что было дальше. К Кубе приехал из деревни дядя и сказал:

— Пойдём со мной по магазинам. Поищем для моего Антека перочинный ножик. Ты мне поможешь выбрать.

Куба пошёл с дядей в магазин, а сердце у него так и стучало. Вдруг дядя купит тот самый ножик? Ведь он сразу поймёт, что этот ножик самый красивый.

— Ну, какой здесь самый красивый ножик? — спросил дядя, входя в магазин. — Конечно, этот?

Куба так и задрожал от страха: дядя держал в руках его ножик.

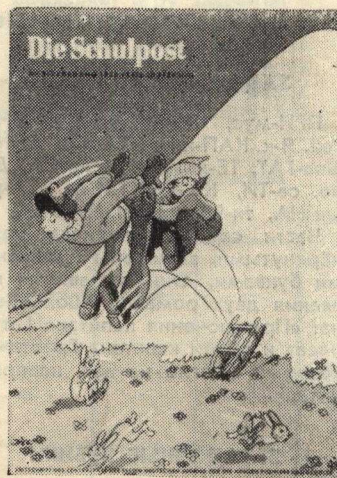
— Нет, — решительно сказал Куба. — По-моему, вот этот ножик гораздо красивее! — И он показал на совсем обыкновенный, самый простой перочинный ножик с двумя лезвиями.

— Хорошо, его и купим.

Придя домой, дядя сказал:

— Через неделю твой день рождения. Вот я и приготовил тебе маленький сюрприз. Уверен, что будешь доволен. — И он подал Кубе... только что купленный перочинный ножик.

«ШУЛЬПОСТ»

Познакомьтесь, пожалуйста, с этими двумя мальчишками. Они то и дело появляются на страницах журнала немецких пионеров. Зовут этих мальчишек Мопс и Эде, они неразлучные друзья, и с ними вечно случаются всякие невероятные приключения. В нынешнем году Мопс и Эде встречаются читателей прямо на обложке каждого нового номера «Шульпоста». И, конечно, это очень приятные встречи.

«У Марианны есть птичка». Так называется повесть о девочке, которая нашла своего отца, коммуниста, заключённого при Гитлере в концентрационный лагерь и пропавшего без вести. Из номера в номер читатели «Шульпоста» с волнением следили за судьбой Марианны и её приятеля, уличного мальчишки Якоба, за их невзгодами и радостями, за их хорошей ребячьей дружбой.

На страницах «Шульпоста» вы найдёте и историю жизни великого композитора Вольфганга Моцарта, и рассказы о детстве Генриха Гейне, и средневековые немецкие легенды о великанах и гномах, и фантастическое путешествие двух ребят в аппарате, который переносит их в далёкое прошлое: сначала к пещерным людям каменного века, потом к римлянам, потом к древним германцам.

А в одном из номеров «Шульпоста» вы встречаетесь с рассказами, стихами и рисунками из польского журнала «Пломык». Оказывается, это «Пломык» в гостях у «Шульпоста».

В часы ДОСУГА

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ!..

Знаете ли вы, кто из замечательных людей, выдающихся деятелей науки и искусства, был одновременно:

1. Поэтом и художником.
2. Скульптором, живописцем, архитектором и поэтом.
3. Педагогом и писателем.
4. Поэтом и учёным.
5. Композитором и учёным.
6. Художником, учёным и инженером.

Составил Г. Смирнов.

ПОДСКАЖИТЕ ИМ ДОРОГУ

Ребята заблудились в лесу. Чтобы попасть домой, им нужно идти на запад. Но как узнать ребятам, где находится запад, если небо затянуло тучами, солнца не видно, а ни компаса, ни часов у них с собой нет?

ОТВЕТЫ

на задачи, помещённые в № 5

ЗАДАЧА В КАРТИНКАХ

ПРИ-мус, КЛ-ей, кл-ЮЧ, ЕНИ-сей, Я-к, КАП-кан, ИТА-лия, лу-НА, шпа-ГАТ, ТЕ-нь, го-РА, ли-СА, ДЕ-по, се-ТИ, КА-др, ПИ-ла, ТА-ра, ши-НА, ти-ГР, кр-АН, ТА-нк.

Части слов, оставшиеся незачёркнутыми, выделены прописными буквами. Они составляют названия двух романов Жюль Верна: «Приключения капитана Гаттераса» и «Дети капитана Гранта», — которые многие из вас, наверно, читали.

ЗАГАДОЧНЫЕ КУБИКИ

Кубиков дано в задаче столько же, сколько букв в русском алфавите, — 33. На каждом кубике есть две буквы. Назначение первых и вторых букв разное. Если, отбирая кубики, вы положите их в алфавитном порядке по первым буквам, то из вторых букв составится текст нашей задачи: «Книга — это богатейший источник знаний».

ЛЮБОПЫТНЫЕ ПОКУПКИ

Первый покупатель получил на 10 рублей 4 яблока, 4 груши и 2 лимона — всего 10 штук разных фруктов. Второй — на 15 рублей 8 яблок, 5 груш и 2 апельсина — всего 15 разных фруктов. Третий — на 20 рублей 14 яблок, 5 лимонов и 1 апельсин — всего 20 штук разных фруктов.

КАКИЕ ГОРОДА!

О	Р	Е	Л		
С	О	К	О	Л	
С	О	Р	О	К	И

Орёл — областной город РСФСР.
Сокол — город в Вологодской области.
Сороки — город в Молдавской ССР.

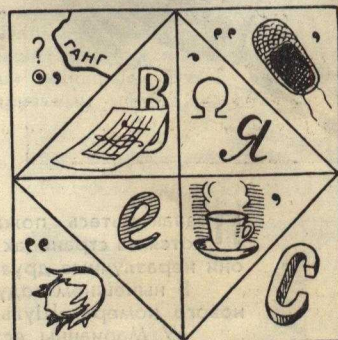
КАК ЗОВУТ МАЛЬНИКА!

Выделив указанные буквы в именах девочек (П-аша, Л-Е-на, Ри-Т-а, Вал-Я), вы прочитаете имя мальчика: Петя.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ АНАГРАММА

Токио — столица Японии. Киото — один из крупнейших японских городов, прежняя столица Японии.

ДВОЙНАЯ ЗАДАЧА

Делу — время, потехе — час.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор А. Ефимова.

Рукописи не возвращаются.

А 05758.

Подписано к печати 31/V 1956 г.

Тираж 300 000 экз.

Изд. № 526.

Заказ № 1178.

Форм. бум. 84 × 108^{1/16}. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

«Юный связист»

Многие из вас интересуются телеграфной азбукой и флажковой сигнализацией по системе «семафор» (рисунок 1). Играя в лото «Юный связист», вы сможете совершенствовать свои знания в сигнализации.

Лото легко сделать самим.

Заготовьте шесть картонных карточек размером 9×15 см. С обеих сторон карточки разложите на клетки: три ряда по шесть клеток в каждом ряду.

Образец такой карточки вы видите на рисунке 2. С одной стороны клетки её заполнены знаками телеграфной азбуки; с другой стороны те же буквы обозначены по азбуке «семафор». Буквы подобраны так, что по ним в каждом ряду можно прочесть слова: «Москва» — в верхнем ряду, «пионер» — в среднем ряду и «правда» — в нижнем ряду. Играть можно на любой стороне карточек.

Так же сделайте ещё пять карточек. Пользуясь таблицей, напишите на них с обеих сторон следующие слова: вторая карточка — «фрукты», «цветок», «совхоз»; третья — «рыцарь», «офицер», «кинжал»; четвёртая — «шляпка», «азбука», «смелый»; пятая — «железо», «якорь», «линкор»; шестая — «турист», «тайфун», «флюгер».

Для игры понадобятся ещё марки с обозначением букв и фишки для закрывания клеток.

Нарежьте из картона сто восемь квадратных марок размером в клетку игральной карты и напишите на них условные знаки всех шести карточек. На марке вместе с условным знаком пишется и обозначаемая им буква (рисунок 3). На обороте марки та же буква, но со знаком другой системы сигнализации. Сто восемь букв и составляют те восемнадцать слов, которые могут быть написаны на всех шести карточках.

Столько же надо сделать и фишек для закрывания клеток. В отличие от марок их можно сделать круглыми и меньшего размера; на фишках ничего писать не надо (рисунок 4).

Игра ведётся так. Допустим, вы решили играть в лото по телеграфной азбуке. Все играющие (их может быть и меньше шести) берут по одной карточке. Один из играющих ведёт игру. Как и в обычном лото, он вынимает из

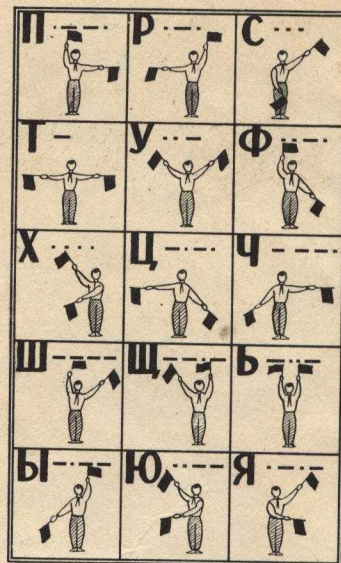
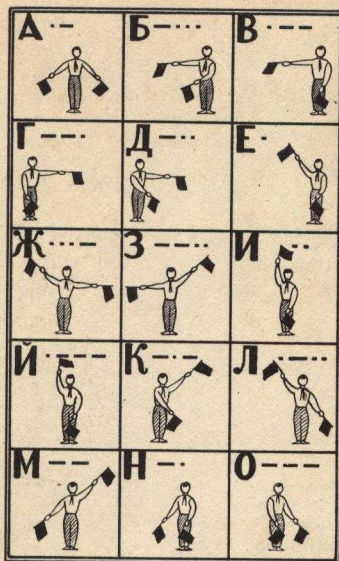

Рис. 1.

мешочка или конверта марки и называет написанные на них буквы, а каждый из играющих отыскивает названные буквы в клетках своей карточки и закрывает их фишками. Вот здесь-то и понадобится вам знание телеграфной азбуки!

Как только один какой-нибудь ряд на карточке кого-либо из

играющих заполнится фишками, игрок объявляет игру закрытой и прочитывает слово, написанное в ряду, закрытом фишками. Если ответ верен, игроку засчитывается очко, и игра начинается сначала. Ведущие игру поочередно меняются.

Составил Н. Звескин.

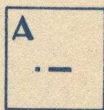

Рис. 3.

Рис. 4.

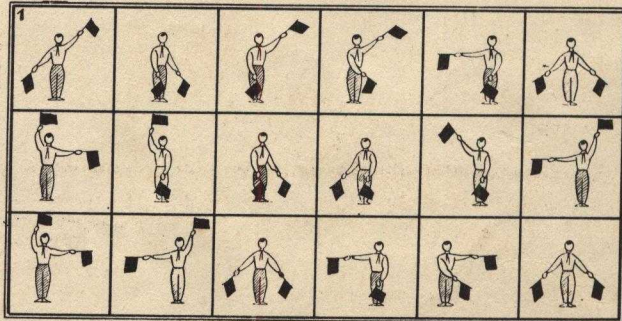
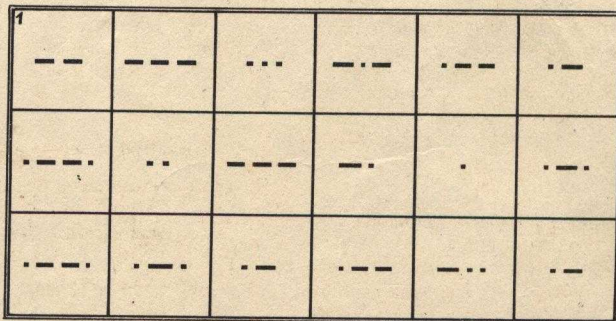

Рис. 2.

Цена 2 р. 50 к.

Знакомы ли вам эти фильмы?

«ЛЕВ И ЗАЯЦ»

«КОНЕК-ГОРБУНОК»

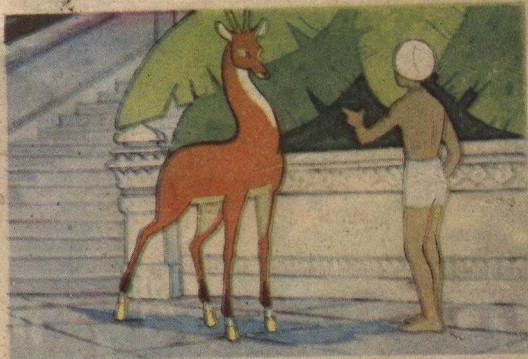
«ЭТО ЧТО ЗА ПТИЦА?»

«БРАТЬЯ ЛЮ»

«ФЕДЯ ЗАЙЦЕВ»

«ЗОЛОТАЯ АНТИЛОПА»

«НЕОБЫКНОВЕННЫЙ МАТЧ»

«СЕРАЯ ШЕЙКА»

О том, как снимаются мультфильмы, можно прочитать на 68-й странице.